К 63.5
Г-121

Б. Г. ГАБИСОВ

Чеченцы и Ингуши

(проблема происхождения)

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

К-во пред. выдач

20.05.99-1/6.

20.05.99.

8433

Книжный формуляр

К 63.5
Г-121

Габлено
Уо-

Б. Г. ГАБИСОВ

Чеченцы и ингуши

(ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Республиканская библиотека
отдел комплектования
8433

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ

Республиканская библиотека РИ
Национально-краеведческий
отдел

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ДЗУРДЗУКИ»

Грозный — 1991

ББК 63
Г 12

Издание осуществлено за счет средств автора

Г 12 Габисов Б. Г. Чеченцы и ингуши. Проблемы происхождения. Грозный: Книга, 1992. 128 с.

Г $\frac{1805080000—49}{М135(03)}$ Без объявл. ББК 63

ISBN 5—7666—0569—2

© Б. Габисов, 1992

Седая древность при всех обстоятельствах останется необычайно интересной эпохой для будущих, ибо она является основой позднейшего прогресса.

Ф. Энгельс.

ОТ АВТОРА

Чем больше время отделяет нас от исторических событий прошлого, чем больше мы отдаляемся во времени от наших предков, тем больше меняются люди, образ их жизни. История, события забываются, если они не зафиксированы.

Нынешнее поколение русских, украинцев, белорусов, грузин, армян и некоторых других наций из письменных источников знают о своем происхождении, о былом своих народов. Чеченцы и ингуши в дореволюционный период не имели своей письменности, у них не было своих летописцев, историков, писателей, оставивших какие-либо заметные следы по истории своих народов.

Мы обратились к теме об этногенезе чеченцев и ингушей (вайнахов) [1], во-первых, как нам кажется, устремленность в будущее не мешает развитию интереса к прошлому, ибо прошлое — это пройденная ступень к настоящему и будущему.

Во-вторых, только «познав прошлое, можно понять настоящее и предвидеть будущее» [2].

В-третьих, творческий поиск в науке невозможен без борьбы мнений.

Стараясь в пределах возможного ответить на поставленные вопросы, мы держались, по возможности, строго фактической почвы. Если не выводы наши, то обобщения, которые удалось нам сделать о времени давно минувшем, послужат, надеемся, на пользу дальнейших исследоваяний.

---

[1] Вайнах дословно «наши люди». Образовалось из двух слов вайн — наши, нах — люди. Чеченцы и ингуши издавна называют себя «вайнахами». Так назвали себя местные горцы, чтобы отличить соплеменников от других народов Кавказа. Словом «вайнах» объединяются родственные по языку и культуре чеченцы и ингуши, хотя каждый из них имеет свое собственное наименование: чеченец— это нохчо, а ингуш — это гIалгIа.

[2] Пономарев Б. Н. «Задачи исторической науки в подготовке научно-педагогических кадров в области истории». М., 1962. С. 6.

Автор не претендует на окончательную истину. Это и понятно, так как научный поиск — процесс развивающийся, не знающий прямой дороги.

В работе обобщен большой исторический, этнографический, археологический, лингвистический материал, как опубликованный, так и выявленный нами во время работы над темой.

В качестве литературных источников, привлеченных нами для сравнительного освещения поставленных нами проблем, значительное место заняли общекавказский материал и специальные труды по отдельным народам Кавказа, опубликованные как в дореволюционный период, так и в годы Советской власти. Это дало возможность установить общеисторические явления в общественном строе и быте горцев Североного Кавказа.

ВВЕДЕНИЕ

До 60-х годов XIX в. о чеченцах и ингушах в их современном этническом понимании не было написано сколько-нибудь серьезных работ, хотя первые упоминания о предполагаемых предках вайнахов мы находим у греческого географа Страбона — гаргареи — I в. до н. э., М. Хоренского — начхаматьяне — VII в. н. э., Леонтия Мровели — дзурдзуки — начало XI в. н. э. Подробные сведения о быте и общественном устройстве средневековых вайнахов принадлежат царевичу Вахушти Багратиони (XVIII в.). В своей работе «География Грузии» он касается не только географических описаний, но дает также некоторые ценные этнографические сведения (о нравах, обычаях, религиозных верованиях).

Несмотря на скупость упоминаний в источниках о вайнахских обществах, Чечня и Ингушетия, однако, не представляли собой неизведанных земель. Русским и грузинам не только были знакомы отдельные горные общества, в частности, Чечни, но с некоторыми из них, как показывают источники XVI—XVII вв., уже существовали длительные контакты.

Так, в 1658 г. представители Тушетии принесли присягу на подданство России в соборной церкви в Кремле. Вместе с тушинами побывали в Кремле трое шибутян — Алихан, Сусло и Алган. Полагаем, что они вайнахи-шатоевцы. Они, как и тушины, учинили веру в соборной церкви [1]. Таковы были первые шаги русско-вайнахских связей.

Как сообщал «Терский сборник» за 1892 г., историей, этнографией, языком, социальным положением и проблемой этногенеза вайнахов занимались преимущественно военные, туристы, путешествовавшие по Кавказу с целями, часто очень далекими от науки, представители местной администрации [2].

---

[1] Кушева Е. Н. Народы Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30 годы XVII в) М., 1963. С. 73.

[2] «Терский сборник». Приложение к терскому календарю на 1892 г. Кн. II. Владикавказ, 1892.

ва[27], С. Ц. Умарова[28], И. М. Сандова[29], Ш. Б. Ахмадова[30], А. А. Исламова[31] и некоторых других.

Говоря о значимости темы и предмета нашего исследования, следует особо отметить, что актуальность изучения истории, традиционного хозяйства и материальной культуры вайнахов в прошлом подчеркивается также и тем обстоятельством, что их важнейшие элементы все быстрее и быстрее исчезают и, следовательно, становятся все более и более недоступными для непосредственного изучения, а сами источники — энциклопедической редкостью.

---

27 Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977.

28 Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни XIII—XVII вв. Автореферат канд. диссертации. М., 1970.

29 Сандов И. М. Общественный быт вайнахов XIX — нач. XX в. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1972.

30 Ахмадов Ш. Б. К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечне и Ингушетии в XVIII в. Грозный, 1980.

31 Исламов А. А. Пережитки первобытнообщинного (материнско-родового) уклада у чеченцев и ингушей. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1963.

ГЛАВА I

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАЙНАХОВ

Изучение процессов становления народов и наций — одна из сложнейших проблем, так как она требует целенаправленного и комплексного изучения памятников археологии, антропологии, истории, языка и этнографии. Причины того, что научная история двух родственных народов — чеченцев и ингушей — еще не написана, как раз и кроются как в неравномерности комплексного изучения, так и в степени изученности разнообразных источников, которыми располагает история. Отсюда существенные пробелы в наших знаниях об особенностях исторического процесса, некогда протекавшего в крае вайнахов, а также на всем Кавказе.

В нашем исследовании мы решили остановиться на основных памятниках истории, рассматривая этот вариант как наиболее приемлемый для изучения исследуемой нами проблемы.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАЙНАХОВ

Археология как самостоятельная наука тесно связана с этнографией. Археология, по образному определению исследователя-историка В. Алексеева, — это этнография, опрокинутая в прошлое. Но в ней полностью исключены какие-либо представления о народе. Здесь остались лишь предметы быта, хозяйственные орудия, постройки и т. д. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением отдельных ученых о том, что археологический материал «нем». Он не «нем», а говорит «полушёпотом» [1].

В условиях царизма из областей Северного Кавказа только Дагестан, Осетия и район Майкопа были более или менее изучены в археологическом отношении. Планомерное научное исследование археологических памятников в Чечено-Ингушетии было начато только советскими учеными. Археологические работы в нагорной части Ингушетии ставят эти районы, по сравнению с другими районами Северного Кавказа, на одно из первых мест по изученности

---

[1] Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 191.

культуры и быта прямых предков современного населения края»[1], — писал профессор Л. П. Семенов.

Значительный вклад в изучение истории вайнахов в археологическом отношении внес советский ученый А. П. Круглов, перу которого принадлежит ряд ценных работ[2].

Огромный вклад в археологическое исследование древностей вайнахов вносят фундаментальные научные труды выдающегося советского археолога профессора Е. И. Крупнова[3], а также работы Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ), в которых дается историческая характеристика древних и средневековых обществ, их культуры и делается попытка их этнического определения[4].

Ценными нам представляются и археологические исследования, проведенные под руководством В. И. Марковина[5]. Именно им была заложена подлинно научная основа описания и обмеров таких объектов, как башенные поселения, замки и склеповые могильники. Теперь, как это образно сказал Е. И. Крупнов, стало ясно, что Кавказ — это не только своеобразный этнографический музей, как его называли первые путешественники XVIII—XIX вв. Многонациональный Кавказ — это один из древнейших культурных очагов всей Европы.

«Среди коренных кавказских горцев чеченцы и ингуши являются одним из древних и многочисленных народов, которые вместе с другими народами Кавказа принимали деятельное участие в создании того «Кавказского культурного мира», которому принадлежит значительная роль в развитии общечеловеческой цивилизации. Мы имеем в виду прежде всего их замечательную башенную культуру, развитые формы альпийского хозяйства, высокохудожественные образцы народного творчества», — писал А. И. Робакидзе[6].

«С благодарностью нужно отметить, — писал Е. И. Крупнов, — что именно советской археологической наукой была развеяна абсурдная теория зарубежных ученых «о дикости» и извечной культурной отсталости кавказских горцев. Почти 5 тысяч лет назад на Кавказе процветала металлургия меди и бронзы, и продукцией этого производства обеспечивалась потребность в металле не толь-

---

[1] Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963. С. 4.

[2] Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. «Записки ЧИНИИ. Грозный, 1938.

[3] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

[4] Он же. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 8.

[5] Марковин В. И. Дагестан и Чечня в древности. М., 1969.

[6] Робакидзе А. И. Кавказский этнограф. Сборник II, Тбилиси, 1968. С. 5.

ко Кавказа, но и племен юго-восточной Европы на протяжении более двух тысячелетий»[7].

Далекие предки чеченцев и ингушей жили не в отрыве от достижений культуры тех времен, а в живой органической связи с ними. Об этом свидетельствуют богатые наборы многоцветных стеклянных бус из древней Финикии и Египта в Нестеровском могильнике, костяные гребни из курганов у с. Гойты (Чечня), великолепное сирийское стекло из аланских катакомб у ст. Змейской (Осетия), шедевры древнепереднеазиатского ювелирного искусства, а также древнефиникийские серебряные украшения из богатых курганов Прикубанья. Все перечисленное еще и свидетельство теснейших торговых связей населения Северного Кавказа с внешним миром[8].

Изучая найденные при раскопках в Чечено-Ингушетии предметы материальной культуры, сопоставляя их с данными раскопок на других территориях Кавказа, археология позволяет утверждать, что в очень давние времена в образе жизни кавказских народов было много общих черт, говорящих об их этногенетическом родстве.

Открытие древнейших поселений близ сел. Мужичи (Ингушетия) и сел. Сержень-юрт, исследование курганов у станицы Мекенской и села Бамут (Чечня) стало важнейшей вехой в изучении древнейшей истории не только Чечено-Ингушетии, но и всего Кавказа. Именно открытие этих новых памятников и такие вещественные находки, как каменные орудия труда (топоры, зернотерки и вкладыши для составных серпов, оружие, каменные булавы и наконечники стрел, украшения и керамические изделия, а также разнообразные предметы из рога и кости и другое) позволили коллективу Северо-Кавказской археологической экспедиции (СКАЭ) впервые выдвинуть тезис о существовании древнейшей общекавказской культуры.

Особую важность для решения проблемы об этногенезе вайнахов имеют выводы, сделанные коллективом СКАЭ на основании близости местных памятников с дагестанскими и закавказскими, с одной стороны, и с более западными (майкопскими) — с другой. «Во всем обильном материале при наличии большего или меньшего сходства наблюдались и различия, что позволило говорить о трех локальных вариантах древнейшей единой культуры Кавказа и видеть в этом факте отраженние этнографических особенностей отдельных племенных групп некогда этнически единого массива, т. е. родственного населения. Основная группа в Закавказье — Куро-Аракская энеолитическая культура, вторая — северокавказская культура на северо-восточном Кавказе — в Чечено-Ингушетии и Дагестане, и третья — на северо-западном Кавказе — май-

---

[7] Крупнов Е. И. Личный архив. Рабочая тетрать № 1.
[8] Там же.

копская культура»[9]. Иначе говоря, здесь можно видеть уже начало распада некогда более компактной культурной общности, истоки которой уходят еще в позднекаменный век Кавказа — неолит (V тысячелетие до н. э.).

Эти выводы археологов находят поразительное подтверждение и в заключениях лингвистов, которые, по языковым данным кавказских народов, признают существование в далеком прошлом единого кавказского языкового субстрата, позднее оформившегося под именем «кавказской» языковой семьи, отличной от всех других языковых семей мира. Основное заключение о давнем культурном и языковом единстве у далеких предков всех коренных народов Кавказа подтверждается данными и других отраслей науки и, в частности, антропологии.

Наконец, глубокая общность и живучесть на Кавказе древних традиций блестяще подтверждается и кавказской этнографией. Все кавказоведы знают, насколько прочны и устойчивы на Кавказе местные архаичные элементы в материальной и духовной культуре всех кавказских горцев, начиная от приемов домостроительства, форм орудия труда и быта, типов одежды и кончая всякими представлениями (архаичные культуры, символика орнамента и нартский или героический эпос). Эти признаки составляют сущность только кавказской этнокультурной среды, в которой прослеживается их преемственность с древнейших времен почти до современности. Такая устойчивость обычна лишь в этнически однородной среде. В свете современных научных данных можно полагать, что в переходный период от камня к металлу на всем Кавказе бытовала сходная в своих основных чертах археологическая культура, которой соответствовала также и единая этническая среда, состоящая из родственных племен — носителей кавказского языкового субстрата, т. е. местного языка-основы. Только в недрах этой среды и могли зародиться истоки тех коренных языков Кавказа, в том числе и чечено-ингушского, которые объединяются в особую «кавказскую» семью языков, оформившуюся, возможно, еще в эпоху докаменного века.

Если все языки, входящие в иберийско-кавказскую семью, находятся в генетическом родстве друг с другом, то не может быть и речи о том, что носители этих языков являются пришлыми на Кавказе. Это дает нам право говорить об автохтонности каждой из этих групп. Где-то в третьем тысячелетии до нашей эры наметился распад кавказского этнического единства, стали выделяться три основные группы коренных кавказских народов. В одну из этих групп, а именно в Восточно-Кавказскую, вместе с дагестанскими племенами, входили очень отдаленные предки чеченцев и ингушей.

В дальнейшем этот процесс распада ускорился и привел к об-

---

[9] Крупнов Е. И. Личный архив. Рабочая тетрадь № 1.

разованию уже более мелких групп — прямых предков таких народов Кавказа, как все картвельские народности, адыгейские, дагестанские и нахские, т. е. чеченцы, ингуши, бацбийцы. Именно так представляются нам условия зарождения коренных кавказских народов, в том числе и чечено-ингушского.

На наш взгляд, большое значение имеет прослеживаемая общность для северо-восточной Чечни и соседних дагестанских народов каякентско-харачоевской культуры.

Под термином каякентско-харачоевская культура А. П. Круглов, Е. И. Крупнов и В. И. Марковин объединяют целый ряд памятников, наиболее характерные из которых обнаружены в селениях Каякент (Дагестан) и Харачой (Чечня). Погребальный ритуал и найденный в могилах инвентарь говорят о единстве этих памятников.

Носители этой культуры, составлявшие основную часть населения Дагестанаи восточной части Чечни, вели оседлый образ жизни, занимались земледелием и скотоводством.

Таким образом, «полный учет памятников и анализ массового археологического материала позволяют говорить о монолитности каякентско-харачоевской культуры, что не исключает возможности выделения на ее территории отдельных локальных групп»[10].

Забегая вперед, отметим, что эпоха бронзы (II тысячелетие до н. э.), в которой существовали северокавказская и гинчинская культуры, явилась как бы предшественницей каякентско-харачоевской и кобанской культур.

Е. И. Крупнову принадлежит заслуга установления хронологических рамок развития кобанской культуры (конец II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э.). Однако заслуга этого крупнейшего ученого-археолога заключается не только в установлении правильной датировки кобанской культуры. Его указания о преемственности кобанской культуры и культуры народов Центрального и Северного Кавказа дают возможность правильного научного решения вопросов этногенеза этих народов.

На заре изучения кобанской культуры высказывались мнения, что на Кавказ она занесена извне и в готовых формах. Руководствуясь характерными для раннего этапа развития кобанской культуры типами могильных сооружений — прямоугольные каменные ящики, которые имеют свои прототипы здесь на месте еще с начала II тысячелетия до н. э., особенностями могильного инвентаря и керамики со своей технологией и орнаментальными мотивами и, наконец, металлическим инвентарем (бронзовые топоры, булавы и др.), мы убеждаемся, что кобанская культура не занесена на Кавказ. И здесь мы полностью разделяем точку зрения Е. И. Крупнова, утверждающего что «не знаем фактов, свидетельствующих о

---

[10] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 104—105.

встрече и соперничестве местных и пришлых форм материальной культуры, за которыми можно было бы увидеть борьбу аборигенов с пришельцами, носителями этой культуры. Наоборот, по ряду существенных признаков мы имеем основание предполагать непрерывный и естественный процесс развития материальной культуры на Северном Кавказе в переходный период от средней — к поздней поре медно-бронзового века»[11]. Чтобы прийти к такому выводу,— пишет Е. И. Крупнов, — «мы не теряли из вида за межплеменными или международными связями внутренние движущие силы местного общества, самостоятельно развивающего свое хозяйство и свою культуру[12]. И все-таки, признавая наличие у древних кобанцев довольно широких связей с окружающим миром, а также и с Западом, признавая занесение в местную среду отдельных типов памятников материальной культуры, мы в самой категорической форме отвергаем всякую идею европейского происхождения кобанской культуры»[13].

Сегодня тезис о зарождении кобанской культуры в недрах культур Центрального Кавказа (в том числе Южного склона Кавказского хребта) глубоко мотивирован Б. В. Теховым, а процесс ее распространения на территории Северного Кавказа исследован в рамках XI—IV вв. до н. э. Е. П. Алексеевой, В. Б. Виноградовым, В. И. Козенковой, И. М. Чеченовым и др.

Выяснено, что в I тысячелетии до н. э. происходит расчленение всей территории, занятой кобанской культурой, на несколько локальных вариантов, причем памятники восточного ареала дают следы тесных контактов с каякентско-харачоевской культурой. В этногенезе вайнахов приняли участие обе эти культуры при преобладании кобанской.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАЙНАХОВ

Антропологическое изучение народов Кавказа началось в 60-х годах XIX в. вместе с усилением интереса к рациональной истории и культуре. Однако «дореволюционные исследователи Кавказа не пошли дальше фиксации различных вариантов отдельных признаков, не попытались выяснить связь между ними и использовать их для построения удовлетворительной расовой классификации»[14]. Среди других причин, мешавших научному антропологическому исследованию, являлось то, что «различные морфологические особенности определялись при помощи различных шкал и по-разному из-

[11] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 90.
[12] Там же. С. 104.
[13] Там же. С. 104—105.
[14] Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 3.

мерялись, что приводило к разнобою между исследователями и констатации различий там, где их не было в действительности![15].

Из исследований, проведенных до 40-х годов XX в., значительными являются антропологические исследования, проведенные В. В. Бунаком[16]. Так, например, среди ингушей и осетин он выделил притерский вариант, характеризующийся большими размерами лица, высоким ростом... Выделение этого варианта явилось первым указанием на своеобразие антропологического типа горных групп Центрального Кавказа.

Иоган Фридрих Блуменбах (1752—1840) в своей классификации человеческих рас утверждал, что существует белая раса, к которой относятся европейцы. Эту расу следует называть Кавказской, поскольку наиболее древними и чистыми представителями ее являются коренные народы Кавказа. Высокий рост, массивность черепа, большие размеры головы и лица, сближающие кавкасионские народы с древними представителями европейской расы, также находят себе удовлетворительное объяснение в рамках гипотезы изоляции, т. е. чистой расы, пишет В. П. Алексеев[17].

Как бы перекликаясь с мнением В. П. Алексеева, исходя из древности кавкасионского типа на территории Центрального Кавказа и компактного ареала его распространения, грузинские антропологи и, в частности, М. Г. Абдушелишвили считают этот тип древнейшим из всех антропологических типов Северного Кавказа и Закавказья.

Не отрицая точку зрения М. Г. Абдушелишвили о древности кавкасионского типа на Кавказе, Г. Ф. Дебец высказал мысль о возможности проникновения предков представителей кавкасионского типа в области их современного расселения с севера. В качестве второго аргумента в пользу этой возможности рассматривался факт более светлой пигментации в кавкасионских группах по сравнению с другими кавказскими народами.

Широколицый тип фиксируется на Кавказе в палеантропологических материалах эпохи бронзы и раннего железа. То же самое прослеживается и в Закавказье в те же эпохи, т. е. со II тысячелетия до н. э. Если принять во внимание, что в результате каких-то обстоятельств северяне переселились высоко в горы или предгорья Кавказа в эпоху каменного века или в эпоху бронзы, какие же есть основания утверждать, — пишет В. П. Алексеев, — что переселенцы непременно должны были поселиться в труднодоступных и гористых районах, к освоению которых они не были готовы. Мнение Г. Ф. Дебеца о том, что происхождение кавкасионского

---

15 Там же.

16 Бунак В. В. Антропологический состав населения Кавказа. Тбилиси, 1947. С. 5.

17 Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 137.

типа, куда входят и вайнахи, является результатом переселения с севера нельзя считать убедительным, так как оно бездоказательно.

Исследователь А. Г. Гаджиев провел большую работу по изучению малых популяций Дагестана, в том числе и чеченцев. По мнению исследователя, небезынтересно и сопоставление этнических колебаний при определении длины тела. Среднее групповое отклонение высчитано путем деления суммы индивидуальных групповых отклонений от средней этнической группы на число групп. Отмечаемые этнические колебания таковы: из дагестанских групп кумыкская ниже ростом — 165,5 см, грузинские группы — 170,2 см, аварцы закатальские — 170,1 см, чеченцы из Ведено — 170,0 см. Более высокогорные группы являются в целом и более рослыми [18].

Кстати, как чеченские, так и грузинские группы состоят в языковом родстве с дагестанцами, т. е. принадлежат к одной языковой семье (иберийско-кавказской). Чеченские группы по величине головного указателя (продольный и поперечный диаметр головы 85,92) очень близки к дагестанским [19].

Характерными чертами кавкасионского типа являются широкое и довольно высокое лицо, относительно светлая пигментация, сравнительная уплощенность и скуластость лица и высокий рост. И еще: наиболее близки по распределению групп крови к народам Дагестана чеченцы, ингуши, бацбийцы, армяне, северные осетины.

Таким образом, сопоставление результатов антропологических исследований в малых популяциях, удостоверяет близость кавказских народов между собой, и особенно горнокавказских. Совпадение археологических и палеантропологических данных демонстрирует тотальный процесс образования этнических групп Кавказа из одного пласта [20].

Исследовав различные антропологические признаки (главным образом, строение черепа) представителей народов Кавказа, В. В. Бунак пришел к выводу, что различия между народами Кавказа очень незначительны. Так, чеченцы и ингуши в антропологическом отношении не отличаются от осетин и горных грузинских групп. Скульптор-антрополог М. М. Герасимов, восстанавливая облик женщины по черепу из исследованного Нестеровского могильника V в. до н. э., установил грацильность лицевых костей черепа, присущую и современным женщинам-горянкам — чеченкам и ингушкам [21]. Реконструируя (по остаткам украшений) женские головные уборы на антропологических материалах Нестеровского и Харачоевского (Чечня) могильников, он же создал форму голов-

---

[18] Гаджиев А. Г. Антропология малых популяций Дагестана. Махачкала, 1971. С. 41.

[19] Там же. С. 41—42.

[20] Там же. С. 11.

[21] Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 74.

ного убора, близкую как средневековому ингушскому кур-харсу, так и современным северо-кавказским головным уборам [22].

Таким образом, археолог Е. И. Крупнов, антрополог В. В. Бунак, каждый в своей области, приходят к заключению об общности нахов (чеченцев, ингушей и бацбийцев) с остальными иберийско-кавказскими народами. Большая древность понтийского типа на северо-западном Кавказе и кавкасионского в центральных предгорьях Главного Кавказского хребта свидетельствуют о глубоких истоках этногенеза современных народов Кавказа. И это тем более, как утверждает Г. Ф. Дебец, что этническое распределение типов в основном соответствует границе между языковыми семьями: понтийский тип представлен преимущественно в составе абхазо-адыгейских народов, кавкасионский — преимущественно в составе народов иберо-кавказской-вайнахской и аваро-андо-дидойской языковых семей [23].

ЛИНГВИСТИКА ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ВАЙНАХОВ

Язык является этническим определителем. «В подавляющем большинстве случаев языковая принадлежность совпадает с самосознанием и, таким образом, эти надежные критерии дают согласованные показания» [24].

При изучении проблемы этногенеза того или другого народа огромное значение имеет вопрос о генетических взаимоотношениях языков. Если же говорить о генетических взаимоотношениях между урартским и языками кавказских горцев, включая сюда и нахские языки, мы не лишены оснований для рассуждений. Как известно, основным материалом для изучения урартского языка являются урартские надписи. А из ассирийских источников засвидетельствовано немало собственых имен, относящихся к Урарту.

«При внимательном сопоставлении глагольных и синтаксических форм нельзя не заметить близость урартского языка с языками других народов Кавказа, в особенности с нахским языком. Наиболее выпукло эту близость можно увидеть в лексических фактах. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим несколько конкретных примеров:

---

22 Там же.

23 Дебец Г, Ф. Антропологические исследования в Дагестане. Антропологический сборник. Труды института этнографии АН СССР. Т. 1. М., 1956.

24 Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 186.

Русский	Урартский	Бацбийский	Чеченский	Ингушский
Говорить	Ali	альо	ол-а	оал
Делать	du (делать)	да	дан	де
Слышать	has	хацIа	хаза	хоз
Название племен, соседей	lulub	лулахой	лула	лоалахо [25]

«Уже теперь можно утверждать, что определенные положения урартского языка находят объяснение при помощи данных иберийско-кавказских языков, прежде всего нахских (чеченского и бацбийского)», — говорит академик АН Грузии А. С. Чикобава [26]. Это, конечно, не значит, что корни вайнахского языка нужно искать только у урартцев, хотя из дешифрованных из урартского языка более четырех десятков слов звучат почти одинаково, как и вайнахские. Во всяком случае этот вопрос не лишен научного интереса.

Исследователь П. К. Услар приступил к изучению чеченского языка, считая его наиболее надежным материалом для изучения дописьменной истории. Ученый пришел к выводу, что горские кавказские языки генетически родственны между собой и, в конечном итоге, восходят к одному и тому же языку — основе [27].

«Особенности грамматики, общие у многих народов иберо-кавказской группы, общность многих слов в основном словарном фонде, в характере древнейших памятников материальной культуры, свидетельствующих о тесных экономических связях и взаимоотношениях народов Кавказа еще в глубокой древности, являются доказательством того, что вайнахи есть древнейшие обитатели Центрального Кавказа» [28].

По данным языка в состав современных нахских народов входят чеченцы, ингуши, грузинские бацбийцы.

О близости языков в самой нахской группе говорят многие факты. Это можно объяснить, например, при помощи звуковых законов, т. е. установить, как один звук в чеченском языке соответствует другому звуку в ингушском и или в бацбийском.

---

[25] Проф. Ю. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963. С. 50. См. также И. М. Дьяконова. Языки Передней Азии. М., 1967; Он же. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

[26] Чикобава А. С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Махачкала, 1965. С. 7.

[27] Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1876. С. 18.

[28] Яковлев Н. Вопросу изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927 С. 37.

Русский	Чеченский	Ингушский	Тушинский или бацбийский
Узел	Шад	Шод	Sath
Нога	Ког	Ког	Исконное слово вытеснено заимствованным грузинским словом
Гореть	Дага	Дага	Даюla Дакla
Борода	Маж	Мадж	Маж и т. д. (х)

В последнее время еще раз было высказано предположение, что часть населения (носители грузинской культуры), эпохи поздней бронзы чечено-дагестанского происхождения [29].

И. Джавахишвили, исследуя вопрос этнического происхождения горцев Центрального Кавказа пришел к весьма интересному выводу о том, что под этнонимом «мосох», обозначающим тушин, он подразумевает не только народ, живущий на территории Тушетии, но и родственных им нохчойцев, т. е. чеченцев. Цова-тушины (тускои) он считал чеченским или нахчойским племенем в виду их языкового родства [30].

Как бы в подтверждение высказанных И. Джавахишвили мыслей современная лингвистическая наука доказала, что чеченский и ингушский языки образовались сравнительно недавно в результате распада общевайнахского языка —основы.

Раньше выделился бацбийский язык, который подвергся большим изменениям под влиянием грузинского языка.

Наукой доказано также, что абхазский, адыгейский, кабардино-черкесский, аварский, лезгинский, лакский и нахские (чеченский, ингушский, бацбийский) языки [31] родственны между собой, но это родство отдаленное.

Неизвестно, однако, где и когда предки современных нахских народов отклонились от родственных им других горцев Кавказа.

Для выяснения самых отдаленных истоков культуры и языка любого народа нужно помнить, что язык создан не одним классом, а всем обществом, усилиями многих поколений.

Установленный лингвистической наукой факт общности многих черт иберийско-кавказских языков еще раз говорит и об их антро-

---

29 Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965. С. 78—79. Очерки по истории Грузии. Тбилиси, 1971. С. 365.

30 Джавахишвили И. Введение в историю грузинского народа. Кн. I. Тбилиси, 1950. С. 51.

31 Ю. Дешериев. Указ. соч. С. 78.

Русский	Урартский	Бацбийский	Чеченский	Ингушский
Говорить	Ali	альо	ол-а	оал
Делать	du (делать)	да	дан	де
Слышать	has	хацIа	хаза	хоз
Название племен, соседей	lulub	лулахой	лула	лоалахо [25]

«Уже теперь можно утверждать, что определенные положения урартского языка находят объяснение при помощи данных иберийско-кавказских языков, прежде всего нахских (чеченского и бацбийского)», — говорит академик АН Грузии А. С. Чикобава [26]. Это, конечно, не значит, что корни вайнахского языка нужно искать только у урартцев, хотя из дешифрованных из урартского языка более четырех десятков слов звучат почти одинаково, как и вайнахские. Во всяком случае этот вопрос не лишен научного интереса.

Исследователь П. К. Услар приступил к изучению чеченского языка, считая его наиболее надежным материалом для изучения дописьменной истории. Ученый пришел к выводу, что горские кавказские языки генетически родственны между собой и, в конечном итоге, восходят к одному и тому же языку — основе [27].

«Особенности грамматики, общие у многих народов иберо-кавказской группы, общность многих слов в основном словарном фонде, в характере древнейших памятников материальной культуры, свидетельствующих о тесных экономических связях и взаимоотношениях народов Кавказа еще в глубокой древности, являются доказательством того, что вайнахи есть древнейшие обитатели Центрального Кавказа» [28].

По данным языка в состав современных нахских народов входят чеченцы, ингуши, грузинские бацбийцы.

О близости языков в самой нахской группе говорят многие факты. Это можно объяснить, например, при помощи звуковых законов, т. е. установить, как один звук в чеченском языке соответствует другому звуку в ингушском и или в бацбийском.

---

[25] Проф. Ю. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков. Грозный, 1963. С. 50. См. также И. М. Дьяконова. Языки Передней Азии. М., 1967; Он же. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

[26] Чикобава А. С. Проблемы родства иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. Махачкала, 1965. С. 7.

[27] Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1876. С. 18.

[28] Яковлев Н. Вопросу изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1927 С. 37.

Русский	Чеченский	Ингушский	Тушинский или бацбийский
Узел	Шад	Шод	Sath
Нога	Ког	Ког	Исконное слово вытеснено заимствованным грузинским словом
Гореть	Дага	Дага	Даюla Дакla
Борода	Маж	Мадж	Маж и т. д. (х)

В последнее время еще раз было высказано предположение, что часть населения (носители грузинской культуры), эпохи поздней бронзы чечено-дагестанского происхождения [29].

И. Джавахишвили, исследуя вопрос этнического происхождения горцев Центрального Кавказа пришел к весьма интересному выводу о том, что под этнонимом «мосох», обозначающим тушин, он подразумевает не только народ, живущий на территории Тушетии, но и родственных им нохчойцев, т. е. чеченцев. Цова-тушины (тускои) он считал чеченским или нахчойским племенем в виду их языкового родства [30].

Как бы в подтверждение высказанных И. Джавахишвили мыслей современная лингвистическая наука доказала, что чеченский и ингушский языки образовались сравнительно недавно в результате распада общевайнахского языка —основы.

Раньше выделился бацбийский язык, который подвергся большим изменениям под влиянием грузинского языка.

Наукой доказано также, что абхазский, адыгейский, кабардино-черкесский, аварский, лезгинский, лакский и нахские (чеченский, ингушский, бацбийский) языки [31] родственны между собой, но это родство отдаленное.

Неизвестно, однако, где и когда предки современных нахских народов отклонились от родственных им других горцев Кавказа.

Для выяснения самых отдаленных истоков культуры и языка любого народа нужно помнить, что язык создан не одним классом, а всем обществом, усилиями многих поколений.

Установленный лингвистической наукой факт общности многих черт иберийско-кавказских языков еще раз говорит и об их антро-

---

29 Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965. С. 78—79. Очерки по истории Грузии. Тбилиси, 1971. С. 365.

30 Джавахишвили И. Введение в историю грузинского народа. Кн. I. Тбилиси, 1950. С. 51.

31 Ю. Дешериев. Указ. соч. С. 78.

полоэтнографической близости. Это положение подтверждается также археологическими данными.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАЙНАХОВ

Кавказ и его народы привлекали пристальное внимание всех культурных народов с древнейших времен. Страбон считал, что на Кавказе живет много племен, у которых около 300 языков. Многоязычен Кавказ и в наши дни.

До XIV в. чеченцы и ингуши жили в горах, разделяясь на отдельные территориальные группы, наименования которых большей частью происходили от названия гор и рек. По народным преданиям в период нашествия татаро-монголов (которых именуют «галмакоями») вайнахи вынуждены были укрыться в горах. С ослаблением владычества «галмакоев» — монголов («Золотой Орды»), особенно после Куликовской битвы (1380 г.), чеченцы начали заселять берега Сунжи, Аргуна и других рек, а также безлесные равнины, удобные для землепашества и скотоводства. Первые чеченские поселения в долинах р. Акташ и на Кумыкской равнине появились приблизительно к концу XIV — начале XV вв. и заселены они были выходцами из Аккинских гор. Переселились они туда прежде всего потому, что равнина Чечни была занята. Уже в 1587 г. первые русские послы отметили на правобережье Сунжи чеченские поселения под названием ококи, шибуты и мичкизы[32].

Если в поле зрения древних и средневековых авторов чеченцы и ингуши находились под разными наименованиями: гаргареи (Страбон), нахчаматьяне (М. Хоренский), друрдзуки (Леонтий Мровели), то в западно-европейской литературе они упоминаются как вайнахи в XVIII — начале XIX вв.

«Армянская география» (кроме античных) — наиболее древний из пока что известных нам источников по интересующему нас вопросу, а поэтому небезынтересно остановиться на ней подробнее. По свидетельству М. Хоренского, в Сарматии жило 53 народа: **хазары, буши** (war булхи), **баслики** (барсилы), **апшеги, абхазы, царственные сарматы, иппофаги, нахчаматьяне** (предполагаем говорящие на чеченском языке — Г. Б.). А далее **аланы, хебуры** (war хабари) — полагаем, что это хевсуры, **двали, туши, кусты** (современное грузинское название ингушей — Г. Б.), **цовата** (родовая местность тушин-бацбийцев), **дидойцы**, леки-лакцы и др.

В пользу предположения, что список народов, проживающих на Кавказе (в Сарматии), М. Хоренским мог быть взят из «Географии» греческого ученого К. Птоломея (который жил в начале II века н. э.) говорит то обстоятельство, что некоторые имена так

---

32 Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев // Записи Терского общества любителей казачьей старины. 1914. № 9. С. 73.

и оставлены Хоренским в их греческом произношении и значении: иппофаги — конееды, антропофаги — людоеды.

Из списка М. Хоренского для нас особенно интересны упоминания «кустов» и «нахчаматьян», которые, по нашему мнению, являются далекими предками современных чеченцев и ингушей.

Рассматривая племена, живущие на Кавказе, исследователь С. Броневский писал: «Кисты сами себя называют попеременно кисты, галга, ингуши и одно название вместо другого употребляют; от грузинцев именуются кистами»[33].

Если даже судить только по географическому расселению народов в то время, нетрудно убедиться, что указанные в «Армянской Географии» народы жили примерно там же, где живут и сейчас.

«Трудно переоценить значение древнего письменного памятника на армянском языке, в котором засвидетельствовано самоназвание чеченцев — нахчаматьяне, т. е. говорящие на чеченском языке. В указанном источнике, относящемся к VII в. н. э., имеется самая древняя запись чеченского (и вообще нахского) слова, представленного в современном языке и не вызывающего никакого сомнения в том, что оно является собственно нахским словом», — пишет профессор Ю. Д. Дешериев[34].

По данным «Армянской Географии», из перечисленных в ней племен наиболее близкими соседями алан были обитатели ущелий рек Армхи и Терека — кисты и дзурдзуки. Хотя вопрос об исторических и культурных связях осетин с чеченцами и ингушами пока мало изучен, тем не менее многие факты этнографических исследований говорят о большом сходстве многих элементов материальной и духовной культуры осетин с культурой чеченцев и особенно ингушей[35].

В некоторых источниках термин кисты применяется лишь в отношении жителей Армхинского ущелья. Так, например, В. Багратиони, который называл Армхи рекой Кистети, при описании этого ущелья свидетельствовал: «Где же сливаются обе эти реки (Армхи и Терек), там между ними находится Джарнехи, выше которой находится Кистети, а к югу от сего, выше Кистети, находится Дзурдзукия с строениями, селениями»[36].

Исследователь И. Гюльденштедт отметил, что общим наименованием всех нахов является этноним кисты, которые делились на отдельные, сравнительно малые этнические единицы[37].

---

33 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. II. М., 1823. С. 153.

34 Дешериев Ю. Д. «Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема их происхождения». Грозный, 1963. С. 70—71.

35 Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. С. 29.

36 Багратиони В. География Грузии. С. 151.

37 Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. № 2. С. 19.

Историк Е. Н. Кушева сообщает, что в русских письменных источниках XVI—XVII вв. термин кисты ей не встречался, зато установила упоминание его в греческих текстах грузинского происхождения как общее для ингушских племен название [38].

Надо полагать, В. Багратиони прав, называя Армхинское ущелье Дзурдзукетией.

В связи с вопросом об этнической и политической истории нахов небезынтересно сообщение грузинских письменных источников начала XI в. Так, Леонти Мровели сообщает о посещении Саурмагом —сыном царя Парнаваза (III век до нашей эры) — страны дзурдзуков. Это прямое свидетельство восприятия современниками Дзурдзукии как страны с этнически однородным населением [39].

Согласно грузинской исторической традиции, как об этом свидетельствует Л. Мровели, до нашествия хазар вайнахи, вероятно, были наиболее активным этносом на Северном Кавказе. «В случае опасности вайнахи прибегали к помощи союзников, для которых дзурдзуки, в свою очередь, представляли опору на Кавказе». Согласно древнеармянской версии, союзники «полонили земли хозраца руками Дзурдзука» [40].

Нам кажется, что выделение Дзурдзука в наиболее славные отпрыски Таргамоса грузинским авторам XI в. не случайно. И объясняется это, вероятно, тем, что в I тысячелетии н. э. Чечено-Ингушетия представляла социально сравнительно развитую единицу большого стратегического значения. Так, по словам арабского путешественника Баладзори, «Дзурдзукия являлась сильно укрепленным плацдармом из двенадцати ворот, из коих каждые — каменный замок» [41].

Все вышеприведенное говорит о той активной роли, которую играли древние чеченцы и ингуши в политической жизни территориально близкого им грузинского народа на различных этапах его истории [41а].

Сообщения грузинских письменных источников тем более кажутся вероятными, что именно в период царствования Парнаваза, женатого на дзурдзучке, грузино-нахские взаимоотношения характеризовались чрезвычайно тесными контактами.

Процесс миграции вайнахов в Грузию уходит в далекое прошлое и происходила миграция под влиянием различных факторов: обычай кровной мести, существовавший в Чечне, стремление избежать жестокого режима имама, а также заинтересованность гру-

---

[38] Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII веках. М., 1963. С. 67.

[39] Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. № 2. С. 22—23.

[40] Мровели. Жизнь картлийских царей. Предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979. С. 53.

[41] Баладзори. Книга завоевания стран. Перевод П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 6.

[41а] Л. Мровели. Указ. соч. С. 54.

зии иметь на границе с кавказскими горцами именно вайнахов, способных защитить тушинские владения от набегов чеченских вожаков и лезгинских ханов. Письменные данные конца XVIII—первой четверти XIX в. свидетельствуют, что один из тейпов (родов) горной Чечни (маистинцы) покинул родные места и перешел в Панкисское ущелье Грузии. Руководил переселением один из маистинских вожаков по имени Джокола. Всего переселилось 775 человек [41б].

Однако, не выдержав горных климатических условий и отсутствия возможности заниматься хлебопашеством, часть вайнахов вернулась в Чечню, в том числе и Джокола, которого ждала жестокая кара. По указанию управляющего Чечней сына Шамиля Кази Магомы, вожак маистинцев был обвинен в измене, ему отрубили голову [42].

В настоящее время в Ахметском районе Грузии вместе с грузинами проживают представители вайнахских обществ: маистинцы, мелхистинцы, хилдихарой, дишӣи, свободно владеющие как чеченским, так и грузинским языками.

Доктор исторических наук Г. Меликишвили высказал мысль о том, что дзурдзуки, как предполагаемые далекие предки вайнахов, пришли на Кавказ с юга. С этим перекликается и более поздняя версия. Так, в «Предании о происхождении чеченцев» говорится: «Нахчувань, очевидно, образовалось из двух слов: Нахчу — название чеченцев и Вань — название озера, лежащего на юго-востоке от Эрзерума, в пределах Турции. В этом,полагаю, доказательство, что чеченцы действительно вышли из тех мест, на которые указывается в предании» [42а].

Многие версии, выдвинутые историками и исследователями часто лишены основания т. к. зиждятся не на непосредственном знакомстве с описываемыми объектами, а на домыслах или устных рассказах некомпетентных третьих лиц. Поэтому версию о приходе предков вайнахов из-за гор, т. е. с юга следует рассматривать, как нам кажется, как *предположение* указанных исследователей.

Античный историк Страбон приводит название народа «гаргареев» и уверенно локализует их в восточной части Кавказа. Основываясь на данных Страбона, а также Плутарха и римского историка Плиния Секунда, В. Латышев сообщает, что живут «гаргареи» на северных предгорьях Кавказских гор [43].

Другим важным источником, указывающим на проживание предков вайнахов в центральной части Кавказа, является книга «Картлис Цховреба» («История Грузии») — свод грузинских исто-

---

41б Шавхелишвили А. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983. С. 160.

42 Там же. С. 159.

42а Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Спб. 1895. С. 214.

43 Латышев В. В. Вестник Древней Истрии. 1947. № 4. С. 215.

рических источников начала XI в. нашей эры. В первой главе под названием «Повесть о восьми братьях» Л. Мровели пишет, что у армян, картвелов, ранов, моваканцев, геров, эгров и кавказцев был один отец Таргамос. Далее в книге сообщается, что эти племена после разделения языков расселились по разным местностям Кавказа. Доктор исторических наук В. Н. Гамрекели находит, что общее название «кавкас», «кавкасиан» носили и предки чеченцев и ингушей.

Название «кавкас», «кавкасиан», несомненно, более древнее, чем «дзурдзуки». А в «Истории Грузии» указывается, что Кавкасос был предком дзурдзуков. «А над детьми Кавказа был владыкой Дзурдзук — сын Терета». Этнонимами дзурдзук, дзурдзукетия издавна интересуются ученые. Так, В. Багратиони, касаясь раздела дзурдзуков, имевшего место в период царствования в Грузии Парнаваза (нач. III в. до н. э.), пишет: «Затем Дзурдзукия опять разделилась на дзурдзук, кист и глигв»[44]. Слово «опять» убедительно наводит на мысль о разделах, которым подвергалась Дзурдзукетия и до этого.

Приведенные сообщения относительно дзурдзуков говорят о сложном процессе становления нахского этноса, в котором исторически складывавшаяся общность иногда сменялась разделами. Разумеется, указанный процесс был не только сложным, но и длительным. По сообщению историка Г. Д. Тогошвили, уже с начала XVIII в., а может быть и раньше, этноним дзурдзук в этом общем значении исчезает, уступая место новой—этнической номенклатуре. Таким образом, в грузинских письменных источниках XI в. (Л. Мровели) фиксируется этноним дзурдзук, которым, в осмыслении позднейших историков (В. Багратиони), покрывают всю группу нахских народов, выражая тем самым их общность. Дзурдзуки — эквивалент общего наименования нахов, но, вероятно, более раннего происхождения.

«Формирование вайнахов, так же, как и других народов Кавказа, прошло долгий и сложный путь развития. Этот длительный процесс начался с мелких племенных групп, шел по линии образования более крупных этнических общностей, легших в основу формирования чеченского и ингушского народов, на базе которых развивалась социалистическая нация»[45]. Древние соседи называют чеченцев по разному: кумыки — мичигиш, от реки Мичиг; кабардинцы — шашэн; осетины — цацан; аварцы — буртиел; грузины— кисты.

Под сходным с кумыкским названием «мичкизы» чеченцы упоминаются в русских официальных документах, начиная с XVI в.

---

[44] Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике. КЭС № 2. Тбилиси, 1968. С. 22

[45] Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 9. Робакидзе А. И. От редактора. КЭС, 1968. № 2

Русское наименование «чеченцы» более позднего происхождения. Одни исследователи утверждают, что впервые русское наименование чеченцев появилось где-то в 1708 году, а именно, в договорной статье калмыцкого Аюки Хана, который подписал на р. Ахтуб договор с Ближним Министром Казанским и Астраханским губернатором Петром Апраксиным о вечном и верном подданстве Российскому Государю, где он просит защитить их от набегов чеченцев и ногайцев [46].

Достоверно, — говорит А. П. Берже, — что этноним «чеченец» произошел от аула Большой Чечен, находящегося на берегу Аргуна [47].

Уместно отметить, что все предания чеченцев о месте первоначального поселения их предков на территории нынешней Чечни, как письменные, так и устные, сходятся в том, что этим местом был Нашах. Отдельные Чеченские общества: Ичкеринское, Ауховское, Гехинское (Малая Чечня) и другие даже в наше время утверждают, что предки их жили именно в Нашах.

Характеризуя чеченцев, их внешний облик, характер, нравы, историки пишут:

«Чеченцы, как мужчины, так и женщины, наружностью чрезвычайно красивый народ. Они высоки ростом, очень стройны, физиономии их, в особенности глаза, выразительны: в движениях чеченцы проворны, ловки; по характеру они все очень впечатлительны, веселы и остроумны, за что их называют «французами Кавказа». Когда они стремятся к своей цели, для них хороши все средства... Вместе с тем, чеченцы неукротимы, необыкновенно выносливы, храбры в нападении, защите и преследовании» [48].

* * *

В проблеме о происхождении ингушей имеется несколько предположений. Если первое упоминание о «кустах» («кистах») мы находим у М. Хоренского в «Армянской географии» (VII в. н. э.), то в древних грузинских источниках этноним «кисты», «киштy» встречается в первой половине XIII в., хотя он и известен значительно ранее. Так, например, большой интерес представляет один документ на древнегрузинском языке, относящийся к XIII в., в котором приводятся названия 77 народностей, в большинстве своем проживавших на Кавказе. «Индийцы, албанцы, дидойцы, леки, греки, двалы, арабы, хазары, армяне, персы, евреи, киштy, мелки» [49].

Как известно, грузинский источник «Картлис цховреба» («Ис-

---

46 Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1894. С. 140.

47 Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 75.

48 Покоренный Кавказ. Санкт-Петербург, 1904, с. 120.

49 Шавхелишвили А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушскими народами. Грозный, 1963, с. 39.

тория Грузии») Вахушти Багратиони написал значительно позже. Из этого документа видно, что этноним «кишты» уходит корнями в прошлые века. А этноним «мелки», очевидно, мелхистинцы (чеченское название одноименного общества), живущие рядом с хевсурами-шатильцами, горцами Грузии. По мнению И. Гюльденштедта, общим наименованием всех нахов, как мы указывали выше, является этноним кисты, которые со временем разделились на отдельные этнические единицы.

По преданиям, одним из древнейших этнических пластов ингушей является гІалгІа, а древнейшим местом их поселения — Эгикал, Хамхи, Таргим, расположенные в горной Ассинской котловине. В. Христиановичем было записано предание, согласно которому лет 800 назад жил некто Эльберт, имевший трех сыновей, — Эги, Хамхи и Таргима. И надо полагать, по справедливому утверждению Р. Харадзе и А. Робакидзе, предание создавалось по уже имеющемуся расселению [50].

В пользу того, что Эгикал — Хамхи — Таргим действительно являются колыбелью ингушского народа и его замечательной культуры говорит также строительство именно в этом месте крупнейшего храма средневековья — Тхаба-Ерды, который был центром культурной и политической жизни галгаевцев. Тхаба-Ерды — памятник христианской культуры. Именно здесь решались все важнейшие вопросы внутренней жизни, вопросы войны и мира [51].

В «Армянской географии» говорится, что на северных склонах Кавказского хребта живут эрцотионетцы (полагаем, что это чеченское племя эрсой или эрда — Б. Г.), пховцы, дзурдзуки, глигви и тушинцы. Под глигвами автор подразумевает ингушей, именовавшихся так в некоторых грузинских источниках.

Вне всякого сомнения, что колыбелью оседлой жизни ингушского народа являются Кавказские горы. Данные археологии и этнографии позволяют предположить, что этноним «гІалгІай» более позднего происхождения и происходит, по-видимому, от слова «гІала», которое в свою очередь заимствовано вайнахами от тюркоязычных народов (от слова «кхала»). По мнению Шиллинга, термин «гІалгІай» восходит к названию одного из сильных ингушских племен, занимавшему ущелье с боевыми башнями и крепостями. Теперешнее самоназвание ингушей — «гІалгІай» в недавнем прошлом было именем одного нагорного ингушского племени, державшего в своих руках ущелья, по которым пролегали главнейшие транзитные пути между Предкавказьем и Грузией.

Мы не можем полностью согласиться с утверждениями Е. Шиллинга. «ГІалгай» не есть имя одного из нагорных ингушских родов,

---

[50] Харадзе Р., Робакидзе А. Очерки этнографии горной Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 33.

[51] Харадзе Р., Робакидзе А. Очерки этнографии горной Ингушетии, Тбили-

а общее наименование, которое в определенных условиях распространялось возможно, на часть нахских племен. Так, первоначально горная Ингушетия называлась ГIалгIайчоь (внутренняя Ингушетии» А. И. Робакидзе и Р. Л. Хорадзе, непосредственно приниживущие в «гIалашка» стали называться «ГIалгIай».

В историческом и этнографическом отношении Ингушетия больше изучена, чем Чечня. В работе «Этнография горной Ингушетии» А. И. Робакидзе и Р. Л. Хорадзе, непосредственно принимавшие участие в работе этнографической экспедиции Академии Наук Грузинской ССР по Чечено-Ингушетии, выступили с очень интересной статьей «К вопросу о нахской этнонимике». Они констатируют, что, по исследованиям Христиановича, «ингуши и чеченцы, в противоположность осетинам, балкарцам и кабардинцам, пришедшим в горы из степей, пришли на Северный Кавказ с юга, из-за гор» [52]. Такой вывод они считают необоснованным. А исследователь А. Генко, анализируя характер и ареал распространения культа божества Тушоли, «оплотом чечено-ингушского национального бытия» считает современную Тушетию, впоследствии огрузинившуюся».

Е. И. Крупнов предпринял попытку определить место обитания ряда племен, известных Страбону под именем гаргареев, исадиков. Он считает эти этнонимы древнейшими именами отдаленных предков чеченцев и ингушей и локализует их носителей в горной Чечено-Ингушетии.

В древние времена предки ингушей жили отдельными родами (обществами). Неравенство между родами стало порождать неравенство между племенами. Естественно, более богатые, жившие на лучших землях и потому сделавшиеся более многочисленными роды первыми стали спускаться по долинам рек к плодородным землям на плоскости. Очевидно, это они основали у выхода из гор в цветущей Тарской долине, недалеко от нынешнего Владикавказа, большой аул Онгушт. По другим источникам, Ангушт, по имени которого русские и назвали весь народ ингушами. Как и ряд других ученых, доктор исторических наук А. И. Робакидзе наименование ингушей тоже увязывает с названием поселения Ангушт [53].

Грузинский царевич Вахушти, живший в XVIII в., в своей «Географии Грузии» указывает, что жители Ангусти (Ангушти) похожи на черкесов, по вере они магометане, сунниты. Историк указывает, что жители умеют строить из камня на извести и воздвигают дома, башни и укрепления.

По наблюдению А. Генко, впервые в европейской литературе термин «ингуш» упоминается у И. Штелина (1770 г.), а в дальней-

---

[52] Робакидзе А. И., Хорадзе Р. Л. Очерки этнографии Ингушетии. Тбилиси, 1968. С. 12.

[53] Само слово Ангушта, по объяснению З. Мальсагова, переводится с ингуш. Ан-гушта «Там, где виден горизонт».

шем он встречается у академика Георги (1776 г.). Это положение разделяют Г. Мартиросиан и Е. Крупнов. Последний относит основание с. Ангушт к XVII веку. После выселения на плоскость наряду со скотоводством у ингушей интенсивно развивается земледелие. Вполне вероятно, что борьба за землю на плоскости и давление соседей, в частности, кабардинских князей, заставили отдельные роды и разрозненные племена ингушей сплотиться и почувствовать необходимость своего единства. Именно так и в такой обстановке родились ингуши, как единый народ.

В современных условиях наблюдается закономерный процесс: не дробление народностей, а естественная консолидация наций. Это результат того, что уходят в прошлое пережитки старого быта, в том числе племенные и тайповые деления и изолированность отдельных этнографических групп. Вполне понятно, что будущее для малочисленнных народов и этнографических групп лежит не в обособлении от внешнего и передового мира, а в консолидации с родственными или близкими им в языковом, хозяйственном и культурном отношениях более крупными народностями.

А у народов Кавказа есть все основания строить свои взаимоотношения на основе братской дружбы, на общности происхождения его основных обитателей.

ФОЛЬКЛОР О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВАЙНАХОВ

Письменные источники о происхождении чеченцев и ингушей никогда не были приведены в систему, что значительно усложняет решение этого вопроса. Мы остановимся на нескольких фольклорных преданиях о происхождении вайнахов.

Ротмистр царской армии из чеченцев У. Лаудаев напечатал в «Сборнике сведений о кавказских горцах» одно предание, в котором говорится, что у родоначальника чеченцев, вышедшего из Шама (Сирия), было несколько сыновей: младший из них носил имя Нахчи, и ему в удел достались чеченские горы. Их обитатели и получили название Нахчи. Одно из преданий указывает на три главных рода этих аборигенов края — Галгай, Ахо или Ако и Шато, от которых произошли уже другие фамилии. Так, от Галгая происходит преимущественно ингушские фамилии, от Ахо — общества: акой, пешхой, нашхой, цечой и другие. От Шато — шатоевцы, ченхой, ченты, хачерой, шатой, нихалой.

Другое предание о родоначальнике чеченцев гласит, что когда-то в старину молодой одноглазый араб пришел из Аравии в Константинополь, откуда он, боясь преследования за нанесение сыну одного знатного вель-

можи смертельного удара, бежал и на купеческом судне прибыл на Кавказ.

Здесь, странствуя из одного места в другое, он, наконец, зашел в нынешние чеченские горы, где в то время жили три одноплеменные фамилии из рода Галгай, Аки и Шаты. Галгаевцы радушно приняли Али (так звали пришельца), который был восхищен простотой и независимостью жителей и дикими красотами здешней природы. Ловкость, смелость и блестящее красноречие Али, столь свойственное арабам, очаровали, в свою очередь, жителей. Али навсегда поселился у галгаевцев и, женившись, вскоре прижил сына, которому дано было имя Нахчи. По смерти Али, Нахчи сделался предприимчивым и отважным галгаевцем. Предание говорит, что он увез калмыцкую ханшу с ее прислужницей в то время, когда она купалась на минеральных водах в Пятигорске. Нахчи женился на ханше и ее прислужнице. После этого брака у него родились три сына от ханши и три от прислужницы. По смерти Нахчи, сыновья его женились и разделились. И так умножились потомки Нахчи, удержав за собой родовое имя Нахчой [54].

«Это предание имеет наибольшее распространение и наибольшую устойчивость», — говорит исследователь Е. Максимов. И это тем более, что имя предка Нохчо сохранилось до сих пор. И, наконец, все сказания местом исхода называют Ближний Восток — Сирию или даже Египет [55].

Другие же исследователи не согласны с выводом Е. Максимова. Так, например, А. П. Берже находит такой вывод рискованным, несообразным ни с географическими, ни с историческими соображениями.

Третье предание говорит, что у одного хана, имя которого неизвестно, остались три сына. Младший из них Нахчуцо, по прозванию Турпал (богатырь), недовольный разделом, собрав себе дружину и будучи не в состоянии овладеть с помощью оружия землями братьев, ушел искать счастья.

...Наконец, после долгих мытарств, он попал в Кабарду и захватил тут земли. Соседние кабардинские князья, не будучи в состоянии силой вытеснить Турпала, решили прибегнуть к коварству, для чего притворились кающимися в своих враждебных помыслах и предложили ему жениться на их сестре. Турпал согласился, но предполагаемая невеста разделяла помыслы братьев.

---

[54] Покоренный Кавказ. Спб., 1904. С. 571—572.

[55] Максимов Е. Краткие географические сведения о Чечне. Владикавказ, 1893. С. 21.

Войдя в дом Турпала, она вскоре воспользовалась случаем, застав его спящим, и опутала ему ноги и руки шелковыми нитками. Братья тотчас же, в сопровождении своих людей, явились в дом Турпала и объявили его своим невольником. Связанный богатырь, не будучи в состоянии что-нибудь сделать, покорился участи, и князья приговорили его к сожжению на костре — единственному роду казни, существовавшему в то время у различных племен Кавказа.

Но вдруг любовное чувство заговорило в душе молодой жены Турпала, когда богатырь, связанный по рукам и ногам, лежал на приготовленном для него костре в ожидании казни. И она спасла Турпалу жизнь словами, которые произвели поразительное впечатление на ее братьев: «Я уже ощущаю, — говорила она, — в своем чреве плод от общения с Турпалом; если у меня родится сын, то, по обычаю нашей страны, когда он подрастет, должен будет мстить за смерть своего отца родным дядям, а если их уже не будет на свете, то их поколению. Чтобы этого не случилось, не благоразумнее ли даровать жизнь Турпалу?»

Таким образом он был спасен. Когда у него родился сын, то кабардинские князья, явившись приветствовать новорожденного, уговорили Турпала покинуть их владения и удалиться в сторону Терека. Турпал согласился, и его с большим почетом проводили до Сунжи, где он остался навсегда, и со временем племя его распространилось [56].

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИНГУШЕЙ СУЩЕСТВУЕТ НЕСКОЛЬКО ПРЕДАНИЙ

«Был человек по имени Тырпал (Турпал), что значит богатырь. Происходил он из Аравии из рода корейшитов, т. е. из рода самого Магомета и понимал толк в вещах. Спал он в продолжение целой недели и целую неделю бодрствовал: был человеком гордым и обижал народ. Тогда люди из рода корейшитов снесли его во время сна на корабль, перевезли на нашу сторону и оставили здесь. Мало по малу углубляясь в горы, он достиг страны ингушей... Здесь он поселился в пещере и завел скот и овец. Утром, уходя со стадом, он заваливал вход в пещеру огромным камнем. Случайно заехал сюда на охоту грузинский князь со свитой. Увидев пещеру и гро-

56 Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. Спб., 1895.

мадный заслон у входа, грузины сказали: «Нам не под силу бороться с человеком, который ворочает такими камнями» и возвратились домой. Здесь они выбрали красивую девушку-рабыню и подослали ее к богатырю. Тот принял гостью как следует и, возвращаясь домой, каждую ночь резал для нее барана. Так прошло три ночи, и богатырь стал расспрашивать девушку: «Скажи мне, кто ты и откуда ты?» — «Я много слышала о тебе и, полюбив, пришла жить с тобой», — отвечала она. — «Я не люблю тебя, и жизнь мне с тобой в тягость», — сказал он и отослал ее обратно.

Характерно то, что с тех пор и повелся обычай: по прошествии трех дней гость лишается права гостеприимства. Тогда грузины подослали к богатырю другую девушку, не рабыню, но и не княжеского рода. И с ней богатырь поступил точно так же. Наконец, грузинский князь послал к нему свою собственную дочь. Эта сразу пришлась богатырю по сердцу, и по прошествии трех ночей, он стал жить с нею, как с женой. Тогда грузины подговорили ее опоить мужа сонным питьем, связали его и вместе со всеми стадами отправили в Грузию. Здесь собрались князья на совет и стали решать, что делать с пленником. Одни предлагали застрелить его из ружья, другие заколотить в бочку и бросить в воду. Но дочь прислала сказать отцу-князю: «Телом ты, как бык, а умом глупее, если же родится мальчик, мне с ним не справиться. Близко к сердцу примет он смерть своего отца и отомстит вам за его кровь».

Отец и все князья принуждены были согласиться с этими доводами, выделили часть имущества, приходившуюся на долю княжны, и опять поселили богатыря с женой на старом месте. Здесь родила она ему сына, державшего в руке лист, и назвали его Га (Лист). Второй сын родился с сыром (нахч) в руке и назвали его Нохчо (т. е. чеченец). Он поселился в месте, называемом Нашах (откуда, по преданиям, выселились на плоскость соседи ингушей — чеченцы). Третий сын назван был Арстхо, который поселился жить в месте, называемом Мерж (т. е. племя мерж, впоследствии тайп мержой. — *Б. Г.*).

Таким образом, у старшего сына богатыря Га родился сын, которому было дано имя Галга, что значит ингуш.

Следует отметить, что в те времена еще не было общего названия для всех ингушей, и галгаями назывались только три-четыре сильнейших рода, занимавших

лучшую часть горной Ингушетии. Местность по маленькой долине ручья Ахкы-Хи, где лежит сел. Эгикал, — до сих пор называется «ГIалгIачие».

Если сопоставить фольклорные данные о происхождении чеченцев с преданиями о происхождении ингушей, между ними много общего.

Почти каждый народ имеет не одного, а многих «предков» среди народов древности. За многие века древние племена и народности дробились, сливались, смешивались между собой. В науке такие процессы называют этногенезом.

Аналогичное дробление, слияние, смешивание с другими племенами, этническими группами, вероятно, происходило с чеченцами и ингушами, пока они не сложились как народности.

И. А. Джавахишвили придавал большое значение этнографическому и фольклорному материалам, в том числе религиозным верованиям, как историческим источникам. Однако он указывал на необходимость критического к ним отношения, исходя из того, что если даже письменные источники не избежали пагубного влияния времени, тем более нельзя представить себе, чтобы устные сказания на протяжении веков не испытали изменений и дошли до нас в первоначальном виде [57].

Из этого, конечно, не следует, что от всех источников прошлого — письменных и устных — следует отказываться. Великий русский писатель А. М. Горький призывал собирать и изучать народный фольклор. «Подлинную историю народа, — говорил он, — нельзя знать, не зная устного народного творчества».

«В жизни каждого народа имеются особые черты, из совокупности коих образуется его отличительный характер, физиономия. Но исследуя различные фазы существования такого народа, у которого нет писаной истории, наука должна обратиться и к другим памятникам старины. В этом отношении предания племен и народов, рассеянных по горам и ущельям Кавказа, составляют драгоценный исторический матерал» [58].

Как бы в унисон этим мыслям исследователь русских народных мифов Надеждин писал:

«В баснях и сказках человек высказывает сам себя во всей, так сказать, подлинности своей натуры, со всеми особенностями и оттенками своих качеств. Изучить эту простую, искреннюю, задушевную исповедь человека о самом себе, значит изучить самого человека по самым верным данным, какие мы имеем о его давно минувшей старине».

Приведя эти высказывания больших исследователей, мы вовсе

---

57 Очерки этнографии горной Ингушетии. От редактора КЭС2, Тбилиси, 1968. С. 8.

58 Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859 С. 124.

не за то, чтобы слепо соглашаться с научно недосказанными версиями. Всему нужно научное обоснование, иначе всякие версии будут отброшены.

* * *

Рассмотрев различные по происхождению источники по проблеме происхождения вайнахов, мы пришли к следующему выводу. Чеченцы и ингуши — наиболее многочисленный народ среди горцев Северного Кавказа, является автохонным (зародившимся на местной основе), и история его уходит в глубокую древность. Ранее XIV в. чеченцы и ингуши жили в основном в горах и в предгорье, испытывая огромные экономические трудности из-за нехватки пахотной земли. В прошлом вайнахи подвергались нашествию различных кочевнических орд. И каждый раз, после нашествия кочевников, им приходилось возвращаться в горы.

Вопросы этногенеза не решаются с помощью одних только письменных источников, как бы велико не было их число. Как справедливо пишет В. П. Алексеев, «возможности использования письменных источников во многом определяются их происхождением и характером, теми обстоятельствами, принадлежат ли они тому народу, происхождение которого изучается, или его соседям и находились ли эти соседи с ними в дружественных или враждебных отношениях»[59].

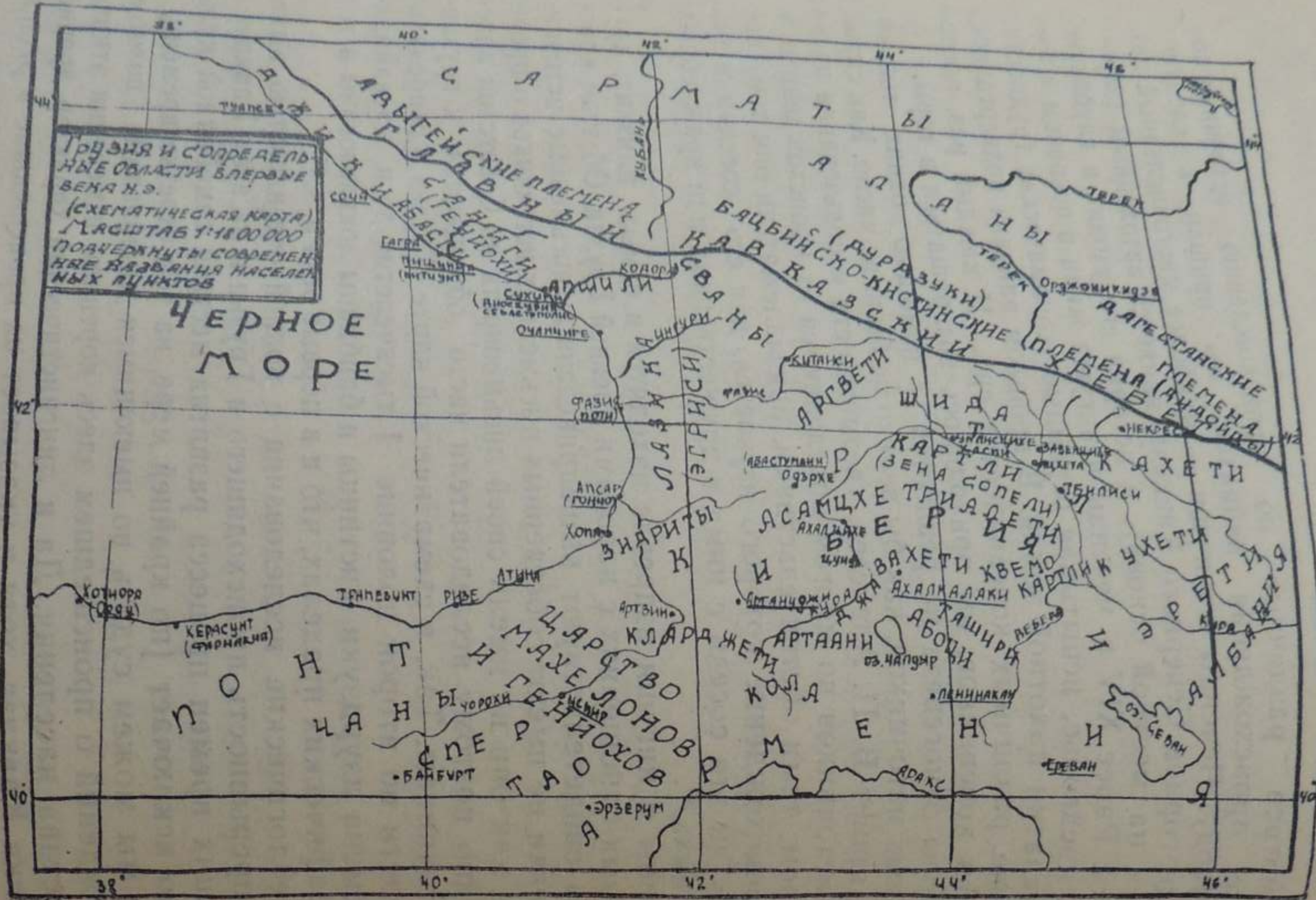
Чеченцы и ингуши издревле находятся в самых близких, дружественных отношениях с народами древней Грузии. Об этом красноречиво свидетельствуют вышеприведенные письменные источники. Вайнахи не имеют собственных письменных источников о прошлом, так как они не имели своей письменности до Советской власти. Именно поэтому исследователи часто обращаются к грузинским источникам. Так, в схематической карте «Грузия и сопредельные области во второй половине I тысячелетия до н. э.» вайнахские племена дзурдзуки, кистинцы и бацбийцы локализованы в тех же географических пределах, что и в первые века н. э.[60].

«Археологические исследования с полной очевидностью выявляют непрерывность происходящего в Грузии и на всем Кавказе с древнейших времен процесса развития местной самобытной культуры, что исключает (по крайней мере, на том отрезке времени, о котором мы можем судить по имеющимся материалам) возможность суждений о происшедшем здесь коренном изменении этнического состава населения. Да и лингвистический характер древней топонимики Кавказа, хотя и указывает на происшедшие в распро-

---

59 Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 185.

60 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. Приложение к книге.

Карта заимствована из книги Г.А. Меликишвили „К истории древней Грузии" 1959 г.

странении отдельных иберийско-кавказских племен изменения, не дает основания предполагать наличие здесь в более раннюю эпоху сколько-нибудь чувствительного, чуждого иберийско-кавказскому»[61].

Соглашаясь с мнением академика АН Грузии Г. А. Меликишвили, «мы вправе утверждать, что чеченцы и ингуши, несомненно, представляют собой довольно большую ветвь кавказского аборигенного этнонимического региона. Близость древнейших памятников материальной и духовной культуры центрального и северо-восточного этномассивов Кавказа, а также положение о том, что составными компонентами иберийско-кавказской языковой группы являются чеченский и ингушский языки не оставляют в этом никакого сомнения»[62]. Надо полагать, что именно конкретные социально-экономические и естественно-географические условия исторически предопределили процесс формирования и развития чеченцев и ингушей.

«При наличии в центральных районах Северного Кавказа синхронных гаргареям памятников материальной культуры, при наблюдаемой преемственности и типах украшений и близости антропологических черт между древнейшим населением этих районов с современным, аборигенным типом населения, версия отождествления древних гаргареев Страбона с галгаями (ингушами) нам кажется обоснованной»[63].

Формирование вайнахов происходило в условиях взаимосвязей и взаимовлияний с соседями — аборигенами. Мы убеждены, что вопрос о происхождении вайнахов «нельзя оторвать от общей проблемы происхождения иберо-кавказского этнического мира и, в частности, от этногенеза грузинского народа. Приведенные нами выше материалы со всей очевидностью свидетельствуют, что древнейшие предки кавказских народов, в том числе и предки картвелов и вайнахов, в процессе своего этнического формирования были теснейшим образом связаны друг с другом[64].

Комплексно рассмотрев вопрос о происхождении чеченцев и ингушей с учетом данных археологии, этнографии, истории, антропологии, лингвистики можно прийти к предположению, что нахчматьяне, кисты, дзурдзуки являются непосредственными и прямыми предками современных вайнахов и грузинского племени бац-

---

61 Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. Приложение. С. 13.

62 Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа М., 1960. С, 74.

63 Там же.

64 Шавхелишвили А. Из истории взаимоотношений между грузинскими и чечено-ингушскими народами. Грозный, 1963. С. 45.

Грузия и сопредельные области в первые века н.э.
(схематическая карта)
Масштаб 1:1 800 000
Подчеркнуты современные названия населенных пунктов

Карта заимствована из книги Г.А. Меликишвили
„К истории древней Грузии" 1959 г.

бийцев. Вместе с тем, вполне закономерно связывать этнонимы гар-
гареи, хамекиты, исадики с более отдаленными предками вайнахов
Этого мнения придерживаются историк Е. И. Крупнов, филолог
З. Чокаев и др. ученые.

Кстати, некоторые другие народы Северного Кавказа ассими-
лировались из нескольких предков. Так, например, историей при-
знано, что предками современных осетин были скифы, сарматы
и аланы[65].

Мы убеждены в том, что всякие попытки поиска какого-то од-
ного племени, давшего начало современным вайнахам, лишены
научных перспектив. Чеченцы и ингуши, будучи древнейшими або-
ригенами Северного Кавказа, люди одной судьбы, одной культу-
ры и одного языка. Они прошли долгий и изнурительный историче-
ский путь, пока не сформировались как народы.

Таким образом, два селения — Чечен-Аул и Ангушт легли в ос-
нову русских названий современных вайнахов.

Дальнейшие научные исследования могут внести новые коррек-
тивы в историко-этнографическое исследование вайнахского наро-
да и обогатят наши знания о его далеком прошлом.

* * *

В заключение раздела хочется отметить, что много и прекрасно
писали о Кавказе, о его народах, в том числе и о вайнахах, заме-
чательные русские писатели, декабристы. А. С. Пушкин посвятил
Кавказу свои поэмы «Кавказский пленник» и «Тазит», Л. Н. Тол-
стой знаменитые произведения «Хаджи-Мурат» и «Казаки». Поч-
ти все произведения М. Ю. Лермонтова связаны с Кавказом.

Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобно цвету воловиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор, —

писал замечательный русский поэт М. Ю. Лермонтов.

Именно они, русские писатели, впервые постарались заглянуть
в душу горца, увидеть не только его непреклонность в борьбе, но и
человеческую теплоту и силу страстей.

---

[65] Магометов А. Х. Общественный и семейный быт осетин. Орджоникидзе,
1970. С. 22.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВАЙНАХОВ ДО ОКТЯБРЯ 1917 г.

1. Некоторые черты общественно-экономического быта вайнахов

Основными занятиями древнего населения Чечено-Ингушетии были земледелие и скотоводство. Найденные на территории разнообразные сельскохозяйственные орудия (серпы, мотыги, зернотерки), датируемые первым тысячелетием н. э. убедительное тому свидетельство.

В труднодоступных горах, где не хватало пахотоспособных земель, на крутых и каменистых склонах гор, террасируя их, жители создавали плодородную почву, нередко принося для этого землю, а затем удобряя ее. А уже в XVII в., когда ведущими земледельческими районами становятся равнина и предгорье, террасное земледелие в горах начинает идти на убыль.

Во второй половине XIX в., в связи с переселением значительного числа вайнахов на равнину, земледелие стало здесь ведущей отраслью хозяйства, в то время как в горной части края по-прежнему главным занятием населения оставалось скотоводство.

В жизни вайнахов, как и других кавказских горцев, большую роль в земледелии играла мотыга. Ею уничтожали травы, разрыхляли землю на нивах, в садах, огородах, предохраняли почву от высыхания. Ею обрабатывали небольшие участки в горах и на равнинах в тех случаях, когда невозможно было использовать упряжные пахотные орудия.

В связи с развитием производительных сил и общим подъемом хозяйства, сделало шаг вперед и земледелие. Появились деревянный плуг, плуг с железным лемехом, деревянная борона, молотильная доска, коса. Пахали, обычно, в конце апреля — начале мая деревянной сохой. Лошади и быки использовались как главная тягловая сила.

В горах же при обработке небольших земельных участков, расположенных по крутым склонам и на пересеченной местности, по-прежнему пользовались и мотыгой и сохой.

Интенсивное переселение горцев на равнины и освоение ими равнинных земель сулили плоскостным феодалам новые барыши в крепостнической эксплуатации горцев. В обществе появилась ярко выраженная социальная неоднородность отдельных родов, а в иных

случаях и определенная вассальная зависимость их друг от друга.

Поскольку за основу характеристики хозяйственной жизни народа берутся, как правило, данные о территориальном размещении населения и цифровой материал, раскрывающий состояние экономики, мы лишены возможности использования таковых ранее XVIII в. И это тем более, что первые материалы переписи населения, официальные отчеты административных лиц, приблизительные подсчеты исследователей относятся к концу XVIII — нач. XIX вв.[1], хотя в русской и особенно в западно-европейской официальной литературе о чеченцах и ингушах впервые упоминается (в современном их этническом названии) во второй половине XVIII в.

Мы не располагаем данными о размерах посевных площадей и количестве собираемого урожая ранее XVIII века, однако можем согласиться с единодушным мнением исследователей истории Чечено-Ингушетии, что «в плоскостной части местного края земледелие было довольно в хорошем состоянии»[2]. В период же Кавказской войны ее по праву называли житницей Шамиля[3].

Занятия жителей гор и плоскостного населения соответствовали различному характеру их жизни, хотя условия для ведения земледелия у горцев, живущих в горах и на плоскости, были далеко не одинаковые.

Вопрос о соотношении земледелия и скотоводства у вайнахов в течение значительного времени считался спорным у исследователей. Однако ни у кого не вызывал сомнения тот факт, что жителям гор никогда не хватало своего хлеба. Свою продукцию и, в частности, скот и мед они обменивали с плоскостными на хлеб. Забегая вперед, отметим, что если в первых исторических сведениях упоминается хлебопашество в числе занятий местного населения[4], то уже в первой половине XIX в. плоскостная Чечня являлась одним из ведущих зерновых районов региона.

По свидетельству Н. Дубровина, в первой половине XIX в. на плоскости Чечни существовало вольное землепользование в пределах сельской общины, считавшейся собственником земли[5]. Иначе говоря, в первой половине XIX в. земля стала предметом купли и продажи. Разумеется, покупали землю чеченская или ингушская знать или разбогатевшие на торговле общинники. Во второй половине XIX в. порядок этот был изменен, т. е. пахотные и сенокосные земли стали делить периодически между жителями сельских обществ на подымные паи; выгоны и леса находились в общем неразделенном пользовании.

---

[1] Госархив Г. Ставрополь, ф. 377, оп. 1, ед. хр. 4(50).
[2] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. С. 379.
[3] Властов. Война в Большой Чечне. Газета «Русский инвалид» № 159.
[4] Народы Кавказа. М., 1960. Изд. АН СССР. С. 348.
[5] Указ. соч. Дубровина. Т. 1. Кн. 1. Спб., 1871.

Что же касается пользования землею в горах как в Чечне, так и в Ингушетии, то пахотные и сенокосные земли здесь находились в частном владении вплоть до конца XIX в. Общинное владение распространялось только на пастбища и лесные угодья.

Горцы Чечни испытывали большую нужду в земле. Так, жители аула Цагуной в среднем на двор имели от 0,6 до 0,9 десятины пахотной и от 0,9 до1,2 десятины покосной земли. Если определить, сколько приходилось земельной площади на каждого члена семьи, например, в 6 человек (а ее приходилось от 0,1 до 0,15 десятины пахотной и от 0,15 до 0,2 десятины сенокосной земли), то нищенское состояние горцев становится наглядным*. По этому поводу в народе говорили: двор, имеющий одну десятину пахотной земли, может быть назван достаточным, а выше — начинается богатство.

Население горной Чечни и Ингушетии выращивало ячмень, овес, частично пшеницу, рожь, а несколько позже — картофель и кукурузу, но основой их хозяйства было скотоводство. Плоскостные же выращивали кукурузу, пшеницу, овес, ячмень, фасоль и некоторые технические культуры.

Тяжелые жизненные условия, безземелье в горах вынуждали горца вырубать массивы лесов. Но и это не решало сути дела. У горца было вековечное стремление на равнину. Именно в поисках новых земель, как мы отметили выше, оказался он на плоскости. И первыми переселенцами из гор Акки-лам (из местности Нашиха— колыбели Чечни) были фамилии пешхой и цечой[6].

Исследователь Е. Максимов объективно осветил многие вопросы, связанные с историей чеченцев и ингушей. Вместе с тем он допустил ряд толкований, с которыми нельзя согласиться. Так, в одной из своих категорий владения землей в Чечне он выделяет собственно-частновладельческую, впервые введенную русским правительством вследствие желания вознаградить земельными пожалованиями заслуги отдельных местных деятелей[7].

По его мнению, таким образом, выходит, что в Чечне до вхождения в состав России частной собственности на землю не было. Он считает, что система периодических переделов земли в Чечне существовала еще до окончания Кавказской войны, а царское правительство-де, соответственно существовавшему праву, утвердило ее законодательство.

О чем же говорят исторические факты?

«Возвращение на прежние участки после опустошительных набегов, — пишет исследователь И. М. Саидов, — основывалось на

---

x ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп. 7, 1, д. 3, л. 377.

[6] Максимов Е. Терский сб. (Приложение к терскому календарю на 1894 г.). Владикавказ, 1893. С. 40.

[7] Максимов Е. Чеченцы. Терский сб. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 41—42.

праве всякой частной собственности на землю, а не только приобретенной «первым завладением» свободных земель».

Известно, что именно нехватка земли заставляла жителей гор строить террасы, использовать каждый удобный клочок земли, вплоть до того, что на каменистые уступы гор носили в мешках землю, чтобы превратить их в плодородные участки[8]. Для кого горец готовил эти земли, делая огромные физические усилия? Разумеется, для себя.

Этой точки зрения придерживается и исследователь Г. Мартиросиан.

Таким образом, если иметь в виду, что использование общих пастбищ или неудобных для деления мест регулировалось старейшинами и каждая малая семья имела право использовать свою долю пастбищ или получить вознаграждение за передачу своей доли в аренду,особенно до Кавказской войны, вполне можно согласиться с мнением исследователей С. Ц. Умарова и И. М. Саидова, что в Чечне и Ингушетии еще до окончания Кавказской войны существовала частная собственность.

Очевидным является тот факт, что на экономике горца, особенно плоскостного, отрицательно сказывалась система периодических переделов земли, введенная именно царизмом во второй половине XIX в. Эта система, как и осуществление военного деспотического управления, превращение административных центров в военные крепости, введение подымного налога в пользу царской казны, постоянные захваты лучших земель — все это не содействовало прогрессу[9].

В плоскостной Чечне и Ингушетии право на землепользование и землевладение в конце XIX — начале XX века отличалось от существующего в нагорной части. Землепользование здесь было ближе к русскому общинному, поскольку распределением земель после Кавказской войны занималась царская администрация. Вскоре после окончания войны лучшие земли как в горах, так и на плоскости были выделены в частное владение кабардинским и кумыкским князьям, русским, чеченским и ингушским офицерам. Всего же в пользу тех, кто служил царю «верою и правдою» только у чеченского народа было отторгнуто 29 628 десятин земли, не говоря уже о тех землях, которые отошли под казачьи станицы и в войсковой надел[10].

В 1867 году, согласно распоряжению наместника Кавказа о выделении земель для частной собственности, Арцу Чермоев получил

---

[8] Саидов И. М. Земледелие и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII—XIX вв. Грозный, 1964. С. 163.

[9] Максимов Е., Вертепов. Туземцы Сев. Кавк. Вып. II. Владикавказ, 1894. С. 169.

[10] Хасбулатов А. Чечено-Ингушетия накануне I русской бурж.-дем. револ. Грозный, 1963. С. 12—13.

570 десятин, подполковник С. Базоркин — 547 десятин, капитан А. Хасамурзаев — 300 десятин, поручик Герзелиев — 400 десятин, подпоручик Б. Саралиев — 400 десятин, ротмистр Лаудаев У. — 150 десятин. По далеко неполным данным, в 1895 г. 126 знатных чеченцев и ингушей получили более 14 тыс. десятин лучшей земли [11].

В то же время, если плоскостные чеченцы и ингуши более или менее обеспечивали себя хлебом, то горные поселения, несмотря на их интенсивные усилия, сделать это не могли.

Средняя величина надела земли на душу мужского пола в конце XIX века равнялась:

терские казаки	—	21,3 десятин
кабардинцы плоскостные	—	8,37 десятин
осетины	—	5,3 десятин
назрановские ингуши	—	4,3 десятин
чеченцы	—	4,11 десятин [12]

При этом нужно отметить, что в подсчет земельных участков плоскостных чеченцев (по утверждению Е. Максимова) были включены как удобные, так и неудобные земли.

Говоря о земельном голоде в Чечне, депутат Государственной Думы от Терской области Маслов заявил в Думе:

«Вы не можете себе представить, как ничтожны земельные владения, как, например, у чеченцев: 1/5, 1/10, 1/4, 1/3 десятины. Если Вы спросите, у кого сколько земли, то он вам скажет, что земли столько, сколько помещается под его буркой. Земля под одной коровой стоит столько, сколько сама корова».

Вайнахи, как и другие горцы Северного Кавказа, руководствуясь многовековым опытом, не считали нужным при посевах глубоко запахивать семена в землю, а зерна некоторых культур предпочитали даже оставлять незапаханными, чтобы они скорей согревались и прорастали. Сеяли обычно вручную, набрав зерно в специальный мешочек, прикрепляемый к поясу, или в переметные сумки. Сеять доверяли опытным. Сеяли, как правило, главы семейств. Боронование культур проводилось деревянными боронами.

Особо следует отметить, что севообороты у вайнахов были двухпольными. Поле обычно делилось на две равные части: одна оставалась в залеже и служила пастбищем для скота, а другая отводилась под хлебные злаки. На следующий год поле, бывшее в залеже, засевалось, и бывшее под посевом отводилось под залежь. Подобное чередование соблюдалось из года в год, особенно в горах. Широкое применение такой экстенсивной системы земледелия вызывалось недостатком земель и особенно пастбищных

---

[11] ЦГА Чеч.-Инг. АССР, ф. 32, д. 242, лл. 65—85.
[12] Максимов Е. Терский сборник. Вып. III. Кн. II, 1893. С. 18.

угодий. В некоторых высокогорных селениях из-за острой нехватки пахотной земли применялся однопольный севооборот, в этом случае сеяли только яровые кукурузы, а на зиму участок оставляли под пар.

Жатва хлеба производилась обыкновенно серпами, но для этого употреблялись и косы, которые, как и серпы, были малых размеров. Для молотьбы существовали два способа. Первый, более примитивный, заключался в том, что по току, устланному скошенным хлебом, гоняли лошадей, быков, которые вытаптывали зерно из колосьев. Второй способ, являющийся развитием первого, состоял в том, что животных припрягали к доске, на которую навали-вали тяжесть [13].

В 80-х годах XIX в. на изучаемой территории знали о существовании заграничных плугов, обыкновенных и кукурузных сеялок, сенокосилок, сложных молотилок с 5-сильным локомобилем, веялок, веялок-сортировок, соломорезок, сенных прессов [14]. Однако приобрести эти машины было не под силу беднякам. И именно поэтому вплоть до установления Советской власти они пользовались простыми орудиями труда.

Что же касается уборки кукурузы, здесь существовало несколько вариантов. Так, например, серпами жали каждый стебель вместе с початком. Еще в 30-х годах XX в. практиковалась и так называемая раздельная уборка, смысл которой заключался в следующем: ручным способом убирались початки, а стебли жали серпами значительно позже. Очищенные от рубашек початки сушили на солнце, а уже когда зерно было доведено до кондиции, ударами длинных палок его отделяли от кочанов. Кукурузные стебли были основными из грубых кормов для скармливания скоту.

Несмотря на все старания горцев вовремя посеять и, где это возможно, орошать хлеба, урожай, который они получали на своих участках земли мог прокормить одну мужскую душу с женской в течение года, не более 50—60 дней.

Исследователь Г. Мартиросиан, сообщает, что урожай пахотных земель Мецхальского общества (Ингушетия) с населением в 1505 душ мужского, 1382 женского пола мог прокормить это население в 1907 г. всего 66 дней [15].

При помощи устного анкетирования долгожителей Надтеречного, Сунженского и Шатойского районов мы попытались установить, каким хлебом питались предки вайнахов в прошлом. Из 25 анкетеров 18 ответили — чуреком из проса и лишь 7 — кукурузным чуреком. Полагаем, что ближе к действительности первый

---

13 Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия 1823 г., ч. II, с. 133—134.

14 Описание Кавк. выставки предметов с/х и промышленности в Тифлисе 1890 г. С. 111—129.

15 Мартросиан Г. Нагорная Ингушетия. Владикавказ, 1928. С. 96.

ответ, так как кукуруза на Кавказе появилась значительно позже. Что же касается проса, которое производили в основном на плоскости, оно не только всеми признанная древняя культура, но и отличается засухоустойчивостью и высокой урожайностью, что очень важно для земледельца.

По утверждению исследователя Вишневского, орошение на Северном Кавказе существует с незапамятных времен.

В первой половине XIX в., пользуясь орошением, чеченцы заметно увеличили производство кукурузы и пшеницы, что позволило им вплотную приблизиться к показателям терских казаков-земледельцев. Как бы в подтверждение этому исследователь Г. Н. Казбек писал:

«Земледелие процветает и появляются все признаки, доказывающие, что чеченцы способны воспринять плоды цивилизации»[16].

Сам факт, что Грозненский округ и Сунженский отдел занимали первое место на Северном Кавказе по выращиванию кукурузы, убедительно говорит о значительном прогрессе в ведении земледелия.

Приведем цифры урожаев кукурузы за последнюю четверть XIX в. по Грозненскому округу (в четвертях) *.

Годы	Посеяно	Собрано
1872	4936	135160
1874	4176	142830
1881	15 816	514584
1884	13 600	120875
1888	6216	203483
1898	9874	180468
1901	8864	207783[17]

Среди других районов Терской области по валовому сбору хлеба Чечня и Ингушетия занимали одно из первых мест, но особенно хороши были показатели в производстве кукурузы.

Приведем данные, говорящие о возрастающих масштабах сбора кукурузы в Терской области, в том числе в Чечено-Ингушетии, в течение ряда лет.

---

16 Казбек Г. Н. Военно-стат. описание Терской области. Ч. 1. Тифлис, 1888. С. 120.

* Одна четверть хлеба равнялась 9 пудам 25 фунтам пшеницы озимой, или 5 пудам 25 фунтам овса, или 10 пудам гороха.

17 Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1860—1900). Грозный, 1963. С. 95—96.

Годы	Всего было собрано кукурузы в области (в четв.)	Из них в Чечне и Ингушетии	Процент к областному сбору
1884	388940	197732	50,8 проц.
1888	229464	218912	94,4 »
1897	801249	391572	48,8 »
1901	879935	524909	Около 60 [18]

Эти, на первый взгляд, сухие цифры неопровержимо свидетельствуют о высоких урожаях этой культуры земледелия.

Из других зерновых культур наиболее развиты были озимая пшеница и просо. Пшеницу сеяли в Сунженском отделе и Грозненском округе. В 1897 г. на долю Чечни и Ингушетии приходилось 121 639 четвертей проса, произведенного во всей области, или 90 процентов от вала. Кроме зерновых культур, значительное место в жизни горца-труженика занимали бахчевые культуры и овощеводство, которое особенно развито было у сунженских и гребенских казаков.

Чеченцы и ингуши еще в XVI—XVII веках умели выращивать виноград, фрукты, овощи и бахчевые культуры. Справедливо писал историк А. Фадеев, что «взаимное общение трудовых масс коренного и пришлого населения способствовало успешному хозяйственному освоению предкавказских степей» [19].

В 1893 году из 8 млн. 399 тыс. пудов арбузов и дынь, собранных в Терской области, 5 млн. 963 тыс. пудов, или 71 процент было выращено на землях Чечни и Ингушетии. Из 11 млн. пудов огурцов, собранных в том же году, около 8 млн. пудов приходилось на Чечню и Ингушетию [20]. Неплохо было развито и производство картофеля, который выращивался повсеместно. Особенно хорошими вкусовыми качествами отличался и пользовался большим спросом картофель, выращенный на богатых землях Шатоя.

Судя по тому, какие валовые урожаи зерновых и бахчевых культур получали на землях Чечни и Ингушетии, можно подумать, что здесь были хорошие жизненные условия для самих тружеников. Такое понятие было бы ошибочным. Дело в том, что для большинства населения изучаемого края земледелие являлось жизненной необходимостью, источником существования. Ему-то хватало своего хлеба на несколько месяцев в году, в то же время для подавляющего меньшинства состоятельных оно было средством обогащения и эксплуатации тех же народных масс.

---

18 ЦГА. Сев. Осет. АССР, ф. 11, оп. 1, до 200, лл. 58—59, д. 245, л. 64.

19 Фадеев А. В. Очерки экон. разв. Предкавк. в дорев. период. М., 1957. С. 90—91.

20 Всеподданнейший отчет начальника Терской области, Владикавказ, 1894. С. 86.

Годы	Всего было собрано кукурузы в области (в четв.)	Из них в Чечне и Ингушетии	Процент к областному сбору
1884	388940	197732	50,8 проц.
1888	229464	218912	94,4 »
1897	801249	391572	48,8 »
1901	879935	524909	Около 60 [18]

Эти, на первый взгляд, сухие цифры неопровержимо свидетельствуют о высоких урожаях этой культуры земледелия.

Из других зерновых культур наиболее развиты были озимая пшеница и просо. Пшеницу сеяли в Сунженском отделе и Грозненском округе. В 1897 г. на долю Чечни и Ингушетии приходилось 121 639 четвертей проса, произведенного во всей области, или 90 процентов от вала. Кроме зерновых культур, значительное место в жизни горца-труженика занимали бахчевые культуры и овощеводство, которое особенно развито было у сунженских и гребенских казаков.

Чеченцы и ингуши еще в XVI—XVII веках умели выращивать виноград, фрукты, овощи и бахчевые культуры. Справедливо писал историк А. Фадеев, что «взаимное общение трудовых масс коренного и пришлого населения способствовало успешному хозяйственному освоению предкавказских степей» [19].

В 1893 году из 8 млн. 399 тыс. пудов арбузов и дынь, собранных в Терской области, 5 млн. 963 тыс. пудов, или 71 процент было выращено на землях Чечни и Ингушетии. Из 11 млн. пудов огурцов, собранных в том же году, около 8 млн. пудов приходилось на Чечню и Ингушетию [20]. Неплохо было развито и производство картофеля, который выращивался повсеместно. Особенно хорошими вкусовыми качествами отличался и пользовался большим спросом картофель, выращенный на богатых землях Шатоя.

Судя по тому, какие валовые урожаи зерновых и бахчевых культур получали на землях Чечни и Ингушетии, можно подумать, что здесь были хорошие жизненные условия для самих тружеников. Такое понятие было бы ошибочным. Дело в том, что для большинства населения изучаемого края земледелие являлось жизненной необходимостью, источником существования. Ему-то хватало своего хлеба на несколько месяцев в году, в то же время для подавляющего меньшинства состоятельных оно было средством обогащения и эксплуатации тех же народных масс.

---

18 ЦГА. Сев. Осет. АССР, ф. 11, оп. 1, до 200, лл. 58—59, д. 245, л. 64.

19 Фадеев А. В. Очерки экон. разв. Предкавк. в дорев. период. М., 1957. С. 90—91.

20 Всеподданнейший отчет начальника Терской области, Владикавказ, 1894. С. 86.

Торгово-капиталистические элементы из чеченцев и ингушей сбывали хлеб не только в пределах Северного Кавказа, но и вывозили за границу. В экспорте горцев почетное место занимала кукуруза. В 1913 году из Новороссийского порта в Голландию вывезли 2,8 млн. пудов кукурузы, в Англию — 1,8 млн., в Бельгию — 1,6 млн., во Францию — свыше млн. пудов [21].

На фоне развивающихся капиталистических отношений в конце XIX — начале XX века хорошо было видно обнищание крестьян, которые и думать не могли в такой обстановке об улучшении своего материального положения. Они не только голодали в результате отсутствия земли — важнейшего источника их существования, но и были сильно обременены непосильными платежами и несением многочисленных повинностей. Только за один первый год после ввода податей в Терской области (1866 год) чеченцы и ингуши уплатили подворную подать в сумме 68 тыс. руб., а к 1889 году эта сумма возросла до 93 тыс.рублей [22].

По отчету начальника Терской области за 1894 год хорошо прослеживается земельный голод, который испытывали горцы. Там говорится: «горное население не имеет возможности, по недостатку надельной земли, приобретать необходимое пищевое довольствие, путем сельскохозяйственной эксплуатации своих земельных угодий, вынуждено обращаться либо к арендованию свободных земель на плоскости, либо к иным неземледельческим промыслам» [23].

Безземелье способствовало развитию отходничества.

Об усилении притока чеченцев на нефтяные промыслы и заводы в годы первой мировой войны свидетельствуют паспортные книги нефтяных предприятий. Так, например, по приблизительным подсчетам, из 20 тыс. населения Старых нефтяных промыслов не менее 3 тыс. чеченцев, из которых потом появилась прослойка постоянных рабочих кадров [24].

Меткое наблюдение современника убедительно говорит о том, как менялся внешний вид горца: «Национальный костюм все чаще и чаще заменялся блузой мастерового, а кинжал — киркой или ломом рабочего», — писал историк А. Фадеев.

Рост отходничества сельского населения в промышленные центры способствовал развитию классовой солидарности у трудящихся разных национальностей.

Крестьяне все больше убеждались, что без изменения социального строя вопрос о земле не может быть решен.

---

[21] ЦГА, ЧИАССР, ф. 149, оп. 1, д. 30, л. 167.

[22] Киреев В. П. Пролетариат Грозного в революц. 1905—1907 г. Грозный, 1955. С. 106.

[23] Цаголов Г. Край беспросветной нужды. Владикавказ, 1912. С. 278.

[24] Колосов Л. Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893—1917 годы). Грозный, 1965. С. 79.

* * *

Установлено, что, в отличие от предгорья и равнины, соотношение отраслей хозяйства в горах Чечено-Ингушетии характеризовалось преимуществом скотоводства. Если суровый климат высокогорья до минимума ограничивал возможности возделывания земледельческих культур, то обширные луга, пастбища и покосы субальпийской и альпийской зон создавали значительные резервы для интенсивного развития животноводства. Поэтому мы вправе утверждать, что скотоводство в здешних краях имело более древние истоки, чем земледелие.

На развитие форм и систем хозяйства постоянное влияние оказывали и внешние факторы. Нашествие врагов часто приводило к экономической разрухе и насильственной миграции аборигенного населения.

Основным направлением в скотоводческом хозяйстве нагорной полосы являлось овцеводство, бывшее наиболее рентабельным, но горцы держали и коз, хотя в меньшем количестве, дабы получать не только молоко для питания, но шерсть и пух, изделия из которых высоко ценились на рынке.

Размеры скотоводства находились в прямой зависимости от кормовой базы, а она здесь была весьма слабой. Даже богатые травой альпийские пастбища были доступны в возвышенных местах не более трех—четырех месяцев в году, а на плоскости и того меньше, так как они выгорали от жгучего солнца.

Еще в 1871 году Н. Дубровин справедливо писал: «...скотоводство как в Ичкерии, так и у жителей Ингушского округа, было незначительно». И далее, «причиною неудовлетворительного состояния скотоводства был недостаток лугов, сенокосных и пастбищных мест. Сена было так мало, что его с трудом хватало на зиму, и притом доставка его с гор была крайне затруднительна[25]. В 90-х годах XIX в. более 4 процентов хозяйств чеченцев и ингушей не имели крупного рогатого скота, мелкиий скот отсутствовал у 54,7 процента хозяйств в плоскостной Чечне и у 28,8 процента в горной, а в плоскостной Ингушетии у 44,3 процента хозяйств[26]. Конь был другом горца, служил ему основным средством передвижения, предоставляя возможность постоянно искать новые, более обильные пастбища для своего скота. Кроме этого, лошадь являлась основной тягловой силой как во время пахоты, ухода за посевами, так и во время уборки урожая.

Если в годы Кавказской войны коневодство в здешнем крае резко сократилось, то уже в 70-х годах XIX в. оно стало развивать-

---

[25] Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Кн. 1. С. 79.

[26] Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Сев. Кав. Вып. 2. Владикавказ. 1894. С. 81.

ся. По утверждению Е. Максимова, в 1893 г. число безлошадных в Чечне было 60 процентов[27]. А по сведениям Н. С. Иваненкова в горной полосе Чечни в 1910 г. в среднем на две семьи приходилась одна лошадь[28]. Вполне понятно, что при значительном сохранении натурального хозяйства, отсутствие крупного и тем более мелкого скота отрицательно сказывалось на материальном положении горского крестьянства.

Несмотря на серьезные трудности, связанные с отсутствием круглогодичного запаса кормов, горцы многое делали для поддержания животноводства в горах. В этих целях, преодолевая огромные трудности, на малодоступных участках косами и даже серпами косили траву, собирали ее в стога, а затем перевозили домой, однако чаще переносили на собственных плечах. В целях экономии сено перед кормлением смешивали с соломой.

О. В. Маргграф, изучавший в 1880—1882 гг. состояние овцеводства на Северном Кавказе, отмечал, что здесь аборигенное население пользовалось для развития овцеводства редким сочетанием разнообразных пастбищных угодий, расположенных в степной, предгорной и альпийской зонах. «Благодаря совокупности этих угодий, — писал Маргграф, — местные породы горских овец соединяют в себе достоинства, которые считаются несоединимыми, давая вкуснейшее мясо, массовое отложение жира курдюка, прочную кожу, нежнейшие овечьи меха и шерсть для сукна»[29].

По данным Е. Максимова, в 1893 г. на 100 сельских жителей приходилось:

	Крупн. рог. скота	лошадей	мелкого скота
у кабардинцев	166,2 гол.	46,5 гол.	350
у терских казаков	113	22	213
у чеченцев	104,1	9,2	196,2
у ингушей	96	22	183
у осетин	67	17	223
у крестьян Европейской России	33	28,3	53,6[30]

Если же мы обратимся к числу домохозяйств, не имеющих совсем крупного рогатого скота, то получим следующую картину:

---

27 Максимов Е. Чеченцы. Терск. сборник. Вып. 3. Кн. 2. Владикавказ, 1893. С. 18.

28 Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Терск. сбор. Вып. 7. Владикавказ, 1910. С. 107.

29 Маргграф О. В. Очерки кустарных промыслов Сев. Кав., 1882. С. 67.

у кабардинцев	5,1	процент
у ингушей	5,4	»
у осетин	6,2	»
у терских казаков	10,4	»
у чеченцев	3,9	»

у крестьян Московской губернии 21 процент [31].

Вышеприведенные цифры свидетельствуют: как Чечня, так и Ингушетия не отличались в эти годы низким уровнем развития скотоводства. Все дело в том, что здесь преобладали местные малопродуктивные породы скота.

Продукты скотоводства как в сыром, так и в обработанном виде имели хороший сбыт как на внутреннем, так и на внешнем рынках. В течение XVIII—XIX вв. скот все еще был мерилом стоимости и основной платежной единицей при торговых сделках, уплате калыма, пени за кровь, увечье, бесчестье [32].

Среди других сельскохозяйственных промыслов значительное место занимало пчеловодство, условия для расширения которого были самые благоприятные: здесь были леса и прекрасные луга. «В 1891 г. в Грозненском округе было 640 домохозяев, занимавшихся пчеловодством: следовательно, один пчеловод приходился почти на 51 домохозяина. Каждый пчельник состоял в среднем из 18,3 ульев, общее число которых достигало 11 740. В 1891 г. доходность от пчеловодства по округу определялась в 2276 рублей» [33].

Материалы археологических раскопок в Чечено-Ингушетии были представлены всевозможными привозными предметами: египетскими украшениями, восточными шелками, бархатом и русскими тканями, что опровергает существовавшие в дореволюционной литературе мнения о замкнутости и неразвитости вайнахских обществ [34]. Город Терский был связующим звеном между народами Северного Кавказа, Закавказья и Россией. Через Терек и Астрахань пролегал торговый путь из Закавказья в Россию [35], путь «из восточной части Северного Кавказа в Дагестан и на восток. Связи вайнахов с Грузией поддерживались и через перевалы Тушетии» [36]. С конца XVI в. центром не только торговли, но и основным центром культурно-экономических отношений вайнахов с Россией становит-

---

30–31 Максимов Е. Краткие географические сведения о Чечне. Терск. сбор. (Приложение к Терскому календарю на 1894 г.) Вып. III, кн. II, Владикавказ, 1893. С. 79—80—81.

32 Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1, Одесса, 1882. С. 146—147, 226—228.

33 Максимов Е. Чеченцы. Т. О. Вып. 3. С. 86—87.

34 Исаева Т. А. К вопросам о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. IX. Ч. 3. Вып. 1. Грозный, 1974.

35 Кушева Е. Сборник документов № 48. ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, ч. 2, л. 310, с. 54.

36 Гамрекели В. Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968 . С. 20.

ся Терский город, куда горцы привозили для реализации скот, лошадей, зерно, овчины, ковры и т. д. и выменивали их на металлические изделия, сукна и меха.

Хотя сведения о характере и состоянии торговли в XVII и в начале XVIII в. весьма ограничены, однако некоторые официальные документы убедительно свидетельствуют о том, что Чечня и Ингушетия не были замкнуты, а вели оживленную торговлю с русскими. Из выписей астраханской таможни об отпуске из Астрахани терских окочан есть три документа, в которых упоминается фамилия и имя терского окочанина Янбулата (Енбулата) Эльмурзина, и говорится, что в 1676 г. он вывез из Астрахани: «семь юфтей красного товару, шесть мешков муки ржаной и пшеничной, 15 коробок красных, 10 ларчиков окованных, 10 зеркал, 2000 игл,. полпуда белил...»[37]. Разумеется, такое множество товаров ему нужно было в целях перепродажи.

Именно невозможность существования только за счет земледелия и скотоводства толкала население на занятие кустарными промыслами, основная часть продукции которых шла на удовлетворение нужд крестьянской семьи, так как крестьянское хозяйство носило полунатуральный характер.

Особенно развито было в Чечне и Ингушетии бурочное производство, так как не было недостатка в сырье.

Если сукна вайнахов были в основном среднего качества, то бурки отличались добротной выделкой и мягкостью, что было обусловлено тщательным выщелачиванием материала, из которого они делались. Бурки, сукна разных цветов, ковры и орнаментированные кошмы, изготовлявшиеся искусными мастерицами — чеченками и ингушками, — пользовались большим спросом на внутреннем рынке. Женщины одевали и обували членов семьи. Но были здесь и чисто мужские ремесла: кузнечное, изготовление арб, конской сбруи и др.

О распространенности у вайнахов кожевенного производства говорят многие находки изделий из кожи в захоронениях XVII века. Предметы эти разнообразны. Обувь представлена ноговицами, чувяками, детскими и женскими башмачками из сафьяна. Простотой и изяществом отличаются детские сапожки, обнаруженные в «городе мертвых» Цой-Педе. По сообщению В. И. Марковина, у этих сапожек гофрированная кожа, носки загнуты кверху. На задней части сапожка — простой, незатейливый узор. По данным Е. Максимова, в 1893 году всего в Чечне было занято бурочным производством не менее 500 семей. В год выпускалось до 7400 бурок, на сумму 73 300 рублей[38].

---

37 Кушева Е. Указ. сб. № 48.

38 Максимов Е. Географические сведения о Чечне. Терский сб. (прилож. к календарю на 1894 г.) Вып. III. Кн. II. Владикавказ, 1893. С. 91.

Вот что писал о кустарных промыслах один из исследователей А. С. Пиралов:

Потребителем относительно сильно развитого в Чечне продукта овцеводства — шерсти были бурочные, суконные и войлочные кустарные промысла. Центром производства бурок было селение Старый-Юрт. Там их вырабатывали 21 тысячу в год. Стоила одна бурка от 5 до 7 рублей. В селение Ачхой — из войлока разных цветов делали узорчатые ковры[39]. О развитии суконно-бурочно-войлочного промысла говорит тот факт, что в Чечне и Ингушетии им занималось, согласно переписи 1897 г., 19 тыс. человек[40].

Шерстяные и войлочные ковры отличались незаурядными художественными достоинствами. Значительное место в кустарных промыслах занимала и выделка домашнего сукна, из которого шили черкески, башлыки и другую одежду. Продукцию чеченских и ингушских мастериц охотно покупали терские казаки.

По свидетельству О. В. Маргграфа, терские казаки Моздока, Грозного, Кизляра, Хасав-юрта покупали ежегодно около 1700 черкесок и столько же башлыков, всего на сумму 10 000 рублей.

В 1913 г. в горских аулах появляются лавки. Только в Терской области было 765 купцов, имевших торговые заведения с годовым оборотом более 20 тыс. рублей. Из них чеченских и ингушских коммерсантов насчитывалось около 60. В Ингушетии это — главным образом владельцы ссыпок зерна и лесных складов: Аушевы, Дахкильговы, Инаркаевы, Льяновы, Плиевы, Шадыжевы и др.; в Чечне — хозяева бакалейных, мануфактурных магазинов, мельниц, керосиновых и угольных складов: Башировы, Батукаевы, Вагабовы, Зубайраевы, Мациевы, Саламовы, Цутиевы. Только в Грозненском податном участке насчитывалось 112, а в Сунженском — 61 торговое заведение. Об интенсивном развитии торговли свидетельствует тот факт, что если в 1876 году в Грозненском округе насчитывалось 120 торговых заведений, то уже в 1889 году их стало 240. В 1915 г. только в Чечне было 643 торговых заведения с оборотом около 2 миллионов рублей[41].

Жители Чечни и Ингушетии промышляли разработкой и продажей леса. В течение зимы они заготавливали строевой и дровяной лес: таркалы, обручки, клепки, доски. Сбывали их в основном в Кизляре, в районах Дагестана. По данным Норденштамма, в Кизляр ежегодно сплавлялось от 500 до 800 плотов строевого леса ценой за каждый плот от 20 до 50 рублей серебром, что составляло в среднем 25 000 рублей[42].

Наряду с таким сельскохозяйственным инвентарем как арбы,

---

[39] Пиралов А. С. Крат. очерк. кустар. промыс. Кавказа. Спб, 1913.
[40] Колосов Л. Н. Чеч.-Инг. накануне Октября 1917 г. Грозный, 1968. С. 35.
[41] Колосов Л. Н. Указ. соч. С. 37.
[42] Там же.

плуги, колеса, молотильные доски, косы, в Чечне и Ингушетии изготовляли и предметы домашнего обихода: столы, чашки, ложки, блюда, кувшины для удовлетворения местных нужд, а также для реализации на рынке.

Из других домашних промыслов наиболее развито было гончарное производство. Кстати, следует отметить, что чеченская глиняная посуда предпочиталась местной русской, так как чеченцы хорошо обжигали ее, пользуясь наличием добротного древесного топлива. А уже с конца 1880 г. гончарный промысел стал соединяться с черепичным и кирпичным. В 1892 г. в Грозненском округе было 18 черепичных, 14 кирпичных и 7 гончарных промыслов.

В 60-х гг. XIX в. в Ингушетии были не только кирпично-черепичные заводы, мельницы, кузницы, но и известковые заводы кустарного производства. Кроме этого, занимались здесь и солеварением.

Особое развитие в XVIII и в первой половине XIX в. получили мельницы. Связано это было, видимо, с наличием водоисточников. Так, в 1889 г. в небольшом селе Пседахе, что в Ингушетии, было 8, в Барсуках — 15, Плиеве — 11 мельниц. В 1892 г. во всей Чечне насчитывалось 1000 мельниц. Принадлежали они частникам, производительность их была низкая и именно поэтому они и носили не промышленный, а чисто хозяйственный характер.

С усилением проникновения капиталистических отношений в чеченских и ингушских селах происходит дальнейшее расслоение общества, выделение небольшой кучки богатеев из крестьян, ремесленников, духовенства и обнищание большей части населения. Не находя другого выхода, разорившиеся крестьяне массами уходили в города, где, попадая в среду русского рабочего класса, еще и еще раз убеждались, что единственный путь избавления от нищеты и бесправия — это солидарность трудящихся всех наций и совместная борьба против самодержавия.

Говоря о промышленном производстве, следует отметить, что в те далекие годы на территории современной Чечни существовала только одна отрасль промышленности — нефтяная, представленная Грозненскими нефтяными промыслами, — открытыми в начале XIX в. В 1823 г. русский крепостной крестьянин Василий Дубинин сконструировал аппарат для перегонки нефти. Вместе со своими братьями Макаром и Герасимом он построил в Моздоке нефтеперегонный завод для переработки Грозненской и Вознесенской нефти. «Вероятно, — пишет советский исследователь А. В. Фадеев, — этот завод существовал недолго и обладал весьма скромными размерами. Важно другое, а именно то, что это было одно из первых в истории отечественной техники промышленное предприятие по производству керосина».

«Промышленный подъем 90-х годов был связан в первую очередь с усилением железнодорожного строительства... Железные

дороги требовали огромное количество металла (на рельсы, паровозы, вагоны), требовалось еще больше топлива, каменного угля и нефти»[43]. В 1893 г. началось строительство железнодорожной линии Грозный — Петровск (Махачкала).

Положение рабочих в грозненской промышленности, как и во всей России, было очень тяжелым. В промышленности господствовал ручной труд, чрезвычайно низким был уровень техники, почти отсутствовала механизация трудоемких работ. Рабочий день достигал 12—15, а иногда 16 часов в сутки. Охрана труда фактически отсутствовала. Доведенные до отчаяния рабочие от борьбы за свои экономические интересы переходят к борьбе против капиталистов и царского самодержавия. Грозный становится одним из крупных центров рабочего движения на Северном Кавказе. А накануне Великой Октябрьской социалистической революции Грозненский пролетариат занимал выдающееся место. «Значение Грозного и его нефтяных промыслов известно всем — это в полном смысле золотое дно, а в политическом отношении это опорный пункт», — сказал С. М. Киров *.

* * *

Самые древние данные о возможной социальной дифференциации вайнахов мы находим не ранее VI—VII веков н. э., и то преимущественно в Ингушетии. Так, в VII в. феодальная Грузия поддерживала и укрепляла зарождавшуюся ингушскую общественную верхушку, с ней грузинские цари заключали договоры о военной помощи, ее приглашали ко двору и тем самым подымали над местным поселением[44].

Сам факт, что наиболее крупные ингушские замки и замечательные в архитектурном отношении храмы находятся в Ассинском ущелье, в том числе и Тхаба-Ерды, указывает на экономические, политические и культурные связи и зависимость Ингушетии от феодальной Грузии и говорит о влиянии грузинского феодализма на зарождение феодальных отношений в Ингушетии.

Письменные же источники конца XVI — начала XVII в. позволяют видеть процесс имущественной дифференциации вайнахского общества, чему, в частности, способствовал контроль над ведущими торговыми путями. Митрополит Епифаний, посланный в 1665 г. в Москву от грузинского царя, передал обстановку переезда из Кахетии в Москву: «А меж Туш и городом Чечень стоят два

---

[43] История ВКП(б). Краткий курс. Вып. 1945. С. 7.

* С. М. Киров // Донские известия. 1918. 24 апреля.

[44] Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. Известия Чеч.-Инг. НИИИЯЛ. Т. 1. Вып. 1. Раздел история. Грозный, 1959. С. 168.

кабака горских кистинан, людей в них 200 человек, без подарков не пропускают, а подарки де емлют большие»[45].

У ингушей сравнительно давно сложился обряд комендации, смысл которого заключался в том, что слабые фамилии приходили под защиту сильных; с этого времени они принимали новые фамилии и пользовались их защитой.

Подчинившиеся фамилии обязаны были нести феодальные повинности, не нормированные ни договорами, ни обычным правом.

Наличие в жизни чеченского и ингушского народов таких фактов, как различная плата за кровь знатного и незнатного человека (за кровь знатного платили 120 коров, а за простого человека — 60), когда знатные не роднились с рабами и вообще несостоятельными, убедительно говорит о том, что в Чечне и Ингушетии существовало социальное неравенство, социальная дифференциация. Нарождение элементов зависимости совершалось в недрах и под кровом родовых отношений, которые с внешней стороны вуалировали факты зарождения общественного неравенства и феодальной зависимости.

«Историческая судьба чеченцев и ингушей сложилась так, что, в отличие от своих соседей, — кумыков, осетин, кабардинцев, у них не было своих ханов, беков, хотя издавна существовало значительное имущественное неравенство, частично сохранившееся до второй половины XIX века»[46].

По данным 1863 г. в Чечне и Ингушетии было 300 душ рабов обоего пола, а в Кабарде их было в пять раз больше, чем у всех остальных горцев, вместе взятых, однако, населения здесь было в пять раз меньше[47].

Работорговля на Северном Кавказе существовала вплоть до присоединения его народов к России и притом в двух формах: торговля внутри области, а также продажа рабов за пределы области и даже за пределы Российского государства. Цены на рабов были высоки. Они доходили до 200 рублей и более.

«Пленение и продажа людей в Ингушетии было довольно развитым ремеслом. Чаще всего продавали сирот, детей и вообще слабых, беззащитных людей. Их дарили или продавали»[48].

Говоря о формах появления личных рабов в Чечне и Ингушетии, историк Н. Дубровин писал: «Отсутствие аристократических сословий не удерживало чеченцев от появления у них немногочисленного разряда личных рабов, по происхождению своему не при-

---

[45] Полиектов М. А. Экономическая и политическая разведка XVII в. на Кавказе. С. 22.

[46] Народы Кавказа. Изд. АН СССР. Т. 1. Москва, 1960. С. 364.

[47] Алиев. Кара-Халк. («Черный народ») Севкавкнига-крайнациздат. Ростов-на-Дону, 1927. С. 21.

[48] Мамакаев М. Чеченский тайп (род) и процесс его разложения. Грозный. С. 27.

надлежащих к коренному населению, а происшедших из числа военнопленных, захватываемых чеченцами во время набегов»[49].

В пореформенный период, когда некоторые офицеры — чеченцы и ингуши — за заслуги перед царизмом были пожалованы большими земельными наделами, образовался контраст в жизни населения. Разумеется, крупные землевладельцы эксплуатировали труд своих соплеменников, которых феодалы называли лай (холопами)[50].

Особо нужно отметить, что большинство дореволюционных историков оказалось в плену у правительственной тенденциозной установки, имевшей целью дать юридическое оправдание новому поземельному устройству, построенному на отрицании феодализма у горцев.

После окончания Кавказской войны перед местной властью неизбежно встал вопрос об урегулировании земельно-правовых отношений, с которыми было явно неблагополучно. Военные власти, призванные навести в аграрном вопросе надлежащий порядок, занимались демагогическими разговорами и обещаниями в виде прокламаций к народам. Это был всего лишь обман народа.

Вхождение Чечни и Ингушетии в состав России, массовое переселение горцев на плоскость в XIX веке подрывали основы родовой связанности. Роды распадались на мелкие семьи, и большие семьи встречались все реже. С другой стороны, процесс общественной дифференциации на плоскости шел значительно интенсивней, чем в горах[51].

Вместе с тем следует отметить, что под воздействием внешнеполитических факторов развитие феодальных отношений на Северном Кавказе было значительно заторможено, и местные этнополитические образования достигли лишь разных ступеней раннего феодализма[52].

В эпоху феодализма внешняя торговля являлась яркой и характерной формой внешнеэкономических связей. Как известно, первый стационарный торговый центр вблизи выходов из ущелий Осетии и Ингушетии возник лишь во второй половине XVIII в. Это был Моздок. Таким образом, широкие торговые связи с северо-кавказской низменностью ингуши, в частности, устанавливают лишь с 60—70-х годов XVIII в., при этом они первоначально шли непосред-

---

[49] Н. Дубровин. Ист. войны и влад. русских на Кавказе, т. 1, кн. 1, Санкт-Петербург, 1871.

[50] У. Лаудаев Чеч. племя. «Сб. свед. о Кавказских горцах», вып. VI, Тифлис, 1872. С. 23.

[51] Скитский Б. В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. Известия ЧИНИИЯЛ. Т. 1. Вып. 1. Раздел история. Грозный, 1959. С. 168.

[52] Анчабадзе З., Робакидзе А. К вопросу о периоде горского феодализма. Тбилиси, 1971.

ственно с российским населением Моздока, а в дальнейшем и Кизляра.

Если Чечня вела активную торговлю с кумыкскими и приморскими торговыми центрами, в том числе и с Кизляром, Ингушетия, как и Осетия, была связана с Тбилиси — этим богатым товарным рынком и другими нитями (наем войска, отхожий промысел и др.), которые могли быть использованы и для торговли[53].

В 1769 г. поручик Хвабулов писал о нравах местных горцев: «...денег они не имеют и не берут... Там на деньги достать ничего не можно; а больше в их потребу идет холст, гребни, костяные иглы, наперстники медные и т. п. мелочи». Меновой единицей служила мерка зерна или кусок шерстяной ткани[54].

Хотя внешняя торговля и не составляла сколько-нибудь заметной силы в вайнахском обществе вплоть до конца XVIII в., это вовсе не значит, что горцам не были известны деньги. Постоянно бывая на низменности с торговыми целями или с отхожим промыслом, они не могли не знать нравов тамошнего рынка (товарно-денежных операций); они бывали на низменности и по найму в войске. А нанимаемым на военную службу кабардинцам, осетинам, ингушам, дагестанцам грузинские цари выплачивали из казны деньгами[55].

Дореволюционная историография оказалась неспособной правильно поставить и разрешить проблему общественного строя кавказских горцев. Ряд авторов считал, что горские народы Кавказа остановились на патриархально-родовой стадии развития. Лишь некоторые исследователи допускали, что горцы жили в условиях феодального строя, а другие отрицали наличие феодальной собственности. Большинство исследователей сходятся на том, что горские народы Кавказа в первой половине XIX в. стояли на различных ступенях раннефеодальных (патриархально-феодальных) отношений.

Раннефеодальные отношения, по мнению З. Анчабадзе и А. Робакидзе, характеризовались следующими чертами: наряду с господствующей феодальной собственностью (фамильно-родовая, индивидуальная, мечетская) существовала и общинная собственность; классы феодалов и крепостных крестьян находятся на различных стадиях социального оформления, большинство непосредственных производителей — свободные общинники; отсутствие или слабое развитие городской жизни; основное содержание классовой борьбы — борьба между феодализирующейся верхушкой и закрепощаемым крестьянством; существует рабовладение, но оно под-

---

53 Гамрекели В. Н. Торговые связи Вост. Грузии с Сев. Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. С. 15.

54 Там же. С. 39.

55 Скитский Б. В. Роль православия в колонизаторской политике. Орджоникидзе, 1932. С. 56—57.

вергается постоянной феодализации; в быту сохранялось немало пережитков, патриархально-общинных порядков.

Раннефеодальные отношения кавказских горцев З. Анчабадзе и А. Робакидзе подразделяют «на три ступени (стадии) — низшую, среднюю, высшую», в зависимости от уровня развития феодализма.

Низшая ступень раннефеодальных отношений характеризуется следующими чертами: господствующая верхушка еще не оформилась в самостоятельное сословие; большая часть средств производства находится в руках трудящихся, подавляющее большинство населения — свободные общинники-собственники; рабы-иноплеменники имеются в небольшом числе; так же немного и крепостных — это преимущественно посаженные на землю вчерашние рабы; пережитки доклассовых отношений особенно сильны. К низшей ступени раннефеодальных отношений относятся большинство вольных обществ «Дагестана, горные общины Чечено-Ингушетии, некоторые осетинские общины» и др. [56].

«Таким образом, более внимательное и широкое изучение источников и их объективное толкование позволяют нам прийти к правильному выводу о том, что все горские народы, в том числе чеченцы и ингуши, проходили стадию феодализма в разной мере его развития соответственно различию их исторических судеб» — пишет Б. Скитский. Мы разделяем данную точку зрения ученого.

Нищенство — неизбежный фактор эксплуататорского общества. «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, работы, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе», — указывал К. Маркс [57].

Так, по данным Центрального Государственного Архива Чечено-Ингушской республики в 1886 г. только в одном с. Гудермесе насчитывалось 19 бездомных семейств. А сколько их было во всей Чечне! В 1893 г. из станицы Нестеровской десятки семей по своей бедности согласились поехать на жительство в далекий Амурский край [58].

Царское правительство стояло на страже прав крупных землевладельцев, всячески оправдывало их притязания и помогало им в ограблении трудового народа. Вместе с тем обложение малоземельных и безземельных крестьян податями и повинностями отрицательно сказывалось на их экономике.

Доведенным до крайней нищеты чеченцам и ингушам ничего не оставалось как арендовать помещичьи и казачьи земли и хотя бы этим обеспечивать прожиточный минимум своих семей. К сказан-

---

[56] З. Анчабадзе, А. Робакидзе. Тезисы к вопросу о природе Кавказского горского феодализма. Тбилиси. С. 57.

[57] К. Маркс. Капитал, 1953. Т. 1. С. 651.

[58] Иванов А. И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки. № 10. С. 284.

ному следует добавить, что уже к концу XIX в. у преобладающего большинства крестьян были отобраны леса в пользу казны, что еще больше углубило ненависть горцев к царской администрации.

Вайнахи веками жили, не признавая над собой никакой высшей власти. Все вопросы обсуждались на совете стариков, чьи решения были законом.

В донесении 1748 г. кизлярского коменданта Девица в коллегию иностранных дел сообщается, что у чеченцев ссоры «разбирают старики», т. е. старейшины. Источник конца XVIII в., говоря об ингушах, упоминает о старшинах, которые выбираются «из знатнейших фамилий» [59]. Вахушти писал, что «галгаи» (глигви)... если случится убийство, то мирятся через совет своих старейшин [60].

Что же касается общего народного управления, его еще не было даже в начале XIX века. В селениях, где жило несколько тайпов, каждый из них имел своего старейшину, без участия которого не обходилось решение почти ни одного важного дела. А после окончания Кавказской войны и установления русской администрации управление сельским обществом стало осуществляться старшиной. Он выбирался на общем сходе села, преимущественно из числа горской верхушки.

Существовавшие во внутреннем управлении порядки горцам надоели, и они решили согласовать народные обычаи с догматами корана. Таким образом, в Чечне в так называемых «горских словесных судах» было введено законодательство, составленное из двух противоположных элементов:

а) шариата, основанного на общих писаных правилах нравственности и религии, заключающихся в коране;

б) адата — на обычаях народа. Его называют в народе неписаный закон.

В 60-х годах XIX в. в административно-политическом устройстве произошли существенные изменения. Высшая власть была сосредоточена в руках военного командования.

Появившиеся по воле военной администрации еще до окончания Кавказской войны такие должности, как старшина и приставы получили еще более широкое распространение. На эти должности поступали преимущественно русские офицеры или представители феодальной знати.

В сфере внутреннего управления и сословно-правовых отношений местные власти, за некоторыми ограничениями (отмена работорговли, ограничение права на смертную казнь и пр.), не только сохранили прежние порядки, но и значительно укрепили их при

---

[59] Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией... М., 1963. С. 80.

[60] Б. Далгат. Материал по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929 г.

поддержке царизма и военной администрации[61], которые делали все, чтобы создать максимальные условия местным феодалам.

Простые люди не желали терпеть колониального ига. Они не упускали момента, когда можно было открыто выразить всю свою ненависть. Так, в 1861—1863 гг. в с. Беной, что в Ичкерии (ныне Ножай-юртовский район) начались волнения горцев под руководством Султан-Мурада и Байсунгура. В январе 1864 г. состоялся так называемый шалинский кинжальный бой. В 1865 году в Ичкерии состоялось выступление под руководством имама Тезы. Выступление это было вызвано недовольством масс земельной неустроенностью.

В 1871 г. на территории Ингушетии произошел ряд выступлений, направленных против ингушской феодальной верхушки. Восстания и волнения были и в последующие годы, но плохо вооруженные, лишенные продовольственной базы, восставшие горцы терпели поражение.

В 1877 году вспыхнуло более крупное восстание, охватившее не только Ичкерию, но и почти всю Чечню. Когда царские войска подошли к Большой Чечне — Шали, старшина Борщик Хамбулатов тут же собрал «почтенных лиц» аула—мулл, хаджей, улемов и других, убедил их, что «для них выгоднее оставаться верными царскому правительству и не пускать в аул восставших. Восставшие горцы были встречены ружейными залпами шалинских богатеев. Восстание потерпело поражение. За свою услугу Хамбулатов получил чин прапорщика милиции и пожизненную пенсию»[52].

В Терской области существовало колониальное, так называемое военно-народное управление. На деле управление было военным, антинародным. Во главе области стоял начальник области и наказной атаман Терского казачьего войска, который в военном отношении пользовался правами командира дивизии, а по гражданскому управлению — правами губернатора.

Низшей и основной единицей в общественной жизни чеченцев и ингушей было аульное общество, состоящее из аульного схода, старшины и суда. Аульный сход созывался старшиной для выборов сельских должностных лиц. На сходе председательствовал старшина. Решение аульного схода подлежало утверждению начальником участка. Аульный старшина назначался начальником округа. Он мог подвергнуть члена общества общественным работам на 6 дней, аресту на 7 дней и денежному взысканию до 3 рублей.

Составной частью военного и народного управления Терской области являлись словесные суды, подчинявшиеся начальнику области. В судах не было института защитников и обвинителей.

---

[61] Гаджиев С. Кумыки. Изд. АН СССР. Москва, 1961. С. 136.

[62] Иванов А. И. Восстания в Чечне в 1877. Исторические записки. № 10. С. 287.

Основные указания по судопроизводству давались в военных приказах[63].

Разумеется, такая система управления являлась орудием угнетения народных масс и тормозила их экономическое и культурное развитие.

Крестьяне Чечни и Ингушетии много раз жаловались на тяжести повинностей, притеснения со стороны царских чиновников, сельских старшин, верхов соседних казачьих станиц, писали об их злоупотреблениях, взяточничестве и т. п. Однако положение от этого не менялось.

«Только волны массовой стачки, — писал В. И. Ленин, — прокатившейся по всей стране, в связи с жесткими уроками империалистической русско-японской войны, пробудили широкие массы крестьянства от летаргического сна»[64].

В конце XIX в. в Чечне и Ингушетии были на лицо основные признаки феодального хозяйства, на которые указывал В. И. Ленин: господство натурального хозяйства; наделение непосредственного производителя средствами производства вообще и землею в частности; личная зависимость крестьян от крупных землевладельцев и крайне примитивная техника.

Крестьяне-горцы и мобилизованные на строительство дорог и объектов рабочие, вместе с представителями беднейшего казачества начали понимать, что между ними, с одной стороны, кулаками-мироедами, ростовщиками и ловкими предпринимателями, с другой стороны, образовалась пропасть, что вековой дурман, которым царизм отравлял их, рассеивается. Они пробуждались и становились на путь классовой борьбы.

2. К вопросу об объективно-прогрессивном значении присоединения Чечни и Ингушетии к России

Чеченцы и ингуши прошли в своем развитии ряд исторических этапов, самым страшным из которых, пожалуй, следует рассматривать монгольское нашествие, когда вайнахи были оттеснены в труднодоступные ущелья гор, где они вновь распались на множество маленьких обществ.

Важное значение для вайнахов имело установление всесторонних связей с русскими городами и Грузией. Так, в Терском городе (Теркох), построенном в 1588 г. в устье Терека, наряду с русскими слободами, вскоре образовалась «Окоцкая слобода», населенная выходцами из вайнахов. «Из челобитной владельца окочан Шиха, поданной царю Федору Ивановичу в 1588 г., видно, что окочане

---

[63] Далгат Б. К. О горском словесном суде. // Утро гор. 1910, № 1. С. 31.
[64] Ленин В. И. Соч. Изд. 3. Т. XIX. С. 346.

уже со второй половины XVI в. вместе со стрельцами и казаками не только охраняли пограничные рубежи русского государства от турецко-крымских вторжений, но и способствовали укреплению позиций России на Северном Кавказе *.

Вайнахи вместе с терскими и гребенскими казаками приняли активное участие в Крымском походе Василия Голицына в 1689 г. Совместная борьба русских и горцев с иноземными захватчиками продолжалась и в последующее время.

Такие совместные действия все более и более способствовали усилению у горцев прорусской ориентации.

Расселение значительной части горцев на равнине и, в связи с этим, оживление их торгово-экономических связей приобретали для них тем бльшую значимость, так как все это происходило в условиях ограждения их Россией от внешних врагов.

Кабардинские князья и богачи, пользуясь покровительством и поддержкой Русского государства, подчинили себе жителей некоторых сел Чечни и Ингушетии, поселившихся на равнине между Тереком и Сунжей, вынудили их заключить с владельцами земли особые соглашения и подчиниться известным правам в отношении вознаграждения за землю, которой они пользовались. Так вайнахи оказались в вассальной зависимости от кабардинских князей, продолжавшейся вплоть до конца XVIII в. Кстати сказать, зависимость от кабардинских князей отвечала интересам нарождавшейся феодальной верхушки Чечни и Ингушетии.

В то время, когда вассальные чеченцы и ингуши делали все, чтобы освободиться от зависимости кабардинских князей, Грузия стремилась к установлению своего господства на Северном Кавказе, ее политика сводилась к тому, чтобы, во-первых, добиться беспрепятственного общения по северокавказским путям с Россией, во-вторых, использовать в своей внутренней и внешней политике военные силы Северного Кавказа, и в-третьих, найти себе там союзников в борьбе против дагестанских феодалов [65].

У России тоже были свои интересы, что и влекло Россию на Кавказ. Во-первых, здесь был важнейший рынок сбыта товаров, во-вторых, богатейший источник сырья для собственной промышленности, в-третьих, здесь был узел сосредоточения важнейших мировых торговых путей, в-четвертых, Кавказ имел огромное военно-стратегическое значение. «Тот, кто господствовал на Кавказском перешейке, отделяющем Каспийское море от Черного, соединяющего Кавказ через проливы Босфор и Дарданеллы со Средиземным морем, а стало быть, с океаном, тот получал возможность

---

* Муталиев Т. Плечом к плечу. Из книги «Вехи единства». Грозный, 1982. С. 86—88.

[65] Анчабадзе З. В. Грузино-Чечено-Ингушские взаимоотношения в XVI—XVIII вв. Тбилиси, 1965, с. 4.

контролировать эти пути транзитной торговли между Востоком и Западом и получать колоссальные прибыли»[66].

Таким образом, царская Россия была заинтересована в укреплении южных границ и завоевании обширных территорий Кавказа. Следовательно, войны на Кавказе велись не только во имя защиты народов Кавказа, но и в интересах самой России. А горцев склоняло к России, главным образом, стремление быть избавленным от опустошительных набегов внешних врагов, в частности иранотурецких завоевателей, равно как и то обстоятельство, что с помощью России они стремились улучшить свое экономическое положение путем получения беспрепятственного права расселяться на равнине с наделением их землями и сенокосными угодьями, а также желание приобрести льготные права на торговлю с русскими городами, крепостями и станицами[67].

В 1859 г. завершилась почти 30 лет продолжавшаяся война горцев Дагестана и Чечни против царских колонизаторских войск. Этот год принято считать годом официального присоединения Чечни и Ингушетии к России.

Значение этого присоединения неоспоримо. Оно способствовало укреплению связей вайнахов с русским и другими народами, включению многонационального Кавказа в активно развивающуюся социально-экономическую структуру России, неизбежно укрепляло международные позиции России и, наконец, способствовало усилению их отпора иноземным завоевателям.

Отмечая объективно-прогрессивное значение присоединения Чечни и Ингушетии к России, невозможно оправдать тот жестокий колониальный режим, который был здесь установлен. Или полная покорность горцев, или их физическое истребление — такова была альтернатива кавказской политики царизма. Именно так и сформулировал свою политику Николай I в письме к наместнику Кавказа И. Ф. Паскевичу. Поздравляя его с окончанием русско-турецкой войны 1828—1829 годов, царь Николай I писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»[68].

Царская Россия с ее военно-бюрократической машиной не была заинтересована в укреплении дружбы народов, в их просвещении и создании народам сносных условий жизни. Царизм умышленно провоцировал конфликты между народами.

В начале XX в. генерал-губернатор Терской области Михеев в

---

66 Тавакалян Н. А. Торжество ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1965. С. 6—7.

67 Боцвадзе Т. Северный Кавказ во внешней политике... С. 39—40.

68 Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. С. 340.

своем отчете на имя царя Николая II писал, что столкновения чеченцев и ингушей с казаками приносят значительный материальный ущерб и влекут большие человеческие жертвы. На этом отчете генерал-губернатора царь Николай II написал резолюцию следующего содержания:

«По моему мнению, именно это соседство и поддерживает в терских казаках их старую дедовскую удаль, а по сему принимать меры к смягчению обстановки нет никакой надобности»[69]. Здесь целиком подходил излюбленный девиз царской политики «разделяй и властвуй».

Чеченцы и ингуши были задавлены тяжелыми налогами, а также всевозможными повинностями и поборами. Все это вынуждало их подниматься на борьбу против невыносимо тяжелого национально-колониального гнета царизма, применяя различные формы борьбы: от пассивных протестов до открытых массовых вооруженных выступлений. Однако они тогда не были в состоянии различать принципиальную разницу между царскими колонизаторами и великим русским народом. Именно поэтому они временами поддавались антирусской пропаганде.

Чеченцы и ингуши жили в сельской местности, занимались земледелием и скотоводством. Подавляющее большинство трудового населения испытывало острую земельную нехватку, многие семьи не имели своего скота. Наряду с жестким социальным и национальным гнетом, низкие урожаи обрекали трудящиеся массы на нищету и вырождение.

«Бывает и такое, — писал исследователь Н. Грабовский об ингушах, — когда бедные люди перебиваются кое-как. То выпросят у соседей хлеба, то сбудут для покупки его последнюю корову»[70].

Путь колонизации Кавказа не был легким. Особенно энергичное противодействие царским военным властям оказывали горные районы Центрального Кавказа. В 1819 г. генерал Ермолов так рапортовал Александру I о своих успехах в борьбе против аварцев: «Я сделал марш в горы, пользуясь общим ужасом и бегством почти непроходимым так, что с трудом мог провести два легких орудия, истребил несколько селений, весь на полях хлеб»[71]. В записке, представленой 20 мая 1833 г., генерал-лейтенантом Вильяминовым командиру Кавказского корпуса Розену, говорится, что «необходимо ускорить покорение горцев путем отнятия у них плоскостей и заселение оных казачьими станицами. Истребление полей их в продолжение пяти лет дает возможность обезоружить их, тем

---

[69] Носов А. Ф. Октябрьская революция в Грозном и в горах Чечено-Ингушетии. Грозный, 1961. С. 11.

[70] Грабовский Н. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 10.

[71] Записки Алексея Петровича Ермолова. С приложениями. Ч. II. М., 1868. С. 432.

облегчить все дальнейшие действия. Наконец, по поселении станиц устроить в приличных местах укрепления».

Осуществляя свою хорошо задуманную политику покорения горцев с благославления царского двора, наместники Кавказа и их войска на местах возводили линии укрепления, закладывали крепости, организовывали станицы.

Так, в 1816 г. была заложена крепость Назрань, в 1818 г. — крепость Грозная, в 1844 г. — крепость Воздвиженская, в 1845—46 гг. — станицы Карабулакская, Троицкая, Михайловская, в 1847 г. — Ассиновская, в 1851 г. — Алхан-Юрт, в 1857 г. — Шали, в 1859 г. — Сунженская. В 1848 г. — укрепление Урус-Мартан.

По сравнению с присоединением к России Закавказья, включение в состав Российской империи Северного Кавказа имело свои особенности. Царизм надеялся быстро подчинить своему владычеству этнически разобщенное и политически расчлененное до крайней степени местное население. Поэтому на Северном Кавказе более резко выявлялся завоевательный характер политики царизма и принимал более грубые формы колониальный произвол царской администрации, хотя военно-феодальные черты были присущи царскому колониализму повсюду.

Декабристы и прогрессивно настроенные русские офицеры с сочувствием относились к горцам, требовали гуманности по отношению к ним. Так, декабрист Александр Бестужев писал:

«Скоро ли настанет время, когда
елей просвещения смоет кровь с крутин
Кавказа и обратит сынов его...
в миролюбивых оратаев... Ждем
этой поры во имя человечества»[72].

А вот что писал декабрист, он же генерал царской армии, М. Ф. Орлов:

«Трудно поработить чеченцев и других народов
Кавказа, как сгладить Кавказские горы. Это
дело исполнится не штыками, но временем и просвещением»[73].

История донесла до нынешних поколений многочисленные суждения простых людей крепостной России. Один из участников Кавказской войны кубанский казак Пимен Пономаренко, вспоминая о походах в горы, говорил:

«Черкес* самый геройский народ. Тай то треба сказать — на отчай ишов, бо свою родну землю, свое ридне гнездичко обороняв. Як що по правди говорыты, то его тут правда була, а не наша».

---

72 Фадеев А. В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. С. 367.
73 Орлик О. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 142.
* Черкесы. Так назывались в то время и чеченцы.

В унисон с высказываниями простых людей звучали стихи поэтов-демократов.

За вас правда, за вас слава
и воля святая!

— писал замечательный поэт Т. Г. Шевченко в своей поэме «Кавказ».

Мы совершенно солидарны с серьезным обобщением, которое сделал доктор исторических наук М. С. Тотоев. Он писал:

«Борьба горских народов за свободу и независимость имела одну весьма важную черту и тесную связь с той освободительной борьбой, которую вел тогда же великий русский народ. Эта общая черта и связь заключается в том, что они оба: и русский народ, и горцы имели перед собою общего врага, равно угнетавшего их — царское самодержавие, являвшееся тюрьмой народов — злейшим их врагом. Вот почему общественное движение русского народа 30—40 годов XIX в. и его наиболее передовые, прогрессивные люди были на стороне освободительной борьбы горцев, глубоко сочувствовали им, поддерживали их» *

Объективно-прогрессивное последствие присоединения Чечено-Ингушетии к России проявилось прежде всего в ее социально-экономическом развитии.

«...Русский капитализм, — писал В. И. Ленин, — втягивал Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик» [74].

«Под влиянием развивающегося капитализма, на путь которого Россия вступила после отмены крепостного права (1861 г.) Чечено-Ингушетия стала втягиваться в товарно-денежные отношения, что и расшатывали патриархально-родовые устои вайнахского общества» [75].

Появление среди чечено-ингушского общества товарно-денежных отношений ускорило разложение и распад большой семьи, да и вообще большой семейной общины. Вот что писал по этому поводу этнограф Н. Н. Харузин, специально занимавшийся изучением семейного и общественного быта чеченцев и ингушей в середине 80-х годов XIX в. «За последнее время среди чеченцев и ингушей все чаще происходят семейные разделы... Прежние большие семьи

---

* Тотоев М. С. Общественно-политическое и культурное состояние Осетии в 20—30-х годах XIX в.

74 Ленин В. И. Соч. Т. 3. С. 521.

75 Гриценко Н. П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861—1900 г.) Грозный, 1963.

распадаются все более и более на несколько самостоятельных небольших семей, получающих каждая новый наследственный надел от общества [76].

Имеются и другие источники, из которых видно, что этнограф Н. Н. Харузин был объективен в своих исследованиях. Так, «Терский сборник» поведал, что «за период 1873—1889 гг. в пределах только Чеченского округа образовалась 5993 новых крестьянских хозяйства в результате семейных разделов [77].

Крестьяне, которые испытывали недостаток пахотоспособной земли, с появлением новых семей оказывались в еще более тяжелом положении, что и вынуждало многие семьи становиться на путь отходничества. Зажиточные крестьяне, захватывая земли ушедших в отхожие промысла, расширяли свои запашки и увеличивали производство зерна, которое продавали как на внутреннем так и на внешнем рынке.

В 1876—1891 годах посевы пшеницы увеличились на 46 процентов, а посевы кукурузы только за период 1888—1893 г. увеличились на 39 процентов; посевы всех зерновых культур за эту пятилетку, т. е. за период с 1888—1893 гг. выросли на 21 процент. В 1876 г. только в одном Грозненском округе на долю кукурузы приходилось 57 процентов общего сбора зерна Терской области, а к 1890 г. — уже 78 процентов [78].

«Однако, — как справедливо замечает историк А. В. Фадеев, — было бы неправильным рост производства товарного зерна считать признаком повышения материального уровня чеченцев и ингушей. Дело в том, что идущие на продажу и на вывоз за пределы Чечено-Ингушетии зерновые культуры составляли не хлебные излишки населения, каковых не имелось, а наоборот, продажа зерна производилась за счет сокращения необходимых хлебопродуктов и понижения уровня материального благосостояния трудящихся. Факты показывают, что подавляющая часть чеченцев и ингушей влачила жалкое существование и испытывала острый земельный голод» [79].

После вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, Грозненский округ занимал в Терской области первое место по крупному рогатому скоту и второе — по мелкому скоту. Однако товарность скота еще не говорит о том, что все трудящиеся чеченцы и ингуши были обеспечены скотом. Так, например, известно, что из общего количества дворов в чеченских аулах области не имели крупного рогатого скота 3,9 процента, мелкого — 45 процентов и лошадей — 60 процентов [80].

---

76 Харузин Н. Н. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. Сборник по этнографии. Вып. 3. М., 1888. С. 124.

77 Терский сборник. Вып. 3. Владикавказ, 1893. С. 67.

78 Сборник сведений о Терской области. Вып. 1. Владикавказ, 1891. С. 114.

79 Тавакалян Н. А. Указ. соч. С. 16.

80 Терский сборник. Вып. 3. Владикавказ, 1893. С. 81—84.

Объективно-прогрессивным последствием присоединения Чечено-Ингушетии к России явилось дальнейшее сближение и тесное общение вайнахского народа с великим русским народом, его высокой культурой. Великий русский писатель Л. Н. Толстой, который бывал в этих краях и полюбил здешних людей, писал, что «живя между чеченцами, казаки переродились с ними и усвоили обычаи, образ жизни и нравы горцев»[81].

Новым и решающим этапом в процессе общения трудящихся чеченцев и ингушей с русским народом явилось формирование на территории Чечено-Ингушетии кадров промышленного пролетариата. Именно здесь — на капиталистическом производстве, в одинаковых условиях труда и быта, навсегда связали свою судьбу русские, чеченцы и ингуши.

Справедливости ради нужно отметить, что присоединение Чечни и Ингушетии к России избавило вайнахов от постоянных нашествий иноземных завоевателей, положило конец их патриархально-феодальной раздробленности, способствовало более быстрому развитию экономики и культуры, укреплению дружбы между русскими, чеченцами и ингушами, а также другими народами Северного Кавказа, объединению национально-освободительного движения в крае с революционной борьбой русского рабочего класса, трудящихся всей России против самодержавия, «своих» и русских помещиков и капиталистов.

За последние два десятилетия написано много статей, проведено немало различных дискуссий на тему о характере освободительного движения горских народов Северного Кавказа в первой половине и в середине XIX в. В ходе обсуждения сталкивались диаметрально противоположные точки зрения. Или, иначе говоря, если одни историки выступали с признанием демократического характера движения горских народов, вызванного внутренними условиями их жизни и отличающегося своей антифеодальной и антиколониальной направленностью, то другие видели в выступлениях горцев, главным образом, в мюридском движении, лишь результат подрывной деятельности англо-турецкой агентуры, причем, отрицали какую-либо внутреннюю социальную базу движения.

Так, в 1950 г. в центральной печати была напечатана статья бывшего первого секретаря ЦК компартии Азербайджана Багирова, искажавшая правду о борьбе горцев и самом Шамиле, который якобы был ставленником, агентом иностранных государств. Статья была поддержана Сталиным. Пользуясь этим случаем, в печати начали появляться статьи и книги, в которых прямо и косвенно называли движение горцев под руководством Шамиля реакционным, а идеологию мюридизма причиной, противопоставляющей людей по религиозному признаку.

---

[81] Толстой Л. Н. Казаки. М., 1954. С. 16—17.

Ясность в это внесло Всесоюзное совещание советских историков, созванное Институтом истории Академии наук СССР и проходившее в Москве 15—19 ноября 1956 года.

Участники совещания признали, что антинаучная версия об агентурном характере движения горских народов Кавказа должна быть решительно отвергнута и что завоевательная и колониальная политика царизма, опиравшегося на местных феодалов, а также обострение классовой борьбы внутри горского общества являлись основными причинами этих движений [82].

Для убедительности выше сказанного по вопросу о движении горцев в 20—50 годах XIX в. приведем высказывание великих мыслителей и современников этих событий К. Маркса и Ф. Энгельса. Они осуждали царизм, выступавший в качестве жандарма Европы, сочувствовали национально-освободительному движению горцев, которым руководил Шамиль, считали это движение истинно народным. «Народы, учитесь у них (у горцев — Б. Г.), на что способны люди, желающие остаться свободными», — писали они в сентябрьском номере «Коммунистического журнала» за 1847 г.

Вопреки всему этому, некоторые исследователи до наших дней продолжают искажать историческую правду.

Так, историки М. Блиев, в статье «Кавказская война» (Журнал История СССР. № 2, 1983 г.), В. Виноградов, С. Умаров («Вместе к великой цели». Грозный, 1983 г.) приходят к утверждению, что «Шамиль и его сподвижники — народные герои, являются «мифом», горцы воевали под руководством Шамиля не во имя свободы и независимости, а ради получения военной добычи; движение горцев было антирусским и антигрузинским, а не антицарским, антифеодальным, виновником Кавказской войны был Шамиль, а не царизм» [83].

Как ни парадоксально, М. Блиев, В. Виноградов и С. Умаров «больше» знают о движении горцев 20—50 годов XIX в., чем К. Маркс и Ф. Энгельс, которые являются современниками Кавказской войны.

Несостоятельная концепция, навязанная В. Виноградовым и С. Умаровым о якобы добровольном вхождении вайнахов в состав России в 1781 году, дала повод для проведения в республике торжеств, связанных с 200-летием этого события.

Однако большинство историков отнеслось к этим событиям настороженно. И не без оснований.

Ход развития перестроечных процессов в исторической науке показал научную несостоятельность концепции добровольного вхождения, о чем однозначно высказались ученые-историки на Все-

---

[82] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Махачкала, 1959. С. 5.

[83] Халилов А. Шамиль в истории и памяти народа. // Советский Дагестан» 1988. № 5. С. 36.

союзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX века» (июнь 1989 года), а также на Грозненской научной межрегиональной конференции (октябрь 1990 года).

Кстати, само царское правительство признало насильственное присоединение Чечни и Дагестана к России, выпустив в честь завершения Кавказской войны специальную серебряную медаль на лицевой стороне которой было написано: «За покорение Чечни и Дагестана 1859 г.».

Профессор Виноградов был вынужден признать свое заблуждение, заявив: «Я со всей строгостью стремлюсь изжить в себе и хотел бы предостеречь других от излишней поспешности, монопольной безапелляционности» [84].

Такое признание, а вернее ускользание от ответственности за столь серьезную авантюру в искажении исторической действительности, совершенно недостаточно. Он должен был быть наказан, но сам факт, что Виноградов сумел вовлечь в орбиту осуществления своих замыслов ряд руководящих работников—секретарей обкома КПСС — А. В. Власова, М. О. Бузуртанова и иже с ними, далеких от истории вайнахского народа, позволило ему отделаться легким испугом.

Остается непонятным, почему «Вехи единства» — сборник статей, посвященный 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, в котором Виноградов поместил три самостоятельных и 2 соавторских материала, до сих пор не изъят. И почему его автор продолжает занимать в республике высокое служебное положение.

Как известно,. факты отступления от принципов пролетарского интернационализма дают о себе знать, главным образом, в науке и литературе. И выражаются эти факты в некотором преувеличении исторической роли одной нации и умышленном преуменьшении роли других наций.

Так, автор книги «Этнография народов СССР» (выпуск 1958 г., издание МГУ) профессор А. Токарев писал: «В годы Кавказской войны чеченцы были заклятыми врагами русских».

Прежде всего надо отметить недопустимость употребления термина «русских». Невольно создается впечатление, что профессор Токарев, вслед за царскими историографами (в купе с великодержавными националистами России Николая Палкина), выдает царскую колониальную политику за политику русских, забывая при этом указание В. И. Ленина о двух Россиях, о двух национальных культурах в каждой национальной культуре. Это во-первых. Во-вторых, превратил один народ в заклятого врага другого народа.

---

[84] Виноградов В. История с директивной историей // «Грозненский рабочий», 1989, 29 ноября.

Вопреки реакционным целям и методам царизма, вхождение народов Кавказа в состав России, в том числе чеченцев и ингушей, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнета подготовило общий фронт Всероссийского революционного движения, что привело к освобождению всех народов царской империи от рабского ярма.

3. ИЗ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Без преувеличения можно сказать, что без изучения и выявления самобытных черт и особенностей народной культуры нельзя себе представить более или менее удовлетворительное решение кардинальных вопросов истории любого народа. Точно также изучение подлинной истории любого народа предполагает использование в полной мере этнографических данных, без которых эта история не будет полноценной.

Изучая предметы материальной культуры, мы в первую очередь остановим внимание на жилищах наших предков, так как они являются одним из ценных источников изучения прошлого того или иного народа [86]. В таком же плане будут рассмотрены одежда, кухня и т. д.

Материальная культура чеченцев и ингушей отличается яркими своеобразными особенностями. Вместе с тем она во многом сходна с материальной культурой соседних народов — осетин, кабардинцев, абхазов и грузин. И эта общность проявляется в орудиях труда, строительстве жилья, в одежде и во внутреннем убранстве жилища.

Чеченцы и ингуши, как и некоторые другие народы Северного Кавказа, не имели в прошлом своей письменности, и поэтому археолого-архитектурные памятники как то: башни, замки, святилища, храмы, склепы и мавзолеи, оставленные их прямыми предками, как исторические источники, ничем не заменимы [87].

Ранние сведения о памятниках материальной культуры Чечни зафиксированы в трудах путешественников-историков и этнографов первой половины XIX века. Особое внимание проблеме материальной культуры чеченцев уделили в своих исследованиях И. Цискарашвили, А. Ипполитов, Н. Иваненков, М. Дубровин и др. Описание материальной культуры Чечни и Ингушетии мы встречаем также в трудах В. Миллера. Нельзя обойти молчанием труды Умалата Лаудаева и Чаха Ахриева, в которых имеются историче-

---

85 Абовян Х. Раны Армении. Ереван, 1971.

86 Робакидзе А. И. Поселение как источник изучения общественного быта. М., 1964.

87 Умаров С. Средневековая материальная культура Чечни в XIII—XVIII веках. М., 1970. С. 3.

ские и этнографические данные о прошлом чеченского и ингушского народов.

Из зарубежных ученых наиболее важным исследованием, посвященным Чечне, явилась работа этнографического характера австрийского ученого Бруно Плечке, в которой в значительной мере нашли отражение и архитектурные постройки позднего средневековья.

Значительным вкладом в дело изучения материальной культуры вайнахов в послевоенное время являются II—III—IV выпуски Кавказского этнографического сборника, в которых дан глубокий анализ материальной культуры, а также показаны культурно-экономические взаимоотношения населения горной Грузии с населением Чечни и Ингушетии.

В научных публикациях «В стране вайнахов», «В ущельях Аргуна и Фортанги» В. Марковина имеются убедительные выводы и заключения о самобытности в целом единой чечено-ингушской архитектуры.

Чеченцы и ингуши в прошлом — это прежде всего скотоводы и земледельцы, причем основное население жило в горах и только часть — на плоскости. У них исстари сложилось несколько типов сельских поселений: хуторское (кIотар), когда все жители хутора по традиции являлись представителями одного тайпа, аульное, где жили представители одного или несколько тайпов. А уже во второй половине XIX в. широкое распространение получили селения. «Аул» и «селение» как по-чеченски, так и по-ингушски переводятся единым словом «юрт». Однако чеченцы иногда большое село именуют «эвла», что равносильно «юрту».

Название хутора, аула, селения нередко происходит от типа поселения, или от первого поселенца населенного пункта. В нынешнем Ножай-Юртовском районе, например, есть «Беной-юрт», т. е. беноевский аул от тайпа «бено». В Назрановском районе Ингушетии есть селение Экажево. Ингуши называют это село и по-другому — село братьев Экажевых (Экажкъонгий юрт), что и говорит о том, что первыми поселенцами этого села были братья Экажевы. В Грозненском районе Чечни есть село Давлетгирей-аул*.

Как свидетельствует история, хутор — «кIотар» иногда разрастался от немногочисленного поселения в несколько домов и нескольких десятков людей до большого населенного пункта. Так случилось и с хутором Алхазурово, что в Урус-Мартановском районе. Сейчас там более 500 хозяйств и более 4000 жителей. Коренные жители по-прежнему и устойчиво называют Алхазурово хутором, хотя конституционно это село.

---

* Давлетгирей — Каб. кн. Бекович-Черкасский, основатель села. Ныне это село называется Толстой-Юрт.

Факты возникновения чеченских селений по Тереку нашли отражение и в документах XIX века. Так, например, в 1862 г. чеченец Сулейман Чуликов в прошении, поданном на имя командующего войсками Терской области князя Святополк-Мирского, писал: «Родной отец мой, бывший русской службы поручик Чуликов, в 1809 г. вывел из гор несколько именитых горцев... Он поселился на правой стороне Терека против станицы Ищерской».

И действительно, до 1944 года это село называлось по имени его первого поселенца — Чульки-юрт, а современное его название — Знаменское.

«Село было названо «Чулик-юртом», — пишет Н. П. Гриценко.

Кстати, не излишне отметить, что процесс переселения горцев на равнины продолжается и в наше время. Так, многие жители бывшего с. Редант, что на Военно-Грузинской дороге, из-за малоземелья решили переселиться на равнину (Малгобекский район Ингушетии) и образовали село, назвав его «Новый Редант». А жители высокогорного селения Шарой (Чечня) полностью переселились на новое место и назвали свое село «Новый Шарой», что в Ачхой-Мартановском районе.

Чеченские села, особенно плоскостные, издревле делятся на кварталы (куьпы), которые имеют свои названия в зависимости от тайпа. Деление села на «куьпы» имеется даже в наши дни. Так, например, самое крупное селение в Чечено-Ингушетии, каковым является Урус-Мартан, и в котором живет более 30 тысяч человек, до сих пор делится на «куьпы» (беноевцев, гендергеноевцев, зумсоевцев и т. д.). Престарелый житель этого села Али Бачаев рассказал нам, что вплоть до Октябрьской революции на конвертах письма указывалось только село и квартал (куьп) и, разумеется, фамилия адресата. Следовательно, «куьпы» заменяли улицы. Тайповой принцип расселения наблюдается и в наше время.

В фамильных преданиях отражается время возникновения многих сел. Наличие фамильных поселений отмечалось преимущественно в горах. Так, например, в высокогорном селении Мелхисты (Чечня), что на границе с Грузией, проживали преимущественно одни Хациевы. А уже в 70—80-х годах XIX века, когда горцам было предоставлено право переселиться на предгорные и равнинные места, многие жители этого села навсегда оставили его и больше туда не возвращались.

В горных районах, особенно в бывшем Галанчожском районе Чечни, поселения отличались большой скученностью. Дома плотно примыкали друг к другу: улицами служили узкие и кривые тропы; дворы выходили обычно на крыши соседних домов. По своему размеру поселения горной полосы, как правило, были значительно меньше равнинных. Некоторые поселения в высокогорных районах нередко состояли из нескольких домов, располагавшихся на высоких горных склонах или на дне глубоких ущелий.

По сложившейся традиции непосредственно перед началом строительных работ семья устраивала пиршество, смысл которого заключался в «освящении» фундамента будущего дома. Ингуши, например, при наличии строительства устраивали пир, причем, необходимо было принести в жертву обязательно белого барана, кровью которого окропляли первый камень, закладываемый в основание угла воздвигаемых стен. Здесь же старейшие семьи помещали несколько монет или драгоценный предмет, что якобы должно приносить достаток семье [88].

Л. П. Семенов приводит рассказ, записанный в Ингушетии от Магомета Екурова. «Прежде чем строить башню, необходимо было сначала найти место. Выбор сопровождался гаданием. На намеченном месте ставили на ночь чашу, до краев наполненную водой. Если к утру уровень воды в ней понижался, это считалось дурным признаком. Поэтому для сооружения дома приходилось искать новое место» [89].

«Наличие нескольких сыновей в доме и перспектива их раздела в дальнейшем вынуждала семью, — пишут А. Робакидзе и Г. Гегечкори, — заблаговременно подготовиться к выделению, в том числе и к выбору места для поселения выделившихся семей». Однако по мере развития патронимии и сверхнормального уплотнения, а также по мере утери первоначальной связи между потомками одной семьи, выделившиеся в результате раздела новые семьи вынуждены были искать места поселения вдали от отчего дома.

Если в качестве строителей жилища чаще всего выступали сами хозяева дома, то для строительства оборонительных башен, могли, по-видимому, приглашать специалистов извне, хотя среди вайнахов были и свои специалисты. Так, по сведениям И. П. Щеблыкина Мамсуровская башня в Даргавее (Горная Осетия) построена ингушскими мастерами Дуго Ахриевым и Хазби Цуровым.

Самым распространенным типом жилища у чеченцев и ингушей, как в горах, так и на плоскости, был одноэтажный дом — цIа, в отличие от башни или жилого комплекса — гIала. Как свидетельствует этнографический материал, практика строительства одноэтажных домов имеет длительную традицию.

На размер домов и их планировку оказывали влияние не только тип семьи (большая или малая), но и степень ее зажиточности. Бывало, что богатая малая семья располагалась в большом многокомнатном доме, а большая семья, не имевшая достаточно земли, скота и другого имущества, ютилась в сравнительно небольшом жилом помещении.

Во второй половине XIX в., под влиянием русской культуры,

---

[88] Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г. Кавказск. этногр. сборник. № 5. Тбилиси, 1975. С.34—35.

[89] Семенов Л. Г. Археол. и этногр. разыскания в Ингушетии в 1925—32 гг. Грозный, 1963. С. 70—71.

дома начинают благоустраиваться, и их внешний облик постепенно меняется. Вначале на равнинных поселениях, а затем и в горах, появляются окна со стеклами (в старых домах они заменяют собой прежние световые отверстия), в богатых домах — деревянные полы и потолки, филенчатые двери, фасады с деревянными резными столбами, галереи, балконы и т. д.

Были у вайнахов и имели значительное распространение двухэтажные жилые дома, которые характеризовались плоским перекрытием. Такой жилой комплекс хорошо приспособлен к местным условиям. Двухэтажный дом назывался тIекIал цIеношI. По сложившейся традиции, первый этаж отводился под стойло для скота — **божал**, а второй — под жилищее — **оте**, а иногда это слово употреблялось в значении **цIа**.

По мнению С. Макалатия, своим хозяйственным назначением чеченский или ингушский двухэтажный дом находит ряд параллелей в хозяйственном быту соседних грузинских горцев Мтиулети, Хевсурети, Тушети, Пшави. Кладка стен первого этажа производилась на глиняном растворе. Делалось это в целях лучшего сохранения тепла. Строительство жилых домов у грузинских горцев производилось в принципе аналогичным вайнахскому способом.

Пространство перед домом — двор, известное в Чечне под названием **керт** и **уьйтIе**, состоит из двух частей. Одна часть отведена для хранения зимних кормов для скота, другая, относительно большая по площади, — под летнее стойбище или баз для скота. Она огорожена каменной изгородью, скрепленной известью, или изгородью из хвороста. Связь между этажами жилого двухэтажного дома осуществлялась посредством лестницы — **«лами»** — чеч., **«лоами»** — инг., служащей для связи изнутри, и посредством каменной наружной лестницы, построенной из местных сланцев — **тIулга экъа** — чеч., **кхери экъа** — ингушск., — указывает А. Шавхелишвили.

На втором этаже этого комплекса было три отделения. Основная комната (оти), где помещалась большая семья, гостиная комната (хьаша цIа) и коридор между ними. Как видно по плану жилого комплекса, он построен по местным традициям. Самую большую площадь занимала комната для семьи, что было продиктовано нуждами большой семьи, а относительно небольшая площадь отводилась под комнату для гостей и молодоженов. Строили жилища в горах в основном из камня, а на плоскости — из саманного кирпича. Дерево употреблялось при строительстве как дополнительный материал для перекрытия потолков, полов, дверей и рам.

«Чеченские плоскостные села тянутся в длину, иногда версты на три или четыре. Дома деревянные, бревенчатые или турлучные обмазаны с обеих сторон глиною и выбелены... Пол залит глиной. Нагревается дом камином, чаще очагом, над которым сделана тру-

ба, проходящая сквозь крышу и оканчивающаяся двумя конусами», — писал Н. Дубровин.

На ранней стадии развития чеченского и ингушского обществ планировка селений в большинстве случаев как в горах, так и на плоскости была бессистемной. Трудно было разобраться, где начало или конец села. Горные селения вообще не имели улиц, их заменяли кривые переулки, по которым можно было пройти лишь пешеходу или проехать на лошади.

Характер застройки, размер и планировка домов зависели и от рельефа местности: в целях экономии земли жилые и хозяйственные постройки зачастую размещались под одной крышей в несколько этажей, что создавало большую скученность.

Дома и усадьбы с фруктовыми садами по традиции обносили плетневой изгородью. Что же касается дорог для колесного транспорта, то они в высокогорных районах совершенно отсутствовали, за исключением построенных в военно-стратегических целях, которые назывались «царскими дорогами» — пачхьалкхан некъаш». Две такие дороги были проложены в первой половине XIX в.— во время Кавказской войны от Чеченской плоскости до высокогорного аварского села Ботлих и другая дорога от гор. Грозного до Евдокимовского (ныне с. Итум-Кале).

Большое распространение у горных состоятельных ингушей, как и у чеченцев, имели двух-трех- и четырехэтажные жилые башни, в которых обитали большей частью члены разделившейся большой семьи. Башни эти имели несколько дверных проемов и обязательно вход в нижнем этаже, который запирался дубовой дверью или каменной плитой. Такая жилая башня, между прочим, являлась и надежным оборонительным сооружением.

Существование больших семей у вайнахов отмечал в конце XVIII в. Рейнеггс. «Каждая семья, — писал он, — с прадедовских времен живет нераздельно в одном доме и владеет им совместно. Наименьшая семья имеет от 5 до 10 боеспособных мужчин, другие — больше. Нередко численность одной семьи составляет от 40 до 50 душ мужского пола. Старший мужчина является главой семьи, и вся семья во всех семейных делах без возражений ему повинуется. Когда такая семья чрезвычайно размножается, она делится».

По сведениям известного этнографа Башира Далгата, общее число членов ингушской большой семьи составляло 20—40 человек.

Жилая башня, повсеместно распространенная у горцев Центрального Кавказа, была представлена еще совсем недавно в жилом быту народа в самых различных формах, начиная от простейшей, характерной для сельского общинного быта, и кончая крупными замковыми сооружениями феодального характера всегда привлекала историков. Именно благодаря этому свойству кавказского этнографического материала многие исследователи именно

здесь искали ключи от неизведанных тайн истории человеческой цивилизации[90].

Кроме семейных, частновладельческих башен, в которых жили отдельные семьи вплоть до 30-х годов XX в., в Чечне и Ингушетии имелись и памятники — домусульманские христианские храмы, построенные в период культурного влияния Грузии. Кстати сказать, и христианство на землю вайнахов было занесено из Грузии. А уже после падения Закавказского влияния, храмы эти и религия стали полуязыческими, а потом и чисто языческими, хотя царизм и пытался сохранить христианство.

Храмы Тхаба-Ерды, Алби-Ерды и Таргимский расположены в окрестностях башенного селения Таргим, что в горной Ингушетии, в непосредственной близи друг от друга, расстояние между ними не превышает 4 км[91]. Наибольший интерес у исследователей вызывает храм Тхаба-Ерды — памятник христианства. Он стал известен науке в 1781 и открыт был квартирмейстером русской армии Штедером.

Тхаба-Ерды представляет собой прямоугольную с двускатной, выложенной черепицей кровлей, постройку длиною в 16,2 м и шириной 7,6 м. Толщина кладки стен здания — 0,8 м. В храм ведут два с полукруглым сводом входа — с запада (размер 1,2х2 м) и юга (размер 0,8х1,2 м). Южную и северную стены под перекрытием прорезают четыре маленьких узких окна, одно широкое, украшенное барельефами окно устроено в средней части восточной стены храма. Внутренняя площадь храма разделена тремя остроконечными арками (толщина 0,65 м) на четыре части: алтарь, храм, трапезная и внутренний притвор[92]. Снаружи украшен разнообразными орнаментами, выполненными по белому камню. Подобное внешнее оформление здания наблюдается в грузинском царстве, начиная с X в.

Вопрос о времени строительства этого уникального для своего времени храма остается спорным до настоящего времени. Одни считают, что Тхаба-Ерды был воздвигнут в годы правления грузинской царицы Тамары (Д. З. Бакрадзе, В. Ф. Миллер), другие считают время датировки этого храма XII—XIII вв. (Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов).

После глубокого анализа всех «за» и «против» о времени датировки строительства храма Тхаба-Ерды исследователь М. Б. Мужухоев приходит к следующему обобщающему выводу:

Храм Тхаба-Ерды был воздвигнут по распоряжению Давида Строителя в первой четверти XII в., в период, когда наблюдается

---

90 Кавказский этнограф. сборник. Т. II. Вступительная статья А. И. Робакидзе. Тбилиси, 1968. С. 7.

91 Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977. С. 113.

92 Там же. С. 113.

четко выраженное стремление Грузии распространить свое влияние на горные районы Центрального Кавказа[93]. Убежден, что с этим выводом можно согласиться.

Спутнику, странствующему по нагорной Ингушетии (так назывался Назрановский округ с 1905 по июль 1924 г., т. е. до образования Ингушской автономной области—Б. Г.), издали еще бросаются в глаза укрепления — замки и громадные башни, подчас гнездящиеся на орлиных высотах, — писал Г. Мартиросиан. Некоторые из башен сохранились в наши дни. Почти все они сделаны из тесаного камня, извести, имеют квадратное основание с постепенным сужением кверху.

Каменное строительство в XIII—XVII веках охватило почти всю горную Чечню и Ингушетию. От естественной границы с Дагестаном — безлесного Андийского хребта — до живописной расселены Дарьяла высятся памятники архитектуры вайнахов. Достаточно отметить, что в ущельях земли вайнахов до сего времени сохранились целыми или в руинах более 400 комплексов каменного зодчества, что в несколько раз больше, чем во всех других районах Северного Кавказа. Абсолютно преобладающую их часть составляют жилые (гIала) и боевые (бIов) каменные башни. Наибольшее их скопление установлено в районах с. Итум-Кале, Мелхисты, в Веденском районе (Чечня), по берегам рек Армхи и Ассы (Ингушетия)[94].

Архитектура чечено-ингушского многоэтажного дома-крепости неотделима от архитектуры чечено-ингушских боевых башен. Сооружения этих двух близких между собой типов доминировали в поздне-средневековых поселениях горной Чечни и Ингушетии. Они же являются основными элементами и феодальных замков[95].

Археолог С. Ц. Умаров наиболее подробно описал, из чего и как строились дома-крепости. Мы приводим выдержку из его статьи. «Связующим материалом служили глина и известь. Площадь основания может колебаться от 60 до 100 кв. метров. Толщина кладки, как правило, 70—80 сантиметров. Высота нижних двух этажей не превышает 2—2,5 метра. Высота же третьего жилого этажа колеблется от 3 до 4 метров. Такая же высота и верхнего оборонительного этажа. Стены верхнего этажа заканчивались парапетом высотой от 1,5 до 2 метров. Дом имел центральную четырехгранную колонну, посредством которой соединялись и поддерживались междуэтажные перекрытия. На уровне потолка каждого этажа колонна снабжалась «подушками». На них укреплялись концы тол-

---

[93] Там же. С. 119.

[94] Виноградов В. Б., Байбик В. О. О памяти, о подвигах, о славе. Грозный, 1972. С. 25—26.

[95] Умаров С. И. Памятники отечества, кн. II, статья «Археология позднего средневековья горной Чечено-Ингушетии. М., 1975. С. 242—246.

стых сосновых балок. Противоположные же концы балок были укреплены на карнизах стен. Балки густо накрывались жердями, а на жерди наносился слой глины... На нижних этажах, предназначенных для содержания скота, оконные проемы отсутствовали, их заменяли узкие смотровые щели и бойницы. Наружную поверхность башен не штукатурили. Тщательная обработка лицевой стороны камня давала сравнительно высокую степень гладкости стен...» [96].

Высшим достижением чечено-ингушского народного зодчества явились боевые башни (бIов). Такая башня представляет собой высокое и очень стройное четырехгранное сооружение, сложенное из обработанного (в основном, с лицевой стороны) естественного камня. Высота ее доходит до 30 метров. Корпус сооружения, постепенно суживаясь кверху, завершается острой пирамидально-ступенчатой крышей [97].

Боевая башня Дёре, что в Итумкалинском районе Чечни, по местным преданиям, построена предками Яскиевых. У коренных жителей с. Дёре сохранилось предание, говорящее о том, что родоначальником этого населенного пункта является хромой Тимур. Башня расположена на правом берегу Чанты-ахк, в нескольких километрах от селения Итум-Кале. Построена она из частично обработанного камня и имеет квадратное основание, сооружение устремлено ввысь. Высота башни 22 метра, имеет 5 этажей, в ней могли обороняться 20—25 человек.

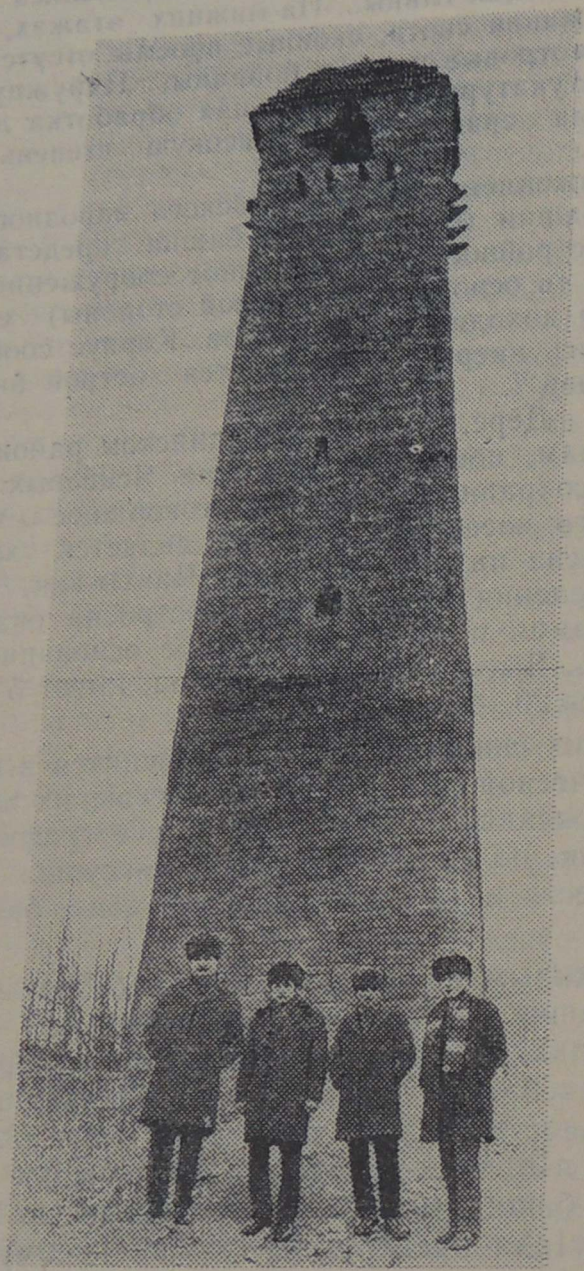
Одно из ранних свидетельств, сохранившихся в грузинских памятниках исторической литературы об ингушских жилых и оборонительных сооружениях, содержится в «Географии Грузии» Вахушти-Багратиони, по словам которого, «ингуши... умеют строить из камня на извести и из них воздвигают дома, башни и укрепления» [98].

Ингушским жилым комплексом, как и собратьев-чеченцев, является жилая башня — гIала и оборонительная башня — бIов. Древнейшим из них, судя по сравнительному материалу, нам представляется жилая башня. В Чечне, как и в Ингушетии, бытовали четыре разновидности жилого комплекса: одно- или двухэтажный дом, именуемый цIа, трех-четырехэтажная башня — гIала, многоэтажная боевая башня (бIов) и укрепленный комплекс гIап [99].

«Ингушские гIала представляли собой преимущественно трехэтажное каменное строение на извести, хозяйственные, жилые и оборонительные помещения в котором расположены вертикально.

---

[96] Там же.
[97] Там же.
[98] Вахушти Багратиони. «География Грузии», Тифлис, 1904. С. 152.
[99] Харадзе Р. Л. и Робакидзе А. И. Кавказск. этнограф. сборник. Ч. II, Тбилиси, 1968. С. 44.

Ущелье Тазбичи. Боевая башня у хутора Дёре Итумкалинского района.
Фото Т. Амишева. 1977 г.

Основу перекрытия составляло большое бревно «арц», поперек которого расположены малые бревна. На последних плотно разложены расколотые пополам ветви — аьхкаш, которые покрываются хворостом — сара, являющимся подстилкой для слоя земли — латта, который трамбуется специальной трамбовкой — толма. Так создавалось плоское глинобитное покрытие — тхов», — пишет А. И. Робакидзе.

И далее: «первый этаж по установившейся традиции отводится под хлев — кхий, в котором скот был привязан к яслям — хьойда (ед. число) в определенной последовательности. Для лошади устраивали особый угол. На первом этаже содержали мелкий скот, куда скотину подгоняли по устроенному для этого деревянному настилу. Второй этаж представлял жилое помещение — лакхара цIа. Здесь были предметы домашнего обихода — спальные принадлежности, посуда, утварь. Здесь же был устроен центральный очаг — кхерч, впоследствии замененный степным камином — товха. Третий этаж был местом, где находилась семья летом. Гостя принимали в жилое помещение — 2-й этаж, но на ночь устраивали в верхнем этаже. Новобрачные не имели собственого угла; они укладывались спать в свободном углу дома после того, как семья засыпала. Стены имели световые проемы, более похожие на бойницы, чем на окна».

Нам кажется, что аналогичными ингушским были и чеченские жилые башни, но некоторые исследователи подчеркивают более совершенные формы чеченского жилого комплекса. Установлено также, что в четырехэтажных жилых башнях Чечни первые два этажа, как правило, отводились под хлев. Третий этаж был жилой, где концентрировалась вся семья. Здесь находился весь домашний инвентарь, а также часть продуктов. Здесь же принимали гостя. Четвертый этаж первоначально имел лишь оборонное значение, однако в дальнейшем, с распадом семейной общины, им стали пользоваться в качестве жилой площади для выделившейся семьи [100].

Посередине жилой башни, начиная с хлева, идет каменный столб — эрда бIогIам, — несущий тяжесть перекрытия. Межэтажные перекрытия — на продольных балках, на которых поперек разложены более мелкие балки. Затем идет хворост и, наконец, утрамбованная глина в виде плоского перекрытия.

«Тяжелая деревянная дверь запиралась изнутри большим засовом; сообщение между этажами осуществлялось посредством четырехугольных лазов, оставленных в межэтажных перекрытиях, к которым приставлялись деревянные лестницы» [101].

---

100 Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. КЭС. № 2. Тбилиси, 1968. С. 52.

101 Там же. С. 52—53.

Вопрос о том, почему оборонительные башни строились высотою 20—25 метров является существенным. Дело в том, как мне кажется, что они давали их защитникам ряд преимуществ при обороне: дальность обстрела из лука, большую убойную силу стрелы, сравнительно большую безопасность защитников, меньшую убойную силу стрел противника [102].

Чечено-ингушская жилая башня имеет сходство с осетинским жилищем. Почти аналогичной чечено-ингушским жилым башням была шатильская башня в Хевсуретии (Грузия). Так, например, по описанию Г. Г. Гегечкори, жилая башня Джалабаури, именуемая здесь квиткири, состояла из четырех этажей, была выстроена на растворе и имела плоское глинобитное перекрытие [103].

Привлекает внимание и порядок наследования жилой башни в Чечне и Ингушетии. Так, по наблюдению Н. Харузина, «отцовская сакля должна переходить к старшему сыну, но если у последнего уже имеется своя сакля, отцовский дом остается за младшим братом». Этот древний обычай наследования в вайнахских семьях соблюдается до сих пор.

Говоря о том, что жилая башня значительно древнее, чем боевая, Л. П. Семенов утверждает, что боевые башни и замки появились в XI в. и принадлежали наиболее сильным и влиятельным фамилиям. По рассказу этого же автора, ингуши имели своих искусных мастеров — строителей башен.

Профессор Н. Яковлев сообщает, что после окончания работы мастер оставлял на одной из стен отпечаток своей руки и получал сверх обусловленной платы в подарок быка.

Наиболее подробные данные об оборонительных башнях в Ингушетии приведены Л. П. Семеновым. Он писал: «Сложены они весьма искусно из дикого или грубоотесанного камня, на извести. Стены покрыты снаружи облицовкой желтого цвета, кверху они суживаются. Основание башни прямоугольное. Кровля их различного рода».

«Чеченская оборонительная башня — бIов — оставаясь вместе с ингушскими в пределах одного типа, вместе с тем приобретает некоторые отличительные черты, — отмечает А. И. Робакидзе. И далее: «эти изменения касаются в первую очередь габаритов и пропорций. Большинство чеченских башен больше ингушских, и это увеличение размеров идет за счет увеличения основания площади, смещения стен... Это со своей стороны привело к общему увеличению жилой и хозяйственной площади, благодаря чему она более широко использовалась под жилье... В отличие от ингушской, чеченская башня строилась из чище обработанного камня, на извес-

---

[102] Ошаев Х. Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою КЭС-2, Тбилиси, 1968. С. 126.

[103] Гегечкори Г. Г. Дн. ЧИЭЭ (Чеч.-Инг. этн. эксп.) 1965, тет. № 5. С. 60.

ти, используя такие орудия, как молоток — жIов, кувалда — варзап».

Известный исследователь памятников архитектуры И. П. Щеблыкин отмечал, что осетинские башни «резко отличаются своим внешним видом, характером кладки и другими особенностями от башен ингушских, чеченских, дагестанских, грузинских» и др. Памятуя о том, что в процессе развития народов Кавказа происходило взаимное обогащение и развитие форм культуры и быта именно на кавказской почве, считаем возможным не согласиться с мнением И. П. Щеблыкина. Мы имеем здесь типологическое единство башенной культуры, что не исключает наличие локальных вариантов, в том числе и осетинского, отмеченного еще Б. Плечке.

Приемы и принципы чеченского и ингушского народного зодчества, складывавшиеся на протяжении многих веков, заключают в себе обобщенный опыт поколений. При этом надо иметь в виду, что до наших дней дошло только то, что выдержало испытание временем. Конец раннего средневековья — XI—XII века — для горных районов (к востоку от верхнего течения Терека) был ознаменован зарождением и широким развитием основных форм чеченского и ингушского народного зодчества, каковыми являются каменные дома, крепости, языческие и христианские храмы, а также склепы. В XVII—XVIII в., в условиях усиления сельских территориальных общин и консерваций патриархальных отношений, необходимость в строительстве многоэтажных домов — крепостей и замков—отпала. В XVIII в. башенное строительство в крае приходит в полный упадок.

Обобщая раздел о зодчестве вайнахов, следует отметить, что отдельные племена чеченцев и ингушей в прошлом жили не только в башнях, крепостях, замках и индивидуальных домах, но и в однокамерных сооружениях, правда относится это только к тем, которые жили высоко в горах.

Появление ингушских пирамидальных башен может быть отнесено к первой половине XIV в.[104].

Отсутствие древних сооружений, кроме башен, крайне осложняет задачу установления форм жилища чеченцев и ингушей в глубоком прошлом. Однако, нет никакого сомнения в том, что башенная строительная культура вайнахов стояла на высоком уровне и была вполне самобытна.

В Чечне и Ингушетии существовали усыпальницы. Так, например, высоко в горах на берегу Чанты-Аргуна, у самой границы с Грузией, находятся погребальные склепы средневековья, получившие название мелхистинские, т. е. по имени этого чеченского об-

---

104 Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977. С. 48.

щества. Склепы эти носят название Цой-Педа («город божеств»), а иногда это место называют «город мертвых».

Полагают, что башенный комплекс Цой-Педе является сооружением XV—XVIII вв. и мог служить целям обороны от неприятеля.

Земельный голод в горах был настолько велик, что вайнахи складывали трупы в специально построенные из камней склепы. Сторожил Вани Хациев из сел. Аршты Сунженского района, который родился в этих краях более ста лет назад, рассказал, что подобный случай погребения сложился единственно вследствие недостатка земли. Однако, нам думается, что строить надземные склепы заставляло горцев и другое обстоятельство — копка глубокой могилы в сложном каменистом грунте затруднительна. Этой точки зрения придерживался и этнограф Н. Грабовский.

При выяснении различных сторон общественной жизни вайнахов решающее значение приобретает вопрос датировки архитектурных памятников и, в частности, башенных сооружений. Мнение большинства исследователей сходится на том, что наиболее ранними (из числа дошедших до нас) по времени своего строительства являются жилые башни, они датируются, начиная с XII в. Очевидно, XIII в. можно датировать выделяемый тип полубоевых башен как переходный от жилых построек к чисто оборонительным сооружениям. Этого же мнения придерживается и исследователь средневековой материальной культуры горной Ингушетии М. Мужухоев [105]. Указанную датировку башенных культур считаю наиболее вероятной.

Сосуществование различных типов склепов на Северном Кавказе и периодизация склеповых построек была предложена Л. П. Семеновым и Г. А. Кокиевым: V—IX вв. — подземные склепы; IX—XIV вв. — полуподземные и XIV—XVII вв. — надземные.

«Жилища ингушей не красны ни углами, ни пирогами... Полки в сакле не поражают пышными тюфяками, подушками и шелковыми одеялами и глаз вошедшего останавливается на двух-трех... тюфяках, да стольких же одеялах и подушках, едва хватающих для обихода семьи», «близ дверей висит намазлык — бычачья или оленья шкура, на которой ингуши совершают намаз, а около камина стоят небольшой кумган и тазик, и этим исчерпывается весь инвентарь домашних принадлежностей ингушской сакли», — писал исследователь Н. Грабовский. И далее: «двор ингуша не изобилует надворными постройками и хотя обнесен плетнем, но без ворот... чистота в сакле и вокруг нее очень поражает зрителя: пол и стены в сакле тщательно обмазаны, а двор подметен».

«Дома у чеченцев преимущественно турлучные, — внутри чис-

---

[105] Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977. С. 38.

то, опрятно и светло. В каждом доме есть кунацкая (для гостей). Она всегда содержится в чистоте» — эти слова принадлежат А. П. Берже.

Внутреннее убранство чеченского цIа представляет интерес. Как было отмечено, его южная стена была занята домашней посудой — пхьегIаш, а напротив стояла тахта — маьнга. Она отведена для главы семьи. На стене над тахтой висит его оружие: ружье — топ, сабля — тур, кинжал — шаьлта, револьвер — тапча, нагайка — шад, пояс — доьхка, а на среднем столбе, который поддерживает главную балку — дукъ, развешена одежда: чоха — чоа, архалук — гIовтал, одежда из шкуры овцы или зверя — кетар, брюки — хеча, рубаха — коч, шапка — куй. Вместо матраца употреблялось сено, покрытое сверху овчиной, вместо одеяла — юргIа применяли тулупы — кетарш, изготовленные из той же овчины. Здесь же висела бурка — верта. Кровать для женщины была сделана из обычных обструганных сосновых досок. Поверх досок была настлана солома, а на ней бурка — верта, сделанная в семье.

Особое внимание чеченцы и ингуши уделяли гостиной — хьеша цIа, или, как называли ее, «кунацкой». Там была лучшая мебель, лучшая постель, да и само помещение гостиной убиралось с особым пристрастием [106].

Несостоятельные чеченцы и ингуши, как и некоторые другие горцы Северного Кавказа, еще в середине XIX в. не пользовались столами и стульями, отдыхали и ели пищу на разостланных паласах и чаще всего на самодельных войлочных коврах (истанг). В некоторых семьях для приема пищи пользовались круглыми столами, которые у вайнахов называют «шу».

Спали семьи в основном на полу, застланном войлоком или самодельными коврами. Матрацы у состоятельных семей набивались шерстью, а у других соломой или всякими войлочными отходами. Одеяло шили из самодельного сукна и набивали их шерстью, которая у горцев пользовалась наибольшей популярностью. Спать на деревянных нарах считалось за роскошь. Убранство жилых домов не было затейливым. В каждом доме деревянные или турлучные полки, на которых очень искусно складывались матрацы, одеяла, подушки и закрывались занавесом. Металлические койки и прочий домашний скарб европейского образца у чеченцев и ингушей появились в основном где-то в середине XIX века.

Широкое распространение у вайнахов имела взаимопомощь — по-чеченски «белхи». Такая безвозмездная помощь оказывалась в прошлом и оказывается в настоящее время одиноким женщинам, вдовам погибших и умерших мужей, старикам, детям-сиротам, больным. Приглашенные работали целый день. Во время строи-

---

106 Шавхелишвили А. И. Кавказский этнографический сборник № 4. Тбилиси, 1972. С. 72.

тельства дома, например, месили глину для обмазки стен, крыш и полов. На белхи приглашались не только родственники и соседи, но также и односельчане. Иногда там собираются 100 и более людей, в зависимости от объема работы. Кстати, здесь разумно сочетался труд и отдых. Во время перерывов, которые бывают через час-полтора, молодежь танцует и поет. Все работы проводятся бесплатно. Угощение бывает за счет хозяина, в зависимости от его материального положения. Традиция такой взаимопомощи живет и в наше время.

Из элементов материальной культуры чеченцев и ингушей менее всего изучена одежда вайнахов в прошлом. Более или менее подробные сведения об их одежде и пище мы встречаем в описаниях русских исследователей 60—70 годов XIX века.

У богатых женщин одежда отличалась особой роскошью и изысканностью. Малиновый шелковыый бешмет, стянутый на тонкой талии серебряным поясом, такого же цвета шаровары, спускающиеся к лодыжке, у которой простегиваются серебряным галуном и на ногах пунцовые, сафьяновые туфли, шитые золотом, составляли костюм жены зажиточного чеченца. С другой стороны, красная рубашка, ситцевые шальвары, обрисовывающие едва развивающиеся молодые формы, составляли весь наряд бедной чеченки, рано теряющей свою красоту и внешнюю прелесть из-за больших кувшинов (кIудал — по-чеченски) с водою и мешков с мукою, которые ей приходится таскать и которые гнетут женщину чуть ли не со дня ее рождения.

Все сказанное полностью относится и к ингушке. «При жалкой обстановке в сакле и одежда ингушей не представляет роскоши, — писал в 1876 г. Н. Грабовский. — Мужчина обыкновенно носит ситцевую рубашку и бешмет, черкеску из грубого самодельного сукна, кожаные или суконные ноговицы и чувяки, а женщина одета в ситцевую рубаху и бешмет, по преимуществу ярких цветов ситцевые или бумажные красные штаны, кожаные чувяки, с бумажным платком на голове; зимою мужчины и женщины прибавляют к своему костюму овчинный полушубок...»

Основным головным убором у мужчин служила папаха, которая делалась из овчины, а у богатых — из каракуля. Летом мужчины в основном носили войлочную шляпу. Некоторые пожилые мужчины даже в наши дни носят кавказские рубашки со стоячим воротником.

И, конечно, состоятельный чеченец и ингуш не мыслим был без черкесок и бурок, которые они носят давно и с достоинством. Украшением черкески служили белые или черные костяные газыри, пояс с серебряными бляхами и кинжал. Если черкеску они надевали

во время приема гостей, во время визита к родственникам, в свадебные торжества, то бурка и башлык защищали их от дождя и холода. Черкеску и бешмет перетягивали узким кожаным поясом с серебряными украшениями, спереди к пояску крепился кинжал. Разумеется, чем состоятельнее были люди, тем наряднее были и их украшения.

Как свидетельствуют долгожители, башлык* как неотъемлемая часть к черкеске появился в XVII — начале XVIII в., но широкое распространение как признанная форма одежды получил где-то в конце XIX в. А уже в начале XX в. всадник, независимо от погоды, имел его при себе. Шили башлык из самодельного белого или серого сукна. Делали башлыки и из козьего пуха (петрпалчакх по-ингушски). Носили их и богатые и бедные, но отделаны они были по-разному.

В чечено-ингушских семьях, даже в несостоятельных, проявляли и проявляют большую заботу о девушках, готовя их замуж. В 70—80-х годах XIX в. наибольшее распространение получило платье, называемое у вайнахского народа «гІабли», являющееся одновременно праздничным нарядом для девушек. Кроилось оно в талию и спереди имело сплошной разрез. Длинные рукава платья, свисавшие ниже руки, от локтя также разрезались. Шили свадебные платья из шелка — белого или ярких цветов. На груди с обеих сторон пришивали нагрудные украшения. Платья опоясывались кованым серебряным поясом. Излюбленными украшениями были золотые и серебряные серьги, браслеты. ГІабли и шифоновый длинный платок или легкий платок из тюли до сих пор являются торжественным нарядом и украшением вайнахских девушек.

Платье «гІабли» имеет много общего с праздничными платьями других кавказских народов. Это свидетельствует о древних этнокультурных связях чеченцев и ингушей с соседними народами Кавказа.

Голову чеченки и ингушки покрывали шерстяным или шелковым платком: пожилые женщины носили под платком повязку (род мешка — чухта), плотно облегавшую голову и спускавшуюся на спину, в которую укладывались косы. Чухты сейчас — исключение[107].

Особо следует сказать о фригийском колпаке или фригийской шапке. «Этот головной убор, отличавшийся простотой и изяществом, был окрашен в пурпурный цвет. Внизу он имел расширение и мягко охватывал голову на уровне лобной части; кверху он постепенно суживался и завершался круглым узлом, ниспадающим спереди. Внутри он был пустой. Никаких наружных украшений он не

---

* Башлык. Треугольный кусок шерсти с двумя неширокими полотнищами, завязывающимися у шеи или поверх папахи.

107 Народы Кавказа. Т. 1. Изд. АН СССР. Москва, 1961. С. 363.

Чеченец в национальной одежде.
Фотография конца XIX в.

имел. В энциклопедиях, справочных изданиях сообщается, что этот головной убор получил распространение в Греции, нашел отражение в античных памятниках», — пишет Л. П. Семенов. Неизвестными нам путями этот фригийский колпак проник в Ингушетию, где его носили женщины, по крайней мере в XIV—XV веках и до начала XIX в.

Большой популярностью у ингушских женщин, по мнению Л. П. Семенова, пользовался и другой головной убор, — «курхарс», просуществовавший тоже до начала XIX в. «Курхарс» имел подобие изогнутого рога, суживающегося кверху и загибающегося спереди; он сделан из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой». Е. И. Крупнов относил «курхарс» к индивидуальным чертам ингушской культуры позднего средневековья. Это был парадный головной убор.

Мы допустили бы непростительную ошибку, если бы не отметили, что преобладающее большинство чеченских и ингушских семей в прошлом не имели лишней смены белья. Именно бедность заставляла многих чеченок и ингушек «смотреть на сколько-нибудь приличное платье как на семейную ценность».

В настоящее время, в связи с улучшением материального положения, сильным влиянием города, полной ликвидацией неграмотности, одежда сельчан ничем не отличается от костюма городских жителей. Из прошлых форм одежды до нас дошли черкески, бурки, которыми редко пользуются, мужские папахи и рубахи со стоячим воротником, а все остальное кануло в прошлое.

Обычной пищей вайнахов в прошлом был сискал (кукурузный хлеб или, как принято его называть, — чурек). Прочие блюда составляли: лапша домашнего производства, молоко свежее (шура) и кислое, творог (кIалд), пахта (шар), масло, мясо в различных вариантах и вкусный бульон из него. Они употребляли фасоль, бобы, очень любили и любят приправу из чеснока. Но самым излюбленным блюдом является кIалд-даьтта (творожный сыр, перемешанный с топленым маслом).

Обычно сливки для масла собирали летом, когда было много молока и оно, благодаря сытости коров, было жирным. Молоко, собранное в больших глиняных сосудах выдерживали в прохладном помещении несколько дней, ежедневно снимая сливки, из которых затем в специальных глиняных кувшинах сбивали масло. Почти в каждом доме утром можно было видеть женщину, сидящую на полу с таким кувшином-маслобойкой за изготовлением масла.

Молоко, оставшееся после снятия сливок, шло на изготовление

сыра. Овечий сыр — «нахча» большей частью делался непосредственно на летних пастбищах.

Мясные блюда, в отличие от мучных и молочных, не входили в ежедневный рацион вайнахов. Как наиболее дорогой продукт мясо употреблялось не чаще одного или двух раз в неделю.

Историк Г. Мартиросиан указывал, что ингуши отличаются умеренностью в еде. Обычно утром пьют сыворотку и едят творог с чуреком. Горячим обедают поздно вечером. Обед же у ингушей состоит из творога, сыра, молока, масла. В торжественных и печальных случаях жизни режут барана. Его варят, режут на куски и подают на больших плоских деревянных блюдах, а вместе в специальной пиале и приправу из чеснока, а также кукурузные галушки. Суп-бульон, в котором варилось мясо, подается в последнюю очередь.

Однако домашняя кухня чеченцев и ингушей не исчерпывается указанными блюдами. Если чурек и сыворотка, мясо, молоко, творог составляли основную еду чеченцев и ингушей в прошлом, то в наше время меню блюд значительно изменилось и пополнилось. Наибольшей популярностью пользуются блюда из индюшатины и курицы, пирог с начинкой из творога (чIепалгаш), жижиг-галныш (отварное мясо с галушками) с приправой из чеснока.

Горцы любят и умеют вялить говядину и баранину. Важное место в питании вайнахов издавна занимает черемша. Отварная черемша, разбавленная с топленым маслом, считается деликатесом. В торжественных и печальных случаях готовят халву (хьовла) из кукурузной муки с добавлением топленого масла и сахара.

За годы Советской власти широкое распространение в чеченских и ингушских семьях получили пельмени, голубцы, русские котлеты, супы, борщи, а также узбекский плов с кишмишом.

Значительную часть пищевого рациона вайнахов стали составлять овощи — помидоры, капуста, морковь, огурцы и др. В прошлом вайнахи виноделием занимались слабо, в настоящее время во многих семьях делают разнообразные напитки из винограда и фруктов.

Во время приема пищи глава семьи занимал почетное место у очага и никто из членов семьи не имел права там сидеть. В случае прихода гостей мужчины обедали отдельно от остальных членов семьи в гостевой комнате (кунацкой), а женщины позже в семейной комнате.

Древний обычай, по которому голова барана, три ребра грудинки и курдюк во время трапезы предназначается старшему, сохранился и в наши дни.

4. СЕМЕЙНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Марксистско-ленинское учение признает, что семья, являясь основной ячейкой общества, претерпевает изменения в ходе развития общественно-экономических отношений. Следовательно, каждый сдвиг в истории человечества накладывает определенный отпечаток на формы брака, на семью и другие стороны общественного быта. Семья «должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество, и точно так же, как это было и в прошлом. Она представляет собой продукт общественной системы», — писал К. Маркс [108].

Говоря о характере и уровне общественно-экономического развития Чечни и Ингушетии, весьма важно вспомнить высказывание В. И. Ленина, который писал, что до того, как русский капитализм начал втягивать Кавказ в мировое товарное обращение, горцы Кавказа «стояли в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории» [109]. И это положение В. И. Ленина надо понимать, по-видимому, как указание на сравнительно стойкое бытование некоторых традиционных черт культуры и быта у горцев, обусловленное слабой связью горных районов Кавказа с мировым рынком.

Изучение исторического материала, касающегося семейных отношений чеченцев и ингушей до XVI в. и ранее,приводит к мысли, что здесь существовали две общественные формы — большая семья и патронимия, то есть широкая и родственная группа, объединявшая несколько семей. Понятие патронимии впервые было выдвинуто доктором исторических наук М. О. Косвеном, который дал ее определение, как группы семей, образовавшихся в результате сегментации семейной общины [110].

Дальнейшие исследования в этом направлении подтвердили наличие в прошлом в быту всех без исключения народов патронимии, как особой формы социальных взаимоотношений, и универсальной ступени в процессе их развития.

Чечено-ингушский вариант патронимического поселения, по мнению А. И. Робакидзе, представляет собой комплекс жилых и хозяйственных сооружений, сгруппированных вокруг жилой и оборонительной башни. Формирование этих комплексов протекало на протяжении длительного времени и предполагало многоступенчатую сегментацию семьи. Однако же, лишь после того как жилой комплекс уже не вмещал последующие поколения дочерних семей, они выходили за пределы отчего дома и располагались в отдель-

---

108 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. Госполитиздат, 1941. С. 39.
109 Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч. Т. 3. С. 521.
110 Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

ных помещениях, пристраиваемых непосредственно к ранее существовавшим [111].

Отправная единица патронимии — большая семья обозначалась термином — доьзал (чеченский), дезал (ингушский). Далее, в результате сегментации складывалась патронимия первого ряда — наькъе.

Только во второй половине XIX в., в связи с окончанием Кавказской войны и в связи с интенсивным развитием капиталистических отношений происходят значительные изменения в семейной и общественной жизни чеченцев и ингушей. Однако в их общественно-экономической жизни, в семейном быту, вплоть до Великого Октября 1917 года сохранялось множество патриархально-родовых пережитков, которые и мешали им быстрее приобщиться к передовой русской культуре.

Говоря о закономерностях распада большой семьи, М. О. Косвен отмечал, что семейная община оказывается консервативной общественной формой, которая надолго, иногда в условиях даже развитого классового строя, сохраняет и воплощает в себе пережиточные формы семейной общины. Если рассмотреть эти выводы применительно к устройству семейной общины в Чечне и Ингушетии в прошлом следует отметить, что семейная община у плоскостных чеченцев и ингушей претерпела глубокие изменения. И наоборот, у горцев, проживающих высоко в горах и в предгорной полосе, удаленных от торговых центров и путей сообщения, большие семьи оказались более стойкими.

В Ингушетии господствующее положение занимали малые индивидуальные семьи, хотя пережитки архаичных форм семьи здесь сохранились более стойко, чем в Чечне. По этому поводу профессор Н. Яковлев писал, что ингуши, в противоположность другим земледельческим народам, не любят жить большими, невыделенными семьями. Молодая пара при поддержке своих ближайших родственников, а иногда и всей фамилии, старается построить себе отдельно домик, получить отдельно земельный участок и завести свое собственное хозяйство [112]. Данное замечание Н. Яковлева относится к быту плоскостных ингушей. Дальнейшие исследования показали, что «...спорадически сосуществовала и пережиточная форма семейной общины...», на что Яковлев не указывал.

Семья почти у всех народов мира развивалась, проходя ряд последовательных стадий, причем моногамная семья была последней формой в этой цепи. Поэтому в далекие доисторические времена, вероятно, и у чеченцев (равно и у ингушей — Б. Г.) существовала иная форма семьи, но с момента их датированной истории у них

---

111 Робакидзе А. И. Петрономия у народов Кавказа. Доклад на IX международ. конгрессе антропологических и этнограф. наук в Чикаго. М., 1973. С. 2—3.

112 Яковлев Н. Ингуши. М.—Л., 1925. С. 57.

существует единобрачие — моногамная семья, основанная на господстве мужа»[113].

О моногамной семье Ф. Энгельс писал: «Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, — и притом в руках мужчины, — и из потребности передать эти богатства по наследству детям именно этого мужчины, а не другого»[114].

Нам представляется, что еще в пореформенный период основной хозяйственной ячейкой у чеченцев была малая семья, состоящая только из родителей и детей. Архаические, большие, неразделные семьи, или, как их называли, семейные общины могли существовать лишь на ранних стадиях общественного развития.

Несколько лет мы занимались исследованием вопросов истории чеченских и ингушских больших семей. Люди, которым сейчас 90 и более лет, помнят времена больших семей. Так, житель горного селения Дарго Веденского района Арцо Акбулатов рассказал нам, что он хорошо помнит несколько семей, в которых было по 30—40 человек, в том числе и из их фамилий. При этом он добавил, что у многих мужей было по нескольку жен[115].

Большие семьи представляли собой родственные общественно-хозяйственные коллективы, которые в качестве пережиточных форм семейной общины сохранились и на более высоких ступенях развития капитализма и у многих других народов, в том числе у русских, не говоря уже о других кавказских народах.

Феодальная знать, а затем и царское правительство, старались искусственно задержать распад больших семей, считая их более платежеспособными податными единицами. Большие семьи в Чечне и Ингушетии сохранились вплоть до 1917 г., когда были окончательно ликвидированы условия для их сохранения. Но главную роль в ликвидации больших семей сыграл тот факт, что крестьянские хозяйства были наделены землею, удовлетворены были их желания иметь новые приусадебные участки, содержать больше скота и т. д.

Разумеется, уже на этом этапе развития чеченского и ингушского обществ, «семейная община оказывается консервативной общественной формой, воплощает в себе пережиточные первобытно-общинные начала» (М. О. Косвен).

Характерной особенностью положения женщин, как при индивидуальной-малой форме семьи, так и семейной общины является то, что она после замужества становилась членом общины мужа, но по-прежнему оставалась членом своего тайпа. Кстати сказать,

---

113 Итонишвили В. Семейный быт горцев Центрального Кавказа. Тбилиси, 1969. С. 310.

114 Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 3. Политиздат, 1970. С. 275.

115 Габисов Б. Дневник, 1972, тетрадь № 2. С. 11 (Личный архив автора).

этих неписаных правил придерживаются женщины даже в наше время. Сколько бы раз женщина не выходила замуж, свое тайное имя она сохраняет.

Однако женщина всегда была подчинена главе семьи, а не общине. В семье были беспрекословно подчинены «жена мужу, сын и дочь отцу, потерявшая отца незамужняя женщина ближайшему родственнику по отцу. В родовом обществе женщины нередко становились и предметом меновых сделок и грабежа.

В вайнахских семьях еще во времена родовых общин существовало разделение труда между полами, — писал историк А. Исламов. Хранение и расходование продуктов питания: все что касается кухонного дела, вплоть до подачи на стол готовой еды; уборка двора, жилых и хозяйственных помещений; большая часть ежегодного текущего ремонта последних; выделка сукна, кошм и ковров, изготовление, ремонт одежды и обуви, водоснабжение и поддержание огня в очаге и т. д., словом все то, что относится к категории домоводства, всегда являлось исключительно и безраздельно занятием женщин, сферой их постоянных забот и прямых обязанностей.

Как бы подтверждая великие обязанности, лежащие на плечах женщины, идиома «цIинана» — мать огня (цIи — огонь, нана — мать) из лексики вайнахских языков обладает по сей день в практической речи полнокровной гражданственностью, хотя во второй половине XIX в. в вайнахских семьях сохранились далеко не все традиции ранних форм.

Изменения находили свое выражение в том, что женщине приходилось выполнять некоторые мужские работы, в частности, косить сено, когда не хватало рабочих рук, заготавливать глину в качестве строительного материала и все другие работы, связанные со строительством дома: штукатурку, обмазку, побелку домов, подсобных помещений и т. п.

Однако было бы неправильно думать, что в вайнахских семьях работали одни женщины, а мужчины только наблюдали за тем, как ведутся работы. Они брали на себя трудоемкие работы, как то: кладка фундамента и кирпичных стен, возведение деревянного остова турлучных построек, устройство крыши и деревянных полов, изготовление необходимых деталей для строящегося дома, уход за посевами, заготовка кормов. На сенокос, жатву, молотьбу хлеба, прополку и другие работы, не требующие большого опыта, выходили как взрослые мужчины, так и молодежь.

В разделе «Дуально-экзогамный групповой брак» своей диссертации А. А. Исламов пишет, что путем сравнительного анализа новых полевых этнографических данных предпринимается попытка выяснить реликтовые следы этой древнейшей формы брачного союза. У предков вайнахов явления эти прослеживаются в основном в следующих порядках:

а) молодые люди до заключения официального брачного сгово-

ра могли иметь одновременно неограниченное количество «романов», но с обязательным соблюдением требований родовой экзогамии, как с отцовской, так и с материнской стороны;

б) при составлении пар, веселящихся в молодежных сходках (свадьба, вечеринка, белхи и т. д.) строго соблюдался принцип соединения чужаков, согласно обычаю хьешана — хьаша а, юьрта — хочунна — юьртахо а ца кхочу (чеч.) — гостю — гостья и местному — местная — не положено;

в) допускались некоторые символические вольности между невестой и дружками жениха в ходе свадебных торжеств. И далее, «сопоставление вышеуказанных обычаев вайнахов с вошедшими в научный оборот аналогичными явлениями у ряда других народов и этнических групп приводит к предположению о наличии здесь пережитков, свойственных дуально-экзогамному групповому браку, а именно: родовой экзогамии «матрилинейной в своей первооснове», эпизодичности встреч полов, безличия и группового характера этих встреч» [116].

Чтобы согласиться с такими выводами автора мы должны располагать неопровержимыми данными. Во-первых, автор не мог сопоставить вышеуказанные обычаи вайнахов (подчеркнуто нами — Б. Г.) с аналогичными явлениями у ряда других народов.

Во-вторых, обычаи и пережитки, имевшие место в истории одного народа, нельзя автоматически распространять на другие народы.

В-третьих, всякие предположения, если они лишены научного обоснования, бездоказательны и, как правило, терпят неудачи.

Семейный быт чеченцев и ингушей, отличаясь своей патриархальностью, носит на себе отпечаток, общий всему мусульманскому миру. Отец есть глава семьи, и воля его священна для жены и детей. Глава семьи руководил внутренней жизнью, устраивал судьбы членов семьи, решал вопросы, связанные с браками, диктовал условия поведения, единолично разрешал споры между членами семьи, являлся руководителем и исполнителем религиозных обрядов при торжествах, представлял семью во всех внешних делах. Глава семьи первым садился за стол, первым ложился спать, в его присутствии нельзя было громко разговаривать.

Историк Н. Дубровин, который внес значительный вклад в историко-этнографическое исследование чеченцев, при изучении вопроса семейного быта допустил ряд вольных толкований. Он пишет, что во многих случаях она — (чеченка — Б. Г.) не пользуется элементарным уважением. Малолетний сын часто обращается с матерью с большим пренебрежением и даже цинизмом. «Когда я вырасту, — говорит он матери, — я сделаю тебя своей любовни-

---

116 Исламов А. Пережитки первобытнообщинного (материнско-родового уклада у чеченцев и ингушей). Тбилиси, 1973. С. 8.

цей». — Слова эти возбуждают всеобщий хохот и вызывают даже улыбку на устах самой матери. — «Этот мальчик дураком не будет, — отвечает она на остроту сына, желая угодить этим мужу».

И дальше уже фантазирует автор, что-де «чеченцы никогда не бьют и не бранят своих детей, чтобы не запугать и не сделать их с малолетства робкими», «дети не называют его отцом, а величают собственным именем» [117].

Во-первых, невозможно поверить, что такой факт имел место. Тем более, что подан этот надуманый факт в обобщенном виде.

Во-вторых, для чеченских детей мать и отец, независимо от их сословного происхождения и имущественного положения, являлись и являются святая святых. Дети не могут так цинично обращаться с матерью: любое оскорбление в адрес родителей будет чревато серьезными последствиями.

Дети чеченских и ингушских семей очень преданы и привержены родителям. Особым, а не видимым уважением в семьях пользуется отец, чье слово со времен седой старины до наших дней остается решающим. В вайнахских семьях издревне бытуют очень ласковые слова: «нана» — мать, «дада» — папа. Так было и при жизни Дубровина.

Особенно тяжелым было положение самой молодой снохи в больших семьях, где она должна была всем угождать. Она не имела права сидеть при старших, есть при них, оставаться без дела, не могла участвовать в разговоре старших, если ее не спрашивали.

Кроме того, что на плечи снохи ложились основные работы по дому, согласно адату она не должна была брать своего ребенка на руки при своих родителях и родственниках мужского пола. Она не имела права произносить фамилию и имя своего мужа, его родителей, братьев, сестер, дядей. Каждому из них она придумывала какой-нибудь псевдоним или ласкательное имя. Так, например, отца своего мужа она называла воккха дада — старший отец, мать своего мужа — йоккха-нана, — старшая мать, брата своего мужа — хазаниг — красавец и т. д.

Пожилая женщина исстари пользовалась всеобщим уважением и большим авторитетом среди членов семьи. Обычно советами умной, практичной старухи руководствовались не только члены ее семьи и родственники, но и посторонние женщины и мужчины.

Грузинский ученый В. Итонишвили справедливо пишет, что в управлении семьей большое значение имел возраст, а также способности и авторитет старшего. Игнорирование возрастом происходило только в том случае, если глава семьи не заслуживал уважения. У вайнахов был порядок, который предусматривал согласованность действий старшего с мнением совершеннолетних членов

---

117 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1, Спб, 1871. С. 141.

семьи. Все это свидетельствует о том, что глава семьи не был деспотом. Позднее, в результате проникновения ислама, в семьях появились элементы деспотизма. Солидарность вайнахской, как и осетинской, семейной общины, стояла близко по своей природе к грузинской общине, которая на протяжении своего существования сохраняла основы солидарного управления.

До революции в чеченских и ингушских семьях хозяйка не могла перечить хозяину. Она должна была беспрекословно подчинятся воле главы семьи. Вместе с тем в их быту встречались любопытные факты, когда вопросы управления семьей иногда решала женщина, особенно в горных местностях. Так, в с. Мелхисты была взрослая девушка по имени Хадижат. Она всегда носила мужскую одежду, отлично ездила верхом, носила оружие, принимала участие в примирении кровников, решала все вопросы, связанные как со своей семьей, так и общественной жизнью села. Обладая исключительными ораторскими способностями, мужеством, она даже среди мужчин выдвинулась и занимала главенствующее положение в селе, — сообщает историк М. Исмаилова. Такой же популярностью пользовалась в с. Итум-Кале Боха Мусаева.

История свидетельствует, что женщины-чеченки, когда это вызывалось необходимостью, умели проявлять мужество и с оружием в руках сражаться за независимость своего народа. Так, в 30—40 гг. XIX столетия на одном из участков Кавказской войны против царских колонизаторских войск сражался отряд, возглавляемый чеченкой Таймасхой Мовловой,родом из с. Гехи. Она отлично владела оружием, умела ездить верхом, отличалась храбростью. 15 апреля 1842 года в одном из боев под с. Яндырка, что в Назрановском р-не, отряд попал в засаду царских войск и Мовлова была взята в плен.

Узнав о том, что на Кавказе пленен командир отряда, да еще женщина, о которой ходили легенды, царь Николай I приказал доставить Мовлову в Петербург в той самой форме, в которую она была одета во время пленения. Царь и его жена устроили Мовловой хороший прием и на прощание царица подарила ей золотой браслет с бриллиантами, царь Николай — 100 рублей.

Этот достоверный исторический факт вовсе не говорит о гуманности царя Николая I к простому человеку. В данном случае сыграло роль обыкновенное человеческое любопытство.

Браки горцев, как и европейцев, заключались по страсти или по расчету. Обычно вайнахи старались выбрать себе невесту из знатной фамилии или сильного почетного семейства.

Право выбора невесты принадлежало родителям. Обычай не позволял сыну говорить с родителями о своем желании вступить в брак с девушкой. Он доверительно рассказывал об этом одному из

своих родственников или близкому другу. Иногда вопрос о браке решался независимо от желания самих молодых людей. В вайнахских семьях нередко выдавали девушек замуж вопреки их воле и желанию, разлучая с любимыми.

«По сложившимся традициям ингуши вступают в брак после 20-летнего возраста, а девушки выходят замуж не моложе 14 лет,— писал Н. Ф. Грабовский. — Жена в ингушской семье и хозяйка и в поле работница, дома она обшивает семью, готовит пищу, носит воду, ухаживает за скотом, в поле же помогает мужу пахать, сеять, жать, косить. И несмотря на такое главенство женщины, она не пользуется заслуженным уважением со стороны мужчины. И объясняется это, по-видимому, — продолжает Н. Грабовский, — тем, что женщин здесь покупают и именно поэтому смотрят на женщину, как на вещь».

Заключить вновь брак можно было только после того, как женщина хотя бы формально станет чьей-нибудь женой.

Известны печальные случаи, постигшие женщину-чеченку или ингушку, родившую младенца вне официального брака. Ее ждала страшная участь. Если в семье есть совершеннолетний брат, он имел право убить родную сестру, иногда не спрашивая разрешения отца и матери. Если же у роженицы не было брата, волю аллаха по уничтожению «поганой женщины», как ее называли, исполнял двоюродный брат или племянник. Случай незаконного рождения надолго ложился черным пятном на семью и выросшую девушку брали замуж только несостоятельные мужчины.

Одним из фактов, унижающих женщин, был калым, соответствующий нормам ислама. По сообщению исследователя А. П. Ипполитова, в Чечне за девушку брали калым 250 рублей, а за вдову платили значительно меньше. За дочь князя брали 1500 рублей серебром, а за дочь узденя 400 рублей серебром. Большой калым за невесту приводил жениха иногда к полному обнищанию, он залезал в долги, которые погашал годами.

Калым в значении выкупа или цены за невесту у народов Кавказа известен под различными наименованиями. Так, например, по наблюдениям М. А. Меретукова, калым по-адыгейски называется «уасэ», что означает — «цена, стоимость», так как он является платой за невесту. У абхазов калым именуется «ачма», у грузин — «урвади», у осетин — «урад».

Калым, который выдавался стороной жениха стороне невесты, ни в какой степени не способствовал образованию личной собственности женщины, так как почти полностью вливался в имущество семьи невесты. А личная собственность женщины складывалась полностью из подарков родителей, которыми только она могла распоряжаться, а также из части приданого, которое приумножалось личным трудом женщины и из подарков жениха и его родственников. Приданое вливалось в имущество семьи жениха и вы-

ступало в качестве самостоятельной ценности лишь в определенных случаях (развод, раздел после смерти мужа и т. д.).

Вопрос о приданом по-разному трактуется исследователями. Оно существовало не только у народов Северного Кавказа, но и у народов Прибалтики. Вот что говорит о приданом исследователь С. Бернотоне: «Создание семьи во все времена было одним из важнейших событий в жизни человека. Раньше, так как женщина выполняла тяжелые работы по дому, мужчина стремился выбирать здоровую и трудолюбивую жену. Хотя в доме мужа жена и пользовалась имуществом, приобретенным без ее участия, постепенно возникло требование, чтобы и невеста приносила с собой какое-то имущество». И далее: «Приданое, которое получала невеста, было не только родительским подарком, но и возмещением за ее труд в отцовском доме. В «Литовском Статусе» величина приданого приравнивалась к 1/4 части отцовского имущества, независимо от того, сколько у него дочерей».

У горцев Северного Кавказа, в том числе и у вайнахов, хотя и не было узаконено приданое статусом, не был установлен и размер приданого, оно существовало. Однако, после декрета о превращении земли во всенародную собственность изменились семейные отношения и отношение к приданому.

Если засватанная за одного девушка выйдет замуж за другого (когда любовь берет верх), то это чревато плохими последствиями. Не может быть большего оскорбления, когда возлюбленная, да еще засватанная, выходит замуж за другого. Если же засватанную девушку украдет другой молодой человек, не избежать последнему кровной мести. В Чечне и Ингушетии бывали и такие факты, когда родственники девушки, просватав ее с колыбели, выдавали потом замуж, не только не спрашивая ее согласия, но даже не показав ей жениха.

Время свадьбы зависит от различных обстоятельств. За невестой едут наиболее близкие друзья жениха, бойкие разговорчивые женщины и несколько других девушек. По прибытии свиты в дом невесты, гостей встречает один из родственников девушки, который при приближении гостей запирает дверь и требует подарки. А после веселого гама, шума и шуток посланные за невестою забирают ее и едут домой. Всю эту свадебную процессию сопровождают джигиты, одетые в праздничные национальные костюмы, они на лучших конях, украшенных уздечками. Здесь нередко бывают и ружейные выстрелы, которые, как говорят на Кавказе, способствуют созданию праздничного настроения. Привоз невесты также встречают выстрелами. Эти свадебные обряды сохранились и в наши дни, но за невестой ездят не на тачанках и конях, а на современных легковых автомобилях. Чеченцы и ингуши любят помпезность, и поэтому чем больше автомашин, тем и солиднее принято считать свадебное торжество.

шивает его мать: «О чем ты плачешь, мой сын?». Рассказал ей Гази про три вести: «Плачу, что не знаю, которое из трех дел надлежит мне исполнить». Тогда ответила ему мать: «Пусть уходит враг; настанет час, и сбудется твоя месть; и княжна не уйдет от тебя, если суждено тебе жениться на ней. Но кунаков надо принять так, как принимал их твой отец. Это самое важное и неотложное дело».

Гази послушался матери и с почетом принял гостей, а ночью, когда они легли спать, отправился на указанное место к мосту, и, подкараулив, убил своего врага, оттуда добрался до кабардинского аула, выкрал через окно свою невесту и к рассвету привез ее домой. Утром, когда за девушкой подоспела погоня, проснувшиеся князья-кунаки вышли из дома и покончили дело миром. Так награжден был мальчик Гази за верность долгу гостеприимства [120].

В быту чеченцев и ингушей гостем считается не только специально приглашенное лицо, но и каждый знакомый или любой незнакомец, попросившийся в дом на ночлег, с просьбой защиты или содействия в чем-либо. «Куда не заглянет гость, туда не заглянет добро», — говорит народная пословица. Повторные же встречи между гостем и принявшем его хозяином превращались в «куначество» — в еще более крепкую дружбу, братство, хотя такое сближение не исключается и при первой встрече. Однако, констатирует историк И. Саидов, для этого, по установившемуся обычаю, давали клятву в побратимстве (дуй биьна доттагIий). Принятие такой клятвы сопровождалось разными процедурами, но наиболее популярными считали: выпить молоко из одной чашки, в которую в знак постоянной (нержавеющей) дружбы иногда бросали золото или серебро; обменяться оружием или доспехами.

Надо особо отметить, что гостеприимство и куначество проявлялись без всякого вознаграждения. Постель, пища и другие надобности были бесплатными.

Традиции у вайнахов по своему содержанию могут быть условно разделены на прогрессивные и реакционные. К прогрессивным относятся революционные, патриотические, трудовые традиции, традиции дружбы, братства и взаимной помощи, прогрессивны и новые семейно-бытовые обряды и праздники. Такие традиции и обычаи, наряду с другими факторами общественной жизни, активно способствуют формированию новой, всесторонне развитой личности. Чеченцы и ингуши считают традицию гостеприимства одним из признаков национального характера. Абсолютное большинство населения Чечено-Ингушетии (92,4 процента из числа опрошен-

---

[120] Яковлев Н. Популярный очерк. «Ингуши», М., 1925. С. 167.

ных в 1974 г.) дали положительную оценку гостеприимству. На вопрос анкетера «Зависит ли оказываемое гостеприимство от национальной принадлежности гостя?, более 70 процентов опрошенных ответило «нет» и лишь 10 процентов «да». Из сказанного следует, что традиция гостеприимства может служить важным фактором воспитания интернациональных чувств дружбы и уважения к другой национальности.

Широко бытуют среди населения Чечни и Ингушетии такие общечеловеческие традиции, как забота о престарелых родителях, уважение и почитание старших. Так, 89,5 процента населения положительно оценили традиционное уважение и почитание старших [121].

В семейной и общественной жизни чеченцев и ингушей значительное место занимали всевозможные состязания и игры, которые являлись одним из средств воспитания молодого поколения.

При глубоком изучении народных игр, физических упражнений и состязаний вайнахского народа ярко вырисовывается их родство (общность) с бытовавшими с древнейших времен играми у других народов Кавказа — грузин, абхазов, осетин, кабардинцев, дагестанцев [122].

Вместе с тем, как отмечал А. И. Краснов, многие народные игры, физические упражнения и состязания зародились самостоятельно на земле вайнахов. Наиболее популярными были состязания наездников — скачки, которые иногда проводились для богатых, а бедным и рабам (лаям) совершенно запрещалось выступать в состязаниях, что и указывает на явную классовую дифференциацию, существовавшую здесь. Другими формами народных игр явились скачки, призами на которых были: ружье, конь и кинжал. Все они вырабатывали решительность, смелость и умение в совершенстве управлять своим боевым другом — конем.

Очевидцы, жившие 140—150 лет тому назад, свидетельствуют о том, что чеченцы увлекались джигитовкой. Так, великий русский поэт А. С. Пушкин, который был на Кавказе и полюбил этот сказочный край в своей знаменитой поэме «Тазит» писал:

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелою шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.

---

121 Социологические исследования института атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и лаборатории Чечено-Ингушского обкома КПСС.

122 Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963, с. 6.

шивает его мать: «О чем ты плачешь, мой сын?». Рассказал ей Гази про три вести: «Плачу, что не знаю, которое из трех дел надлежит мне исполнить». Тогда ответила ему мать: «Пусть уходит враг; настанет час, и сбудется твоя месть; и княжна не уйдет от тебя, если суждено тебе жениться на ней. Но кунаков надо принять так, как принимал их твой отец. Это самое важное и неотложное дело».

Гази послушался матери и с почетом принял гостей, а ночью, когда они легли спать, отправился на указанное место к мосту, и, подкараулив, убил своего врага, оттуда добрался до кабардинского аула, выкрал через окно свою невесту и к рассвету привез ее домой. Утром, когда за девушкой подоспела погоня, проснувшиеся князья-кунаки вышли из дома и покончили дело миром. Так награжден был мальчик Гази за верность долгу гостеприимства [120].

В быту чеченцев и ингушей гостем считается не только специально приглашенное лицо, но и каждый знакомый или любой незнакомец, попросившийся в дом на ночлег, с просьбой защиты или содействия в чем-либо. «Куда не заглянет гость, туда не заглянет добро», — говорит народная пословица. Повторные же встречи между гостем и принявшем его хозяином превращались в «куначество» — в еще более крепкую дружбу, братство, хотя такое сближение не исключается и при первой встрече. Однако, констатирует историк И. Саидов, для этого, по установившемуся обычаю, давали клятву в побратимстве (дуй биьна доттагIий). Принятие такой клятвы сопровождалось разными процедурами, но наиболее популярными считали: выпить молоко из одной чашки, в которую в знак постоянной (нержавеющей) дружбы иногда бросали золото или серебро; обменяться оружием или доспехами.

Надо особо отметить, что гостеприимство и куначество проявлялись без всякого вознаграждения. Постель, пища и другие надобности были бесплатными.

Традиции у вайнахов по своему содержанию могут быть условно разделены на прогрессивные и реакционные. К прогрессивным относятся революционные, патриотические, трудовые традиции, традиции дружбы, братства и взаимной помощи, прогрессивны и новые семейно-бытовые обряды и праздники. Такие традиции и обычаи, наряду с другими факторами общественной жизни, активно способствуют формированию новой, всесторонне развитой личности. Чеченцы и ингуши считают традицию гостеприимства одним из признаков национального характера. Абсолютное большинство населения Чечено-Ингушетии (92,4 процента из числа опрошен-

---

[120] Яковлев Н. Популярный очерк. «Ингуши», М., 1925. С. 167.

ных в 1974 г.) дали положительную оценку гостеприимству. На вопрос анкетера «Зависит ли оказываемое гостеприимство от национальной принадлежности гостя?, более 70 процентов опрошенных ответило «нет» и лишь 10 процентов «да». Из сказанного следует, что традиция гостеприимства может служить важным фактором воспитания интернациональных чувств дружбы и уважения к другой национальности.

Широко бытуют среди населения Чечни и Ингушетии такие общечеловеческие традиции, как забота о престарелых родителях, уважение и почитание старших. Так, 89,5 процента населения положительно оценили традиционное уважение и почитание старших [121].

В семейной и общественной жизни чеченцев и ингушей значительное место занимали всевозможные состязания и игры, которые являлись одним из средств воспитания молодого поколения.

При глубоком изучении народных игр, физических упражнений и состязаний вайнахского народа ярко вырисовывается их родство (общность) с бытовавшими с древнейших времен играми у других народов Кавказа — грузин, абхазов, осетин, кабардинцев, дагестанцев [122].

Вместе с тем, как отмечал А. И. Краснов, многие народные игры, физические упражнения и состязания зародились самостоятельно на земле вайнахов. Наиболее популярными были состязания наездников — скачки, которые иногда проводились для богатых, а бедным и рабам (лаям) совершенно запрещалось выступать в состязаниях, что и указывает на явную классовую дифференциацию, существовавшую здесь. Другими формами народных игр явились скачки, призами на которых были: ружье, конь и кинжал. Все они вырабатывали решительность, смелость и умение в совершенстве управлять своим боевым другом — конем.

Очевидцы, жившие 140—150 лет тому назад, свидетельствуют о том, что чеченцы увлекались джигитовкой. Так, великий русский поэт А. С. Пушкин, который был на Кавказе и полюбил этот сказочный край в своей знаменитой поэме «Тазит» писал:

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались:
Верхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелою шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.

---

121 Социологические исследования института атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и лаборатории Чечено-Ингушского обкома КПСС.

122 Краснов А. И. Физическая культура и спорт в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1963, с. 6.

То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы [123].

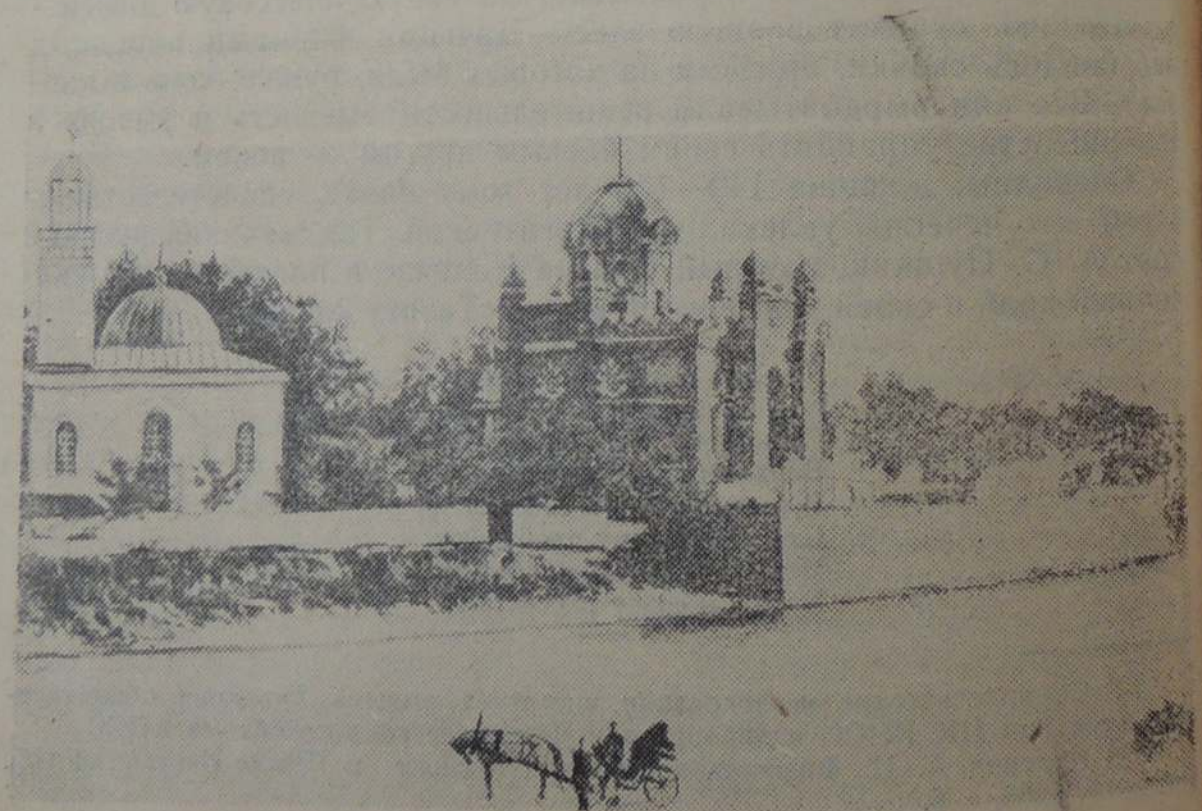
В числе других спортивных игр большой популярностью пользовалась национальная борьба (охьатохаран латар — кто кого положит на лопатки).

В своей работе «Общественный быт вайнахов в XIX веке—начале XX века» исследователь И. Саидов, подробно рассмотрев мехк-кхел (совет старейшин страны) и роль старейшин в общественном быту констатирует, что мехк-кхел собирался для обсуждения вопросов общенародного значения, а также и частных спорных дел, неразрешенных местными советами. Мехк-кхел носил до некоторой степени характер высшей законодательной власти. Разумеется, нарушение решения мехк-кхел подвергалось штрафу или другим формам наказания. В заключение автор приходит к выводу, что «вайнахский» мехк-кхел (совет страны) являлся традиционным институтом, решающим важнейшие вопросы их общественной жизни.

Стремление отдельных исследователей придать мехк-кхел религиозную окраску и тем самым умалить его значение, лишено оснований.

---

123 А. С. Пушкин. М., 1957 С. 321.

ГЛАВА III

ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА

1. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Царская Россия была страной с невиданной в мире пестротой населения, разбросанного на огромных территориях и жившего в разных условиях. До 57 процентов населения составляли так называемые инородцы, преобладающее большинство которых было неграмотным. Различным районам свойственны были чрезвычайные контрасты в уровне экономического и культурного развития.

Великодержавные шовинисты и думать не могли об образовании «инородцев», «туземцев» — так презрительно называли они все нерусские народы. «Народом темным и безграмотным легче управлять»[1], — говорила Екатерина II. Соответственно правительственной политике отпускались и средства на народное образование окраин. В 1916 году расходы на образование в Чечне и Ингушетии исчислялись 20 копейкам в год на душу населения.

По переписи 1886 года среди чеченских аулов было отмечено знание русского письменного языка: в Урус-Мартане — 2 человека, в Алдах — 4 человека, в Старых Атагах — 6 человек, в Шаами-Юрте — 9 человек, в Гойтах — 26 человек, в Брагунах — 30 человек, в Старом-Юрте — 53 человека[2].

Число людей, владеющих русским письменным языком, в Ингушетии было несколько больше. Так, по данным 1901 года, здесь знавших русскую грамоту было 323 человека[3].

Если мы сравним число владеющих русской грамотой и число владеющих грамотой на других языках в конце 90-х годов XIX века, не трудно убедиться, что среди горцев Северного Кавказа чеченцы и ингуши были наиболее отсталыми. Об этом, в частности, свидетельствует цифровой материал по данным переписи за 1897 год.

---

1 Расы и народы. Ежегодник. М., 1973. С. 11.
2 ЦГА Чечено-Ингушской АССР, ф. 149, оп. 1, дд. 1, 26, оп. 2, дд. 1—28.
3 Там же, ф. 32. д. 217, лл. 62—66.

	Число владеющих русской грамотой	Число владеющих грамотой на других языках *
	0,3	1,9
Чеченцы и ингуши	5,7	0,3
Осетины	0,7	3,1
Кабардинцы	1,2	7,8
Адыгейцы и черкесы	1,5	3,1
Карачаевцы	0,3	1,1 [4]
Балкарцы		

* Под грамотными «на других языках» подразумеваются главным образом горцы, знавшие арабскую грамоту.

Некоторые ученые царской России сочувственно относились к бесписьменным народам, старались помочь им в создании национального алфавита. Так, в 1856 году академик А. А. Шифнер составил чеченский алфавит на основе латинского. В 1862 году П. К. Услар создал алфавит на основе русской графики. Но ни та, ни другая системы распространения не получили, так как царское правительство не было заинтересовано в просвещении народов окраин.

По образному определению героя гражданской войны Асланбека Шерипова, чеченцы и ингуши были «настоящими пасынками императорской России» [5] и в этом нетрудно убедиться. Так, на всей территории дореволюционной Чечни и Ингушетии существовало два средних учебных заведения — Грозненское городское реальное училище и женская гимназия. В эти учебные заведения чеченцам и ингушам путь был закрыт. Для них существовали две горские школы — одна в Грозном, другая в Назрани. Как свидетельствуют источники, даже в этих школах не все места были заняты горцами. Так, в 1903 году в Грозненской городской школе из 144 учеников только 51 значился «горцами», а в 1907 году из 97 учеников только 46 [6]. До революции у вайнахов не было своих профессиональных очагов культуры и учреждений здравоохранения, да они и не могли быть у бесписьменного народа. Открытие общеобразовательных школ было жизненно необходимо, так как только просвещение могло приобщить вайнахов к русской и мировой культуре.

Как свидетельствует история, тяга к знаниям, к цивилизации у чеченцев и ингушей была большая. В этом отношении характерно

---

[4] Гонтарева Е. Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. VI. Вып. 1. Грозный, 1965. С. 138.

Аристова Т. Ф. В сб. Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 274.

[5] Шерипов А. Статьи и речи. Грозный, 1961. С. 35.

[6] Грозненский рабочий, 1975. 2 июля.

ступление в печати учителя М. Г. Котиева, который писал: «Еже-
дно в Назрановскую горскую школу подается 100 и более про-
ений родителями-ингушами о принятии их детей в школу. Но, за
имением мест в школе, принимается только 50 мальчиков, а все
тальные дети, желающие учиться, остаются за стенами храма
уки во тьме глубокого грубого невежества»[7].

Жители села Урус-Мартана еще в 1895 году ходатайствовали
б открытии начальной школы на 160 человек. Они обязывались
а свои средства построить школу, оборудовать ее, выделить 400
есятин из общественной земли. Но этот проект так и застрял в
едрах канцелярии[8].

Основой деятельности Советского правительства стал ленин-
кий принцип равноправия наций. 15 ноября 1917 года Советом
Народных Комиссаров была принята подготовленная В. И. Лени-
ым «Декларация прав народов России», провозгласившая равен-
тво народов страны. Угнетательская политика царизма и русско-
о капитализма, говорилось в Декларации, «должна быть замене-
а политикой добровольного, честного союза народов России»[9].

Придавая огромное значение культурной революции и зада-
ам Советской власти в этом вопросе В. И. Ленин говорил: «...Пред-
тавьте себе миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к раз-
ичным национальностям и расам и стоящих на различных сту-
еньках культуры, — все они теперь устремились вперед, к новой
изни. Грандиозна задача, стоящая перед Советской властью. Она
олжна за годы, за десятилетия загладить культурный долг мно-
их столетий»[10].

Так как задачи социалистического строительства не могли быть
осуществлены без решительного подъема экономики и культур-
ого уровня трудящихся масс, Советское правительство принима-
ло все меры, чтобы дать малым народам письменность на родном
языке. Кстати сказать, Ингушетия первой среди горцев Северного
Кавказа в 1923 году приняла алфавит на латинской основе, разра-
ботанный З. К. Мальсаговым, бывшим тогда Наркомом просвеще-
щения Горской Республики. Принятие чеченского алфавита на ла-
тинской основе затянулось до 1926 года.Составителем его был учи-
тель М. С. Сальмурзаев[11].

С преобразованием Чеченской и Ингушской автономных облас-
тей в единую автономную республику письменность на латинской
основе не могла удовлетворять возросшие культурно-экономиче-
ские потребности народа. В 1938 году была создана письменность

---

7 Терские ведомости 1911, № 158.
8 Грозный и его окрестности. Владикавказ, 1914. С. 8.
9 Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 40.
10 Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М., 1955. С. 68.
11 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. II. Грозный, 1972. С. 119.

на основе русского алфавита, способствовавшая приобщению вайнахов к русской, советской и мировой культуре.

Быстрое развитие школьной сети требовало усиленной подготовки национальных кадров учителей. Для решения этой проблемы пришлось открыть различного рода краткосрочные курсы. Первые на Северном Кавказе такие курсы были открыты во Владикавказе в июне 1920 года. На них готовились национальные кадры учителей для Осетии, Кабарды, Балкарии, Чечни, Ингушетии и др. национальных областей.

В Чечено-Ингушетии развернулась большая работа по ликвидации неграмотности. Так, в соответствии с директивой Совета Народных Комиссаров от 18 июня 1921 года в Горской республике было принято специальное постановление, обязывающее всех граждан от 14 до 30 лет обучаться грамоте, для чего были открыты специальные школы. Обучающимся предоставлялись привилегии и в дни занятий они освобождались от работы на 2 часа с сохранением заработной платы. Большой популярностью пользовалось Общество по руководству ликвидацией неграмотности, созданное в 1923 году. Называлось оно «Долой неграмотност:!»

В эти же годы усилилась шефская помощь по ликвидации неграмотности наиболее передовых районов Северо-Кавказского края и ряда областей Украины над трудящимися Чечено-Ингушетии. Так, в частности, Владикавказ и Ростов шефствовали в основном над районами Ингушетии, Харьков — над Урус-Мартановским районом Чечни, Киев — над Веденским и Одесса — над Сунженским районом.

Бескорыстная шефская помощь, оказанная Северо-Кавказским краем и Всеукраинским обществом «Долой неграмотность», блестяще оправдала себя. К концу 1934 года через ликпункт и школы малограмотных прошли свыше 95 тыс. человек. Это была первая убедительная победа на фронте культурного строительства [12].

В первые годы Советской власти в Чечне и Ингушетии, как и во всей стране, стояла проблема подготовки из среды рабочих и трудового крестьянства людей, которые могли бы поступить в высшие учебные заведения. Решение этой задачи было возложено на рабочие факультеты (рабфаки). Среди открытых новых учебных заведений был и чеченский рабфак им. А. Шерипова в Грозном, который обслуживал также Ингушетию, Северную Осетию, Кабарду и Балкарию.

Учитывая огромное значение быстро развивающегося Грозненского нефтяного района, в 1920 году был открыт и Грозненский нефтяной институт.

В настоящее время подготовка высококвалифицированных спе-

---

[12] З. К. Джамбулатова. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1921—1941 гг.). Автореферат. Тбилиси, 1965. С. 14.

циалистов проводится в республике в трех высших учебных заведениях, в которых обучается более 18 тыс. студентов. Преподавание ведут 70 докторов и более 400 кандидатов наук. В республике функционируют шесть техникумов, десятки училищ профтехобразования. В более чем 500 образовательных школах трудится около 15 тыс. учителей.

Вместе с ростом числа школ, специальных средних учебных заведений, увеличением количества учащихся в них, растет и численность специалистов с высшим и средним образованием, занятых в народном хозяйстве республики.

В 1941 году в промышленности и сельском хозяйстве, просвещении и здравоохранении Чечено-Ингушетии трудилось 7,1 тыс. специалистов с высшим и средним специальным образованием, а в 1980 году их было около 80 тыс. человек, из коих более 23 тыс. человек местной национальности.

Замечательный просветитель и основоположник казахской поэзии Абай Кунанбаев, как бы обращаясь к потомкам, писал, что нужно изучить русский язык, он откроет вам глаза на мир. Именно благодаря русскому языку чеченцы и ингуши получили доступ к мировой литературе. Сегодня они на русском и родном языках читают величайшие творения литературы, каковыми являются произведения Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Гоголя, В. Шекспира, Шота Руставели, Льва Толстого, Коста Хетагурова, Максима Горького, Михаила Шолохова и произведения многих других братских народов.

2. УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Из всех видов народного творчества дореволюционного периода наибольшее развитие у вайнахов получило устное народное творчество. Второе место занимали музыка и искусство танца. А такие виды изобразительного искусства, как живопись и скульптура отсутствовали полностью, если не считать искусства резьбы по камню и дереву. Особенно славились резчики, украшавшие боевые башни и надгробные памятники фигурной резьбой, содержавшей геометрический, растительный и животный орнамент [13].

Значительное развитие у вайнахов и некоторых других народов Кавказа, получила башенная архитектура, а также декоративно-прикладное искусство: художественная аппликация в войлочно-ковровом производстве, поделки из дерева и кости, вышивка, цветное и золотое шитье. Чеченские оружейники отделывали приклады ружей и ручки кинжалов инкрустацией из слоновой кости [14].

---

13 Очерки истории чечено-ингушской литературы г. Грозный, 1963, с. 8.

14 Там же.

Большое место в семейной и общественной жизни чеченцев и ингушей имел фольклор, на примерах которого воспитывалась молодежь.

Профессор Н. Ф. Яковлев высоко ценил устное творчество чечено-ингушского народа. Он писал: «Устное творчество чеченцев очень сильно, выразительно, а некоторые из этих песен и легенд могут быть сравнимы с лучшими образцами мирового фольклора»[15].

Среди жанров устного народного творчества почетное место занимают нартские сказания, возникшие еще в глубокой древности и имеющие много общего с нартскими сказаниями осетин и кабардинцев.

В нартском эпосе Северного Кавказа нашли свое воплощение идеалы и представления народа о лучших человеческих качествах: мудрости и душевном благородстве, дружбе и верности, храбрости и мужестве. В образах нартских героев народы Кавказа обобщили свой жизненный опыт, создавая символы большой художественной силы[16].

С конца XVIII до середины XIX века нартские сказания у вайнахов стали забываться. Их уже не стали петь, а начали рассказывать. Именно к этому периоду относится появление жанра героико-эпических сказаний «илли» — произведений высокой художественной ценности. Илли живут, совершенствуются и в наши дни, стали поистине любимым достоянием культуры чечено-ингушского народа.

Чеченцы и ингуши создали немало песен, отличающихся силой и выразительностью чувств, богатством образов. Мы имеем в виду «эшарш», исполняющиеся во время танцев, любовные и свадебные, славящие героев, высмеивающие трусов, песни-плачи по покойнику.

Песни звучали над колыбелью младенца, навевая сладкий сон и желая не видеть тех тягот, которые испытывали родители. С песней горец обращался к любимой, с которой не мог встретиться из-за того, что он беден.

Песни вайнахов выражали мысли и чувства своего века, своего поколения. Одни песни сменяются другими. Как и люди, одни песни умирают, другие, как герои, продолжают жить. Только правдивые песни, идущие из глубины веков, подхватывались новыми поколениями[17].

Героические песни «илли» вдохновляли на борьбу за независимость и свободу.

---

[15] Яковлев Н. Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. Грозный, 1926.

[16] Трофимова А. Т. Развитие литературы и искусства. В сб.: Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 303—304.

[17] Песни вайнахов. Грозный, 1972. С. 5.

Пусть у отца и матери сын не родится,
Если он чести и мужества не сохранит.
Боже, дай счастья тому, кто намерен сражаться,
А не тому, кто чуть что убегает в кусты [18]

Значительное место в устном народном творчестве вайнахов занимают пословицы и поговорки, в которых выражается отношение народов к родине, труду, войне, миру, в которых отражен общественный и житейский опыт народа.

«Чем жить курицей, лучше умереть петухом», — говорит чеченская пословица. В иных вайнахских пословицах высмеивается трусость:

«И бек не растерялся, — когда за ним гусь погнался» или «не осмелился ударить коня — ударил по седлу», — говорит ингушская пословица.

Представители передовой русской интеллигенции А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой, продолжая прогрессивные традиции декабристов, проявляли большой интерес к песням вайнахов, которые сплачивали народ, поддерживали его свободолюбие и укрепляли в нем чувство национального достоинства [19].

3. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

У бесписьменного народа не могла быть литература и пресса. Задача состояла в том, чтобы помочь трудовым массам окраин России догнать идущую вперед центральную Россию, помочь им создать у себя прессу, школу, театр, клубное дело, т. е. все то, что входит в понятие культуры.

Особенно большой интерес к нравам, обычаям и психологии вайнахов проявлял великий русский писатель Л. Н. Толстой. В период своей работы над повестью «Хаджи-Мурат» он писал поэту А. Фету: «Читал я в это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это сборник сведений о Кавказских горцах, изданный в Тифлисе в 1868 г. Там предания и поэзия горцев (чеченцев — Б. Г.) и сокровища поэтические необычайные.

Хотелось бы и Вам послать, но не посылаю, потому что жалко расстаться. Нет, нет и перечитываю.

В апреле 1923 года Чечоргбюро РКП(б) вынесло постановление, в котором говорилось: «Издание газеты признать необходимым. Издавать один раз в неделю. Материал должен быть местно-

---

18 Очерки истории чечено-ингушской литературы г. Грозный, 1963, с. 14.
19 Цитируется по книге «Песни вайнахов». Грозный, 1972. С. 6.

го значения, освещающий быт, жизнь населения, работу соворганов как в центре, так и на местах, жизнь и работу соседних нацобластей и республик, Газете присвоить наименование «Советская Автономная Чечня» [20а].

23 апреля 1923 г. в Грозном вышел первый номер «Советской Автономной Чечни» — органа Чечоргбюро РКП(б) и чеченского облревкома. В 1925 году газете было присвоено название «Серло» (Свет), а в 1934 году переименовано в «Ленинан некъ» (Ленинский путь). 25 апреля 1923 года во Владикавказе вышел первый номер ингушской газеты «Сердало».

Огромное политическое значение имело создание в 1934 году чечено-ингушской писательской организации.

Вслед за Бадуевым, который написал первые пьесы на чеченском языке — «Красная крепость» и«Бешто», ингушским писателем З. Мальсаговым, перу которого принадлежат пьесы: «Похищение девицы», «Месть», посвященные борьбе с пережитками прошлого, в литературу пришли С. Арсанов, Д. Мальсагов, Н. Музаев, И. Базоркин, М. Мамакаев, Х. Муталиев, Х. Осмиев, Х. Ошаев, Д. Яндиев, А. Мамакаев, произведения которых сыграли большую роль в воспитании населения в духе патриотизма, дружбы народов, в привитии нравственного чувства и хорошего вкуса.

В 40—50 годах в литературу пришли поэт и прозаик М. Сулаев, несколько позже поэтесса Раиса Ахматова, прозаики А. Боков и А. Айдамиров, драматург А. Хамидов, поэт А. Ведзижев и многие другие, произведения которых полюбились читателям и известны далеко за пределами республики.

В настоящее время в Чечено-Ингушетии выходят 4 республиканских, 14 районных и несколько многотиражных газет, альманахи: «Аргун», «Утро гор». Чечено-Ингушское книжное издательство выпускает ежегодно около сотни названий книг и брошюр, тираж которых превышает миллион экземпляров.

Чеченцы и ингуши до революции могли только мечтать об искусстве. История зарождения Чеченского государственного драматического театра относится к 1933 году. Работали в нем энтузиасты-активисты, пришедшие сюда из коллективов художественной самодеятельности.

Государственный театр, несмотря на талантливых артистов, пришедших сюда из самодеятельного искусства, остро нуждался в профессиональных актерах. Неоценимую помощь республике в этом оказали Московский государственный институт театрального

[20а] Партархив Чечено-Ингушского обкома КПСС, ф. 233, оп. 1, архив 2, л. 3. (Протокол заседания Чечоргбюро РКП(б) за 1923 год).

искусства имени Луначарского и Грузинский государственный театр имени Шота Руставели, при которых были открыты чечено-ингушские театральные студии.

В Чечено-Ингушском и Республиканском русском драмтеатрах, в Государственной филармонии трудится много одаренных специалистов своего дела. Далеко за пределами нашей страны известно имя выдающегося танцора Народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Махмуда Эсамбаева, большой популярностью пользуются заслуженные и народные артисты РСФСР и Чечено-Ингушской АССР А. Давлетмирзаев, Д. Омаев, В. Оглоблин, М. Айдамирова, В. Белоглазов, М. Дудаев, В. Дагаев, М. Цицкиев, Ш. Эдисултанов и самая молодая артистка театра и кино Т. Яндиева, блестяще сыгравшая заглавную роль в фильме «Сказки Шахерезады».

Незабываемыми остались в памяти благодарных зрителей яркие образы сценического искусства, созданные заслуженными артистами РСФСР Я. Зубайраевым, А. Исаевой и народным артистом Чечено-Ингушетии А. Дениевым, безвременно ушедшими из жизни.

В репертуаре театров русская и мировая классика. Большой удельный вес в репертуаре театров занимают произведения местных авторов. Так, за создание лирико-эпического спектакля «Песни вайнахов» режиссер Р. Хакишев, артисты М. Хадзиев и А. Гайтукаев были удостоены Государственной премии РСФСР имени Станиславского.

Творческому росту писателей и работников искусства республики способствуют постоянные общения с работниками искусства и трудящимися Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Карельской АССР, Воронежской и Херсонской областей. В свою очередь представители названных республик и областей бывают в Чечено-Ингушетии.

В республике функционируют государственный ансамбль «Вайнах», удостоенный Золотой Звезды первой степени Иордании, кукольный театр, несколько музеев, Союз художников, играющие важную роль в эстетическом воспитании трудящихся.

Неоценимый вклад в развитие чечено-ингушского музыкального искусства внес народный артист республики, композитор, гармонист Умар Димаев. В его репертуаре было более 200 произведений, которые по праву стали золотым фондом национальной музыкальной культуры. Недаром в народе говорят, что даже тот, кто безмятежно спит, заслышав мелодии Умара Димаева, упоенно шевелит ногами.

Идя по стопам отца — Умара Димаева — весомо вошли в культурную жизнь республики его сыновья Саид, Али, Амарбек. Все они стали профессиональными музыкантами. Саидом написаны такие крупные произведения, как концерт для фортепиано с оркест-

ром, оратория «Время действовать» для симфонического оркестра, хора, двух солистов и чтеца. Обладая широким чутьем современности, Али видит свою жизнь только в эстраде. Будучи руководителем эстрадной группы «Зама» (Время), он написал десятки песен— «Даймохк», «Нана» и др. Он автор музыки гимна Чеченской Республики.

Особо хочется сказать о композиторе Аднане Шахбулатове. Находясь в постели из-за тяжелого недуга более 20 лет, он продолжал оставаться в строю. Им написан и издан в Москве вокально-симфонический цикл из чеченской народной поэзии. Его эстрадные песни «Пусть никогда не умирают дети» на слова К. Кулиева, «Звезда моя Чечня» на слова З. Яндарбиева и многие другие получили широкое признание в республике и за ее пределами.

Творческий и человеческий подвиг А. Шахбулатова отмечен почетными званиями и премиями. Он заслуженный деятель искусств РСФСР и Чечено-Ингушетии, лауреат премий союза композиторов РСФСР и комсомола Республики. За большое трудолюбие и любовь к жизни его называли чеченским Островским.

Художественная самодеятельность — одна из популярных и действенных форм нравственного и эстетического воспитания масс. В Чечено-Ингушетии насчитывается более 40 тысяч участников художественной самодеятельности, объединенных в почти 3 тыс. творческих коллективов. Систематически проводимые республиканские смотры художественной самодеятельности создают колоссальные возможности для дальнейшего расцвета народного искусства, для выявления новых талантов. Они наглядно свидетельствуют, как многогранна жизнь советского человека, как высоки его духовные запросы.

На базе самодеятельных коллективов были созданы народные театры, в том числе драматические в г. Назрани, станице Орджоникидзевской и оперный при Дворце культуры имени В. И. Ленина в гор. Грозном, который подготовил и успешно показал зрителям классические оперы «Риголетто» и «Евгений Онегин».

Книга прочно вошла в быт народа. Если в 1913 году книжный фонд самой крупной библиотеки имени Чехова составлял около 15 тысяч томов, то на начало 1990 года фонд этой библиотеки превысил один миллион экземпляров. Услугами библиотеки пользуются 32 тыс. читателей. В республике нет ни одного крупного населенного пункта, где бы не было библиотеки. На 1 января 1990 г. в Чечено-Ингушетии было 459 массовых и 291 научная, техническая и специальная библиотеки с книжным фондом 5 000 000 экземпляров.

Неизмеримо выросла и киносеть. До Великого Октября в городе Грозном был только один немой кинотеатр, в сельской же местности их не было вообще. В 1990 году в республике значилось 345 киноустановок, из них 220 на селе.

На 1 января 1990 года в республике имелось около 300 тысяч радиоточек и радиоприемников, и более 140 тысяч телевизоров. Функционирует телецентр, а также передвижная телевизионная станция, позволяющая вести трансляции по телевидению из любого района республики.

В стране все больше и больше создается произведений сценического искусства, кинофильмов, в которых принимают совместное участие деятели искусства ряда республик. Именно так и создан фильм «Я буду танцевать» на студии «Азербайджанфильм». Он рассказывает о судьбе танцора Махмуда Ишхоева, прославленного танцора, прообразом которого является Махмуд Эсамбаев. В заглавных ролях кроме чеченца М. Эсамбаева играют заслуженная артистка Азербайджанской ССР азербайджанка Н. Калантарлы, народная артистка Грузинской ССР грузинка Л. Абашидзе, народный артист СССР В. Тхапсаев — осетин. Это конкретный пример творческого содружества деятелей культуры, представителей различных национальностей, продукт труда которых является своеобразным синтезом лучших элементов национальной культуры целого ряда народов СССР. Вместе с тем здесь выражено и полное понимание деятелями искусства того факта, что сближение, взаимообогащение культур — важное условие расцвета каждой национальной культуры.

Активно вошел в советскую кинематографию режиссер студии им. Горького Сулумбек Мамилов. Он автор широко известных кинолент «Ночевала тучка золотая», «Особо опасные», «Дамское танго».

Актеры чеченского государственного драматического театра им. Героя Советского Союза Ханпаши Нурадилова народные артисты Чечено-Ингушетии и заслуженные артисты РСФСР Дагун Омаев и Муса Дудаев по праву являются гордостью республики, активно сочетают работу в театре с участием в кинемотографе. Д. Омаев снимался более чем в 30 кинофильмах, созданных на разных киностудиях страны. Особо запоминаются его роли в художественных фильмах «В черных песках», «Приходи свободным», «Ночь на новолунии».

Заслуживает самого пристального внимания творчество режиссера-документалиста Ильяса Татаева, создавшего более двух десятков фильмов..

4. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И СПОРТ

Со здравоохранением в дореволюционной Чечне и Ингушетии обстояло нисколько не лучше, чем с народным образованием. На их территории, включая сюда г. Грозный и все казачьи станицы, было всего 10 больниц на 136 больничных коек и 19 врачей [21].

[21] 50 лет Автономии Чечено-Ингушской АССР. Ст. сборник. Грозный, 1972. С. 6.

Царское правительство меньше всего было обеспокоено заботами об образовании и тем более о здравоохранении туземного населения. 70-тысячный ингушский народ обслуживался одним фельдшером, а вся Чечня с ее большой, порой труднодоступной горной территорией, с населением более 500 тысяч человек обслуживалась всего лишь двумя врачами. В крупнейшем селе Чечни Урус-Мартане и во всем районе лечением больных занимался один фельдшер, и тот ветеринарный.

Среди населения широко были распространены такие заболевания, как туберкулез, трахома, малярия, оспа, чесотка, сыпной тиф. Тысячи жизней уносили в могилу эпидемии различных болезней. Высока была смертность, особенно смертность детская, каждый пятый, а в некоторых аулах — третий из вновь родившихся детей не доживал до года. По существу все сельское население было лишено медицинской помощи, находилось во власти невежественных знахарей, колдунов, которые «лечили» больных чем угодно и как угодно. В этих условиях люди искали свои способы борьбы с болезнями. Появились лекари из народа.

У чеченцев и ингушей хорошо была развита народная медицина, особенно методы лечения ран от огнестрельного оружия. Народные лекари получили высокую оценку у выдающегося русского хирурга того времени Н. И. Пирогова. Он писал: «Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен — есть что-то наследственное и переходит от отца к сыну» [22].

Заметное распространение получила у горцев такая сложная операция, как трепанация черепа. Вот что пишет по этому вопросу ингушский исследователь Ч. А. Башир:

— В одном из вооруженных столкновений житель ингушского селения Мецхал — Котиев Исмаил Хукенович — получил сабельный удар в голову. Больного привезли в тяжелом состоянии во Владикавказский госпиталь. Осмотрев больного, врачи отказались что-либо сделать. Череп был буквально разрублен на две части от мозжечка до переднего мозга... Мецхальский народный хирург Бунхо Точиев предложил свои услуги. Он проделал сложную операцию. Тщательно очистил рану, причем мелкие раскрошенные кости из мозга вылизывал языком. После этого Бунхо велел зарезать курдючного барана. Разрезанный на тонкие ломтики курдюк стал вкладывать в рану. Исмаил Котиев выздоровел и после этого прожил еще 40 лет [23].

Отсутствие надлежащей медицинской помощи приводило к широкому распространению среди населения различных болезней, а отсутствие же специальных медицинских учреждений для женщин приводило к преждевременной смерти многих рожениц.

---

[22] Пирогов Н. И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952. С. 68.

[23] Башир Ч. Из культурного прошлого вайнахского народа. Рукопись. 1965. С. 44.

Только Советская власть взяла на себя заботу о здоровье народа. Вместе с увеличением ассигнований на медицинские цели, растет количество поликлиник, больниц, профилакториев. В конце 1980 г. в республике функционировало 44 больницы, 28 сельских амбулаторий, 25 поликлиник, 14 станций и отделений скорой медицинской помощи.

Сегодня на страже здоровья трудящихся республики стоят 10 тысяч медицинских работников с высшим и средним специальным образованием, из коих около 3000 дипломированных врачей. На каждые 10 тыс. жителей республики приходится 19 врачей [24].

Обозревая динамику роста медицинских кадров в республике, необходимо отметить, что «чувство семьи единой» советских народов благотворно сказалось и здесь. Постоянно растет число врачей из представителей коренной национальности, которые готовятся более чем в 10 областях, краях и автономных республиках, в том числе в Москве, Ленинграде, Ростове, Владикавказе, Астрахани, Ставрополе, Волгограде, Махачкале, Краснодаре.

В лечебных учреждениях республики трудилось и трудится много высококвалифицированных специалистов, пользующихся большим авторитетом. Среди них заслуженные врачи РСФСР и Чечено-Ингушской АССР А. Туаев, М. Перестенко, С. Саркисян, С. Мациев, профессор С. Айсханов и многие другие. В больницах и клиниках трудятся десятки кандидатов медицинских наук, многие из которых умело сочетают практическую и исследовательскую работу.

Физическая культура и спорт в нашей стране рассматриваются как одно из важнейших средств воспитания советского человека, гармонически сочетающегося в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

Заметный подъем физкультурной работы в Чечено-Ингушетии подтверждается прекрасными спортивными показателями. Более пятисот сильнейших спортсменов республики приняли участие в 47 Всероссийских, Всесоюзных и Международных соревнованиях по 26 видам спорта в разные годы и при этом достигли неплохих результатов. Грозненская спортивная школа воспитала абсолютную чемпионку Советского Союза, мира и ряда Олимпийских игр гимнастку Людмилу Турищеву, дважды серебряного призера Олимпиады в Монреале 1976 года гимнаста Владимира Марченко, чемпионов мира по тяжелой атлетике и Олимпийских игр в Сеуле Исраила Арсамакова, призеров этой же Олимпиады братьев Вараевых, четырехкратного чемпиона мира по вольной борьбе Сал-

24 Текущий архив Статуправления Чечено-Ингушской АССР за 1980 год.

мана Хасимикова, чемпиона мира Асланбека Бисултанова, абсолютного чемпиона Советского Союза боксера Р. Себиева, мастеров международного класса по вольной борьбе Алаудина Уциева, Руслана Бадалова, Хамзата Джабраилова и многих других. Гордостью спортивной общественности республики являются заслуженные тренеры СССР и РСФСР: Д. Багаев, И. Кодзоев, Ф. Кудзель и другие, воспитавшие десятки мастеров спорта по вольной борьбе, тяжелой атлетике и дзюдо.

Спортивные достижения наших мастеров были бы невозможны, если бы не постоянная забота государства о развитии спорта. Установлено, что в 1913 году на нынешней территории Чечено-Ингушетии имелся только один велотрек, две футбольные команды и 6 преподавателей и тренеров по физическому воспитанию. Спортом занимались всего 168 человек.

В настоящее время в республике насчитывается более 700 спортивных коллективов, функционирует 12 специализированных спортивных школ по разным видам спорта, факультет физического воспитания при педагогическом институте, в которых занимаются 400 тысяч тружеников города и села, студентов и учащихся школ. В городах и селах республики действуют 20 стадионов, более 1000 комплексных спортивных площадок, спортивных залов. В 1976 году в гор. Грозном вступил в эксплуатацию спортивный плавательный бассейн «Садко», а в 1978 году— спортивный комплекс общества «Динамо».

Разумеется, не каждому занимающемуся спортом дано стать мастером спорта, тем более чемпионом, но каждый может получить отличную физическую подготовку. Именно так складываются спортивные династии. Это, например, пятеро братьев Чимурзаевых, четверо братьев Зубайраевых, четверо братьев Магомадовых и др. Кстати сказать, все четыре брата Зубайраевых мастера спорта, а старший — Супьян — чемпион Советского Союза.

По итогам социалистического соревнования между городами РСФСР на лучшую постановку физкультурно-массовой работы в 1981 году столица Чечено-Ингушетии гор. Грозный был признан победителем и удостоен переходящего Красного Знамени Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров РСФСР.

ГЛАВА IV

РЕЛИГИЯ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Религиозное мировоззрение чеченцев и ингушей складывалось в течение многих веков и поэтому оно имеет несколько различных пластов, создававшихся в разные эпохи и в разной этнической среде. Древнейшим, самым продолжительным и живучим, было многобожие, через которое прошли все народы мира, в том числе и дальние предки вайнахов.

В эпоху средневековья у вайнахов, как и у многих других кавказских народов, были свои языческие боги и священные места, то есть поклонялись различным богам природы. Даже каждый род, семья, племя имели своего бога — патрона-покровителя.

Религиозные верования чеченцев и ингушей, по словам Е. М. Шиллинга, никак «нельзя сводить к одному исламу. Картина гораздо сложнее». Здесь не только пережитки христианства и ислама, но и «яркие черты домусульманских народных верований»[1].

По воззрению верующих чеченцев и ингушей, огонь являлся очистительным средством, при помощи которого можно было якобы избавиться от разных болезней, а также и от «нечистой» силы. «Индусское божество огня Агни соответствует чеченскому Сели, или, как его еще называют, кер-сели, то есть среде. В среду запрещено было давать кому-либо огонь, а в другие дни, давая огонь соседям, возвращали в каких-то магических целях несколько угольков обратно в очаг»[2]. Автор этой работы хорошо помнит, как строго придерживались этого поверья верующие чеченцы вплоть до 30-х годов XX в.

У вайнахов, как и у других народов Северного Кавказа, были поверья, связаные с животным миром. В частности, почти полностью совпадают чечено-ингушские поверья с описанными этнографом С. Ш. Гаджиевой в ее большой монографической работе. Она пишет, что крик совы предвещает смерть кого-либо из членов семьи[3]. А по-чеченскому поверью, крик совы (в пятницу) предве-

---

1 Шиллинг Е. Ингуши и чеченцы. Религиозные верования народов СССР. Т. II., М.—Л., 1931. С. 12.

2 Шамилев А. Религиозные культы чеченцев и ингушей и пути их преодоления Грозный, 1963, с. 4.

3 Гаджиева С. Кумыки. Изд. АН СССР. М., 1961, с. 326.

щает смерть кого-либо из родственников. Это так называемые несчастливые приметы. Но были и счастливые приметы, связанные с птицами. Крик петуха на крыльце дома предвещает приход гостей, возвращение хозяина[4].

Выходя из дома по серьезному делу, чеченец или ингуш старались избегать встреч с женщиной, идущей с пустым ведром или кувшином. При встрече же полагалось вернуться домой и отложить дело или, прочитав молитву, вновь выходить из дома. Здесь тоже мы видим полное совпадение поверьев чеченцев и ингушей с другими народами Северного Кавказа.

Из стихийных явлений наиболее почитаемым у вайнахов очевидно, была молния. Бог грома и молнии у них назывался Стела. Слово молния переводится как «стела хаьштиг» (горящее полено Стелы). Убитого молнией хоронили отдельно от других, т. е. не на общем кладбище. Согласно поверью, его не оплакивали. Место, где молнией был убит человек или животное, служило для ингушей священным местом. Там ежегодно совершали жертвоприношения[5].

В наше время этот магический обряд исчез. Убитого молнией хоронят на общем кладбище с сохранением всех общепринятых похоронных атрибутов.

Отдельные верования о загробной жизни, возникшие еще в первобытнообщинном строе, продолжают жить даже в наши дни. Отметим, что значительная часть чеченцев и ингушей верят в бессмертие души, а идея эта в свою очередь вызывала веру в загробную жизнь. Таков был, например, обычай оставлять на кладбище на несколько часов после похорон одного из близких родственников, чтобы покойник, проснувшись и увидев свое новое место, не испугался[6].

Неопровержимый факт наличия на земле вайнахов христианских памятников (храмов и крестов) и совпадение некоторых названий дней недели с грузинскими дали основание некоторым исследователям утверждать, что христианство когда-то было господствующей религией у чеченцев и ингушей.

Исследователь У. Лаудаев писал, что до ислама у чеченцев было христианство[7]. Е. М. Шиллинг относит найденые им в Чечено-Ингушетии изображения крестов к явным пережиткам христианства[8]. А. Гюльденштедт писал, что религия ингушей «чрезвычайно проста, однако имеет заметные следы христианства».

---

4 Там же.

5 Ахриев Ч. Ингушские праздники. ССКГ. Вып. 5. Отз. 3, Тифлис, 1871. С. 15.

6 Далгат У. Б. Поэтический эпос чеченцев и ингушей. М.: Наука, 1972. С. 56.

7 Лаудаев У. Чеченское племя. ССКГ. Вып. VI, 1872. С. 28—29.

8 Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы: Религиозные верования народов СССР. Т. II. М.—Л., 1931. С. 12.

«В древнейшие времена ингуши, были христиане, которые потом снова обратились в язычество», — писал С. Броневский[9].

Н. Дубровин писал: «Нагорные чеченцы никогда не были христианами и весьма строго придерживаются магометанства[10]. Данные же говорят о противоположном. Так, первый ингушский этнограф Чах Ахриев в свое время писал: «На пути от Джейраховского до Аргунского ущелья нередко приходится встречать остатки развалившихся церквей и часовен, ясно свидетельствующие, что в этой части местности некогда существовало христианство»[11].

«Я помню о том, как говорила моя мать Маржан (дочь Хасу из Толстой-Юрта). Она говорила так: «Я знаю 12 имен отца, деда, прадеда и т. д., а 12-й самый старший из них был Ульби из рода (тайпа) гуно. И этот Ульби в то время носил крест». Маржан была 1872 года и умерла в 1959 году в возрасте 87 лет», — сообщил нам преподаватель-языковед из Грозного Зайнди Джамалханов.

Исследователь А. П. Ипполитов пишет, что христианами чеченцы никогда не были. Между тем нельзя того же сказать про некоторые племена Аргунского округа, соседние с галгаевцами, как например, общество аккинское[12]. Как же быть, если аккинцы чеченское племя? Вот здесь-то и обнаруживается противоречивость этого автора.

Многие исследователи, писавшие о чеченском народе, единогласно свидетельствуют, что чеченцы в древности были христианами (кераста). Этим именем чеченцы называли, да и в наши дни еще называют всех немусульман, верующих в бога, но не признающих Магомета, — пишет Далгат. То же самое утверждает и Г. Попов. Он сообщает, что все 18 фамилий чеченцев, образовавшихся по выселении с гор в Ичкерию 18 аулов, единогласно свидетельствуют в своих преданиях, что предки их из местности Нашихэ, в верховьях Аргуна, — этой колыбели чеченского народа, были христианами[13].

Еще знаменитый Гюльденштедт указывал со слов самих кистин (чеченцев) на существование христианской церкви в горах Чечни. А экспедиции Московского археологического общества, имевшие своею непосредственной целью — разыскание следов христианства в горной полосе Чечни, встречали в Аргунском округе множество каменных крестов. А относительно креста близ аула

---

9 Броневский С. Новейшие географические и исторические известия с Кавказа. М., 1823. Ч. II. С. 161—162.

10 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПБ., 1871. С. 383.

11 Ахриев Ч. Ингушские праздники ССКГ. В. 5. Отд. 3, 1871. С. 1.

12 Ипполитов А. П. Этнографический очерк Аргунского округа. Тифлис, 1868. С. 5.

13 Лаудаев У. Чеченское племя: Сб. свед. о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 30.

Нихалоя (Советский район по-новому — Б. Г.) существует суеверие, что если опрокинуть этот крест, то переменится погода[14]

Исследователи позднейшего периода, занимавшиеся вопросами быта и культуры вайнахов, отдали пальму первенства в распространении христианства среди вайнахов Грузии. С этим мнением нельзя не согласиться. И это тем более, что некоторые лингвистические исследования бытовых терминологий, а также некоторые параллели грузинских и чеченских названий дней недели убедительно говорят о близости двух соседних народов, о влиянии религии Грузии и грузинского языка.

При внимательном сопоставлении названий не только зоонимов, но и предметов быта, пищи, установлено аналогичное звучание сотен слов вайнахского и грузинского языков.

«Грузия, — писал У. Лаудаев, — в могучий период своей жизни не могла оставаться равнодушною к языческой вере такого близкого соседа, как чеченцы. Имея над ними власть, Грузия обратила их в свою христианскую религию».

«Дело в том, — пишет академик АН Грузии Г. А. Меликишвили, что цари Картли стремились ликвидировать полунезависимое положение горцев, в котором они находились до сих пор. Христианская религия являлась прекрасным орудием в этом деле. Разумеется, не обошлось это без сопротивления, но переход, как принято говорить, был мирным, да и чеченцам не трудно было оставить свое безыскусственное язычество, постигнув ясные доводы единства бога христиан».

Но прошла пора могущества Грузии и «под давлением репрессий Тимура (конец XIV в.), когда христианство вместе с грузинской грамотой и языком было запрещено и вытеснено с гор, чеченцы и ингуши вернулись к почитанию прежних языческих культов. Сперва они делаются полухристианами, то есть начинают опять обращаться к языческой вере, а позже окончательно утвердилось язычество, которое, как свидетельствуют источники, сохранилось до появления магометанства», — писал У. Лаудаев.

Ислам как религиозное мировоззрение появился в первой четверти VII в. н. э. (622 г.) в Аравии. Мухаммед (Магомет) был признан пророком и политической главой Аравии.

В настоящее время ислам является господствующей религией в арабских и некоторых других странах, он является и религией верующей части некоторых народов нашей страны, в том числе — чеченцев и ингушей. Основой верования ислама является Коран, который учит, что «никому ничего не приключится, чего не было предопределено предвеки, чего не было бы начертано заранее, че-

---

14 Далгат Б. Указ. соч. С. 46.

14а Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. СПБ. 1895. С. 211.

го можно было бы избегнуть, либо изменить в своей участи». «Человек принадлежит богу и к нему же должен вернуться, — говорится в Коране [15].

О путях и времени повторного проникновения ислама на древнюю землю вайнахов имеются разные версии. Так, по мнению Н. Ф. Яковлева и Е. М. Шиллинга, новые культурные факторы, оказавшие влияние на жизнь чеченцев и ингушей, просочились сюда с двух побережий, т. е. Черного и Каспийского морей, в XV—XVI веках [16].

По поводу проникновения ислама в страну вайнахов в грузинских летописях сказано: «Первоначально... кистины, глигвы, дзурдзуки... были христианами... до нашествия Темур-ленго (Тамерлана), который покорив их то лестью, то угрозами, совратил в магометанство и назначил им мулл из арабов» [17].

Имея в виду, что ареной действия Тимура на Северном Кавказе являлась территория нынешней Чечено-Ингушетии, особенно район Ичкерии, не исключена возможность, что период окончательного внедрения ислама среди чеченцев относится к XIV—XV векам. Различные племена вайнахов, вероятно, принимали эту религию разновременно. Известно и другое: в 1861 г. последний ингушский аул Гвилети принял мусульманство [18].

Третий возможный путь распространения ислама среди чеченцев лежал через дагестанцев (кумыков, аварцев). Б. Далгат и У. Лаудаев совершенно справедливо отмечали, что именно Дагестан был центром, откуда распространялся и укреплялся ислам среди чеченцев. Именно в Дагестане подготавливались муллы для службы среди чечено-ингушского народа, туда же стекались желающие получить образование.

Основными носителями и распространителями ислама в период его утверждения были наибы (наместники) имама Шамиля и их мюриды. Один из больших знатоков истории Кавказа Н. А. Смирнов пишет: «Жизнь по Корану, жизнь в страхе нарушить веление аллаха — вот постоянное требование, исходящее от вождей тариката. Во имя этого требования, за неисполнение предписаний корана Шамиль, по его собственным словам, беспощадно рубил головы: ведь в коране пророком записано сказанное самим богом — кто не исполняет повеление бога, тот не должен жить ни одной минуты» [19].

Шамиль возглавлял собою стремление и борьбу Дагестана и

---

15 Массэ А. Ислам: Очерки истории. М., 1961. С. 129—130.

16 Шиллинг Е. М. Ингуши и чеченцы /Религиозные верования народов СССР. Т. II. М.—Л., 1931. С. 10.

17 Джанашвили М. Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. Поэма «Алгузиани», Тифлис, 1897. С. 51.

18 Берже А. Чечня и чеченцы: /Кавк. календарь 1860. Тифлис, 1859.

19 Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1961. С. 145.

Чечни за свободу, за выход из кабалы самодержавного гнета. Инстинкт самозащиты вольного горца перебросил его в объятия мюридизма. «Клич ярый», «клик войны» пронесся по горам Кавказа, как громовое эхо. Мюридизм, до того не привившийся к горцам, расцвел пышным цветом именно в начальный период Кавказской войны.

Учение зикристов в Чечне возглавил Кунта-Хаджи. Характерной особенностью учения зикристов, которое пришло на смену тарикату (мюридизму), являлось то, что если, по уставу тариката, зикр совершался молча, то есть погружение в экстаз проходило путем молчаливого призывания аллаха (про себя), последователи же зикра сопровождали его пляской и пением.

Имам Шамиль и официальное духовенство возненавидели Кунта-Хаджи в основном за его учение, искажающее некоторые шариатские догмы, и, в частности, за то, что он был против «священной войны». Боясь преследования со стороны имама, Кунта-Хаджи вынужден был уехать в 1857 г. на паломничество в Турцию и возвратился в Чечню только в 1861 г., т. е. после окончания Кавказской войны.

В настоящее время в Чечено-Ингушетии существуют секты Кунта-Хаджи, Батал-Хаджи, Баматгирея-Хаджи. Их последователями являются секты Солса-Хаджи, Яндарова, Дени Арсанова, Докку Шаптукаева и Ташо-Хаджи.

Ислам, так же, как и другие религии, имеет свои специфические обряды и праздники. Наиболее распространенным обрядом в исламе является намаз («ламаз» по-вайнахски) — богослужение, молитва. Каждый мусульманин в течение дня, обратившись в сторону Мекки, должен пять раз помолиться аллаху. Ламаз начинается с омовения и сопровождается чтением про себя определенных, заученных стихов Корана.

В мусульманской религии почетное место занимают посты и праздники: ураза-байрам, курбан-байрам, а также мавлюд.

Ураза — пост («марха» по-вайнахски). Верующий полностью воздерживается от приема пищи и воды от зари до захода солнца. Обыкновенно пост держат 30 дней. В Коране об уразе сказано так: «Верующие — вам предписан пост, как он предписан был тем, которые были прежде нас» (Глава XII, стих 179).

В день окончания уразы люди (преимущественно родственные между собой) ходят в гости друг к другу и поздравляют с уразой-байрамом и при этом говорят «Марха къобал дойла хьан», что в смысловом переводе означает: «Да будут благословенны твои хлопоты по части уразы». В ответе повторяются те же слова.

Пищу в день уразы-байрама готовят самую обильную.

В отличие от многих других народов Кавказа мусульманского толка у верующих чеченцев и ингушей существует обычай «Сахь даккха». Смысл его заключается в том, что в день уразы-байрама

старший мужчина или старшая женщина семьи спрашивает каждого взрослого члена семьи и детей школьного возраста разрешение «Сахь даккха», т. е. от его души устроить подаяние материально плохо обеспеченной семье или одиночкам. Ему отвечают традиционными словами «Пурба ло» (даю благословение). Размер подаяния бывает от 0,5 до 1 кг зерном или от 1 до 3 рублей деньгами за каждого человека, в зависимости от материальных возможностей семьи.

Курбан-байрам — праздник жертвоприношения справляется через 70 дней после окончания уразы. Центральным ритуальным действием курбан-байрама является принесение кровавой жертвы (обычно барана или крупнорогатой скотины). Праздник этот возник в Аравии задолго до возникновения ислама и связанного с ним поломничества. в Мекку. Уже Коран говорит о необязательности совершения поломничества в Мекку всеми (мусульманами (глава 3, стих 91). Вместо этого в исламе были установлены жертвоприношения не только в Мекке, но и во всех странах, где живут мусульмане. Жертвоприношение необходимо, согласно исламу, чтобы попасть в рай.

Мовлюд-байрам («Мовлад» — по-вайнахски). В переводе с арабского означает «рожденный». Посвящен сказаниям о рождении пророка Магомета. Моления сопровождаются коллективными богослужениями, зикром на дому у верующих, угощениями. Принято считать, что если в доме состоялся мовлюд, пророк Магомет поможет этой семье избежать неприятности (благополучно вернется солдат со службы, с фронта, исчезнут недуги больных, исправится непутевый и т. п.).

Наиболее распространенными и вместе с тем наиболее вредными по своему существу пережитками, которые бытуют среди чеченцев и ингушей являются калым, умыкание девушек, круговая порука, тунеядство и кровная месть.

Кровная месть — самое большое зло, которое когда-либо знало человечество.

Относительно кровомщения у чеченцев существует песня, в которой говорится:

«Высохнет земля на могиле моей, и забудешь ты
меня родная мать!
Прорастет кладбище могильной травой — заглушит
трава твое горе, мой старый отец!
Слезы высохнут на глазах сестры моей — улетит и
горе из сердца ее!
Но не забудешь меня ты, мой старший брат, пока
не отомстишь моей смерти»[20].

---

20 Дубровин Н. История войны и владыч. рус. на Кавказе. Т. 1, кн. 1, С.-Петербург, с. 459.

Кровная месть существовала у народов Дагестана, у осетин и у других горцев Кавказа. Причиной длительного сохранения кровной мести являлись религиозные верования, в частности, культ предков. Например, в Чечне существовала поговорка: «Мы кровь своих убитых не продаем»[21]. По осетинским поверьям убитый не мог попасть в рай, прежде чем его кровь не будет отомщена[22].

Однако еще в начале XIX в. у осетин кровная месть стала заменяться выкупом. Несколько позже по этому пути пошли и вайнахи. Основной единицей при уплате был скот, а также земельные участки, а уже в связи с развитием товарно-денежных отношений кровный выкуп стали выплачивать деньгами, причем он был различным для разных классов. Цена крови феодала и старшин намного превышала цену крови членов зависимых сословий[23].

Кровная месть являлась одним из фактов, способствовавших этническому смешению ряда горских народов, в том числе ингушей и осетин. Так, в Назрановском районе имеется ряд осетинских фамилий (Таутиевы, Гайтовы и др.), бежавшие из Осетии в результате кровной мести. В Северной Осетии можно встретить фамилии Дударовых и Андиевых, предки которых считаются ингушами, покинувшими родину не позже XVII в.[24].

Известный советский писатель Леонид Соболев писал: «То, что мне недавно рассказали — происходит в Чечено-Ингушетии, где состоялось сто пятьдесят примирений кровников. Кровники, как известно, убивают друг друга во имя родовой, старинной вражды. Кровник обязан убить. Жертва живет в ожидании пули, обреченный не выходит вечером из дому: заставляет подушками и досками окна. Его убьют, а его сын убьет сына убийцы, так из поколения в поколение.

И вот произошло необычайное: три ряда кровников — по пяти в ряду — стояли друг против друга и президент республики (имеется в виду бывший Председатель Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР тов. Алмазов И. А. — Б. Г.) предложил им подать руки.

Это был момент драматический: сорвись хоть один, стихия кровной мести мгновенно разбушевалась бы... Но новое победило— враги подали друг другу руки. И плач, и смех, и слезы и счастливые крики раздавались в толпе, следившей с затаенным дыханием за этой сценой[25].

За последние тридцать лет десятки и сотни семей чеченцев и ингушей, освобожденные от страха кровной мести, свободно вздох-

---

[21] Народы Кавказа, т. I, М., 1960, с. 366.
[22] Калоев Б. А. Осетины. М., 1971, с. 194.
[23] Калоев Б. А. Осетины. М., 1971. С. 194.
[24] Там же. С. 195.
[25] Соболев Л. Новое побеждает // Литературная жизнь. 1961. 24 декабря.

нули, почувствовали себя по-настоящему счастливыми и активно включились в трудовую жизнь. И не только тот, кто испытывал горечь законов шариата и традиций адата, но и любая семья с презрением осуждает теперь кровную месть и вторит боевому призыву поэта:

Слава свету культуры!
Дикий развейте обычай!
Век не увидит солнце,
Кто местью дышит одной.
Гордость бестолковая понапрасну
Губит нас! [26]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Издревле занимая значительную территорию и являясь наиболее крупным народом среди горцев Северного Кавказа, вайнахи давно привлекают к себе внимание. Начиная с VII в. н. э. на страницах исторической и географической литературы появляются упоминания о вайнахских племенах нахчаматьянов, кистов, дзурдзуков, что, естественно, предполагает их заметную роль в истории того времени. А русская и западная литература заговорила о них в основном только после присоединения Чечни и Ингушетии к России.

Изучение хозяйства и материальной культуры вайнахов в прошлом имеет немаловажное значение, так как в традиционном хозяйстве и материальной культуре находят свое отражение многие ценные стороны культурного наследия народов, их многовекового положительного опыта в области земледелия, скотоводства, их достижений в области прикладного искусства, народной архитектуры. Все это в совокупности дает возможность, с одной стороны, выявить вклад каждого народа в сокровищницу общечеловеческой культуры, а с другой стороны, практически использовать культурное наследие народа в интересах развития всего человечества.

Древнейшие предки современных вайнахов, каковыми являются гаргареи, исадики, хамекиты, а также их позднейшие этнонимы: нахчаматьяне, кисты, дзурдзуки убедительно говорят о сложности и длительности процесса становления нахского этноса, который начался с мелких племенных групп, шел по линии образования более крупных этнических общностей, легших в основу формирования чеченского и ингушского народов.

В течение XIV—XV веков вайнахи не раз спускались с гор на равнины в поисках свободных земель, но каждый раз из-за нашест-

---

[26] Соболев Л. Новое побеждает//Литературная жизнь. 1961. 24 декабря.

ния сильных и многочисленных кочевников вынуждены были возвращаться в горы. Разумеется, после каждого вторжения кочевников, как это имело место во время татаро-монгольского нашествия, дальнейшее развитие экономической жизни вайнахов, как и других аборигенов Кавказа, не только задерживалось, но и прерывалось.

Вопрос о зачатках феодализма, о социальном неравенстве в жизни вайнахов в прошлом до сих пор вызывает разноречивые суждения. Однако, если принять во внимание, что в их жизни существовала различная плата за кровь знатного и незнатного человека, что рабы не пользовались никакими правами и с ними знатные не роднились, мы убедились в том, что в Чечне и Ингушетии существовала социальная дифференциация. Зарождение элементов зависимости совершалось в недрах и под покровом родовых отношений, которые с внешней стороны вуалировали факты зарождения общественного неравенства и феодальной зависимости.

Процесс зарождения феодальных отношений усилился в период, когда Чечня и Ингушетия находились под влиянием кабардинских и кумыкских князей, которым крестьяне платили различные подати и в пользу которых несли различные феодальные повинности, а также в пореформенный период, когда некоторые офицеры из чеченцев и ингушей за заслуги перед царизмом были пожалованы большими земельными наделами.

С присоединением Чечни и Ингушетии к России начался новый этап в их национальном развитии. Одним из важных результатов этого события было массовое переселение значительной части вайнахов на равнину и образование здесь крупных населенных пунктов. Переселение привело к росту их экономики, способствовало появлению у них новых отраслей хозяйства (садоводство, огородничество, выращивание новых зерновых и технических культур). Однако сложению чеченцев и ингушей в нацию до революции мешала колониальная политика царизма, гнет эксплуататорских классов. Только после революции они сложились в нацию.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Чечне начали складываться кадры промышленного пролетариата, преимущественно русской национальности, которым историей суждено было стать авангардом борьбы за власть Советом в Чечено-Ингушетии.

В совместной борьбе во время Великой Октябрьской социалистической революции, в период иностранной интервенции и гражданской войны народы Кавказа сблизились как друг с другом, так и с великим русским народом, были созданы все предпосылки для их политического объединения в многонациональное советское социалистическое государство.

В создании советской государственности чеченского и ингушского народов исключительную роль играла предоставленная им

автономия, ставшая наилучшей формой организации национально-советской государственности, добровольного объединения чеченцев, ингушей, русских и других народов нашей страны в едином многонациональном государстве, средством укрепления политической основы СССР.

Акт выделения Чечни и Ингушетии из Горской Республики в автономные области (1923 г.) явился наиболее эффективной политической формой, обеспечившей, с одной стороны, учет национально-бытовых и языковых особенностей чеченцев и ингушей, с другой стороны, наиболее целесообразной формой сотрудничества с другими братскими народами СССР. И, наконец, создание единой Чечено-Ингушской автономной области (1934 г.), а затем Чечено-Ингушской АССР (1936 г.) явились лучшей формой воплощения национального суверенитета на началах самоуправления в рамках единого социалистического государства.

Интенсивное индустриальное развитие Чечено-Ингушетии в годы Советской власти вызвало широкий приток в республику инонационального населения. Так, по переписи населения в 1979 г. из 1 миллиона 200 тысяч человек чеченцы и ингуши составляли около 60 процентов, остальные — русские, украинцы, армяне, осетины, евреи, представители народов Дагестана и т. д. Всего в республике живут и трудятся рука об руку представители 82 наций и народностей. Рост промышленности и числа городов сопровождался дальнейшим развитием сельского хозяйства.

На основе экономических успехов происходил дальнейший расцвет национальной культуры, а в ходе культурного строительства появились своя письменность, школы, вузы, культурно-просветительные учреждения, развились издательское дело, литература и искусство.

Закрыть эту книгу я хочу словами русского ученого-исследователя В. И. Марковина, который писал: **«Если Вы заинтересовались культурой вайнахов, их самобытным зодчеством, их памятниками старины и вам захотелось самому полной грудью вобрать в себя горный воздух, увидеть полет орлов и башни аулов, то поезжайте в страну вайнахов.**

Здесь любят гостей!»

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Введение 5
Глава I. К вопросу о происхождении вайнахов 9
1. Археологические данные о происхождении вайнахов 9
2. Антропологические свидетельства о происхождении вайнахов 15
3. Лингвистика об этногенезе вайнахов 19
4. Исторические данные о происхождении вайнахов 23
5. Фольклор о происхождении вайнахов 27
Глава II. Социально-экономическое положение вайнахов до Октября 1917 года 29
1. Некоторые черты общественно-экономического быта вайнахов до вхождения в состав России 31
2. К вопросу об объективно-прогрессивном значении присоединения Чечни и Ингушетии к России 37
3. Из истории материальной культуры 51
4. Семейный и общественный быт 61
Глава III. Просвещение и культура 81
1. Народное образование 81
2. Устное народное творчество 101
3. Литература и искусство 107
4. Здравоохранение и спорт 115
Глава IV. Религия и религиозные верования 119
Заключение 125

Бисултан Габисович Габисов

ЧЕЧЕНЦЫ И ИНГУШИ

Технический редактор С. П. Липатова
Корректор М. А. Еськова

ИБ №
Сдано в набор 27.12 1991 г. Подписано к печати 9.07 1992 г.
Бумага офсет. № 2. Формат 60x84 1/16.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 7,44. Усл. кр.-отт. 7,67.
Уч.-изд. л. 8,4. Тираж 1500. Заказ № 7925. Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение «Книга»
Государственного комитета по информации и печати ЧР.
364907, Грозный, ул. Субботников, 35.

2-520